Лин фон Паль

ВСЕ ТАЙНЫ ГРААЛЯ

*

*Серия «Все тайны Земли» *

Художественное оформление
дизайн-студии «Графит»

Под знаком Сангрил

Вот уже около тринадцати веков мы с вами, дорогой читатель, живем под знаком Сангрил.

«— Сангрил? Что за слово такое? Имеет ли оно что либо общее с французским sang или испанским sangre, что означает «кровь»?

Лэнгдон кивнул. Из-за этих загадочных документов пролились реки крови, однако происхождение слова тут было ни при чем.

— В легендах много чего говорится по этому поводу. Важно помнить одно: Приорат рьяно охраняет их и, возможно, ждет подходящего исторического момента, чтобы раскрыть правду.

— Какую правду? В чем она заключается? Какие такие тайны могущества и власти охраняет братство?

Лэнгдон глубоко вздохнул.

— Сангрил — древнее слово, Софи. С годами оно превратилось в новый термин, более современный… — Он сделал паузу, — И когда я назову вам это новое слово, вы сразу поймете, что много знаете о нем. Практически каждый человек на земле хоть раз да слышал о Сангрил.

Софи скроила скептическую гримасу:

— Лично я никогда не слышала.

— Уверен, что слышали, — улыбнулся Лэнгдон. — Вам прекрасно известны эти дна слова: чаша Грааля».

Узнали? Да, конечно, это отрывок из романа Дэна Брауна «Код да Винчи». В нем, как всем теперь известно, идет речь о поисках Грааля. На протяжении всего сюжета герои Брауна проходят через испытания, разгадывают загадки и, в конце концов, находят свой Грааль. И оказывается, что современный Грааль — это тайна крови Христа в самом что ни есть традиционном смысле — тайна Христова потомства. Завораживающий сюжет для времени, когда наука с упоением расшифровывает структуру ДНК, пытается создать рукотворную жизнь из неживых элементов, то есть стремится стать Творцом, заменить его и вдруг создает… собственные мифы! Причем рука об руку в создании новых мифов идут физика, биология и археология. Точнее, теоретическая физика, экспериментальная биология

и библейская археология. Так что переосмысление событий древних мифов становится достоянием мифа современного. А почему бы не потомство Христа? В конце концов, чем это потомство лучше потомства Карла Великого? Судя по роману Брауна — точно уж ничем. Во всяком случае, на это потомство никогда не сходило Божественного откровения, хотя оно и есть Грааль. Макс Нордау с ядовитой усмешкой сказал бы, что вырождение — оно и есть вырождение, Ницше бы заявил, что с нашим Граалем ошибочка вышла, а Вагнер в ярости бы сжег партитуру «Парсифаля». Однако мы, современники Брауна, читаем книгу и не замечаем, что этот Грааль ничем не лучше чашки с водой. Иными словами, современный миф о Граале и миф средневековый различаются так же, как алюминиевая пряжка и древняя фибула. Если последняя имеет как историческую, так и эстетическую ценность, то первая — дитя штамповки. Увы, эта штамповка — суть нашего времени, обезображенного массовой культурой. Поэтому мифы нашего времени страдают некоторой неполноценностью. И если вы хотите понять, что же такое Грааль, точнее, что под Граалем подразумевали тысячу лет тому назад, то нет ничего разумнее, чем заглянуть в эпоху Грааля. Именно этим мы и займемся.

Вы верите в волшебные сказки? Если нет, то книжку эту вы открыли совершенно напрасно. В ней нет ни карт, ни точного указания, где находится Грааль. Вся она состоит из множества легенд, которые тем или иным способом рассказывают нам о некоем необычайном предмете — Граале, который может совершать чудеса. Поскольку материя мифа имеет некоторым образом иную структуру, чем научные исследования, то точных указаний получить невозможно. Или возможно? Это уж зависит оттого, как мы будем вчитываться в старинные тексты. И что мы, собственно говоря, из них вычитаем. Ведь за сказочными намеками встает замечательно далекая от нас жизнь, с ее географией, политикой и религией. Она сама по себе Грааль — нечто утраченное и практически недоступное нашему современному образу мышления. Грааль — это своего рода дыхание времени.

Сегодня тема Грааля стала модной, и старинные, необычайно поэтичные, сказания снопа вошли в ткань современности, но, увы, на этот раз в виде фарса или сенсации. Я ничего не имею против интересного детектива, но когда придуманный детектив начинает заслонять собою когда-то существовавшую реальность, мне становится обидно, что люди верят небылицам из детективов и не знают реального материала, который называется «историческими источниками». На самом деле эти источники гораздо интереснее и объемнее детективных загадок и разгадок.

Я не виню людей, которые вытащили эти легенды, чтобы сделать на Граале деньги. Граалю на это наплевать, людям, которые когда-то записали эти легенды, — тоже, все они давно умерли и претензий к нашим современникам не имеют. И все-таки мне хотелось бы, чтобы кроме детективов, которые прочитываются так же быстро, как и забываются, перед вами открылось то, что и есть наша с вами история. Так что мы пройдем тропами памяти и посмотрим, как и откуда явились к нам легенды о Граале. Это — если хотите — тоже исторический детектив, только вполне реальный, без вымышленных персонажей. Разобраться в истории Грааля сложно, но ведь тем и интереснее, не правда ли?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОТЕЛ. ЧАША. ПОТИР

Приключения Персиваля

Итак, что же есть Грааль? Откуда вообще пришли к нам сведения о Граале и почему он — святой? В целом, все наши сведения о Граале почерпнуты из средневековых рыцарских романов. Начиная с первого из них — «Персиваля» Кретьена де Труа — и пошла гулять по миру легенда о Граале. То есть, как бы это парадоксально ни звучало, в XII веке жил популярный автор де Труа, который использовал какие-то одному ему ведомые легенды, чтобы создать приключенческий роман для тогдашней публики. Если бы Дэн Браун жил в средневековом мире, он бы непременно воспользовался таким прекрасным случаем и стал автором подобного текста, но облегченного, лишенного внутреннего содержания, которое — браво, Кретьен де Труа! — для средневекового поэта было важнее внешних коллизий.

Итак, поэт Кретьен де Труа сочинил свою книгу, хотя не успел ее дописать до конца, и впервые назвал Граалем…

А что, собственно говоря, назвал он Граалем? Что и где? Оба вопроса важны, и мы постараемся на каждый из них ответить.

Но прежде чем обратиться к тексту Кретьена де Труа, придется сказать немного о главном герое этого эпического действа. Именуют его Персиваль. он совсем еще мальчик и живет вместе со своей матерью в глуши, не зная ни других людей, ни другого мира. Весь его мир замыкается на доме, матери, слугах. Можно сказать, Персиваль — дитя, воспитанное в условиях строгой изоляции и поэтому находящееся в крайнем неведении обо всем, чего он не видел и не знает. То есть это по сути tabula rasa, чистая доска, невинная душа. И как всякое дитя, не подвергшееся общеобразовательному процессу, Персиваль растет среди густого леса как трава, оставаясь в неведении даже сугубо обязательного в ту эпоху предмета — веры. Точнее — догматов веры. Поскольку воспитан он с огромной любовью, не зная запретов, то это своего рода мальчик-Адам, проживающий в райском саду Эдеме. Из немногих известных ему книг он знает о Боге и ангелах, но не имеет ни малейшего представления о каком-либо зле. Просто потому, что зла он не видел, поэтому и отличить зло от добра не может. И вот однажды в этот райский уголок заносит несколько всадников, глядя на которых наш неопытный герой приходит к мысли, что это ангелы. С глазами в пол-лица наш герой валится на колени с одним только вопросом, который он задает командиру этого конного разъезда, — «Ты, вероятно, Бог?» Чем, собственно, вызывает здоровый смех у чужих всадников. Однако, оказывается, ничуть это не Бог с Его ангелами, а обычные рыцари. Те самые, от знакомства с которыми и мечтала изолировать его мать, потерявшая на разного рода войнах и своего мужа и остальных сыновей — старших братьев Персиваля. Уж лучше бы несчастная женщина избрала другой метод воспитания, не изоляцию, поскольку теперь, познакомившись с рыцарями и получив от них минимальные сведения о рыцарском кодексе поведения, Персиваль осознает, какого счастья он был лишен все эти годы. Свобода, плащ, развевающийся по ветру, резвый конь, меч, щит, война — все это становится для него идеалом, затмившим ангелов и Бога. С этой минуты наш герой пропал: он отправляется в путешествие, от которого его не может удержать ни материнская любовь, ни страх перед неведомым. Он увидел воплощение своей мечты — рыцаря, похожего на ангела. Поэтому он бросает дом и отчаявшуюся мать и начинает свой путь. Кретьен де Труа, не завершивший повествования, так и оставляет своего героя в поисках приключений. Впрочем, о самых первых приключениях Персиваля мы все-таки узнаем. Персиваль уезжает из дома, расположенного в лесу. Перед отъездом он выспрашивает у смирившейся с бедой матери, что нужно сделать, чтобы стать рыцарем, причем даже не просто рыцарем, а одним из рыцарей короля Артура (какими, собственно, и являлись встреченные им незнакомцы!). Вот и приходится бедной женщине популярно объяснять, как положено вести себя юноше его происхождения в мире вне изоляции — то есть, как подобает слушать и отвечать на вопросы, как подобает вести себя в обществе мужей и обществе дам, а также как положено верить в этом непостижимом внешнем мире. Естественно, наставления, которые не связаны с

практикой и опытом, никакой ценностью не обладают. Вот почему наш Персиваль постоянно попадает в ситуации, где надо бы действовать от чистого сердца и где он действует по «указаниям матери», то есть неправильно.

В русской традиции существует несколько сказок, где герой столь же неопытен или лишен умения связывать поступок (или слово) и его последствия, почему он в итоге оказывается осмеянным или даже битым. Вот и наш Персиваль точно в таком же положении! Начиная свой путь, он заглядывает в шатер к прекрасной девушке и строго следует материнскому совету (из области «как вести себя с прекрасной дамой» — получить поцелуй и взять на память какой-либо предмет, который даст ему право защищать означенную даму). Он целует незнакомку и отбирает у нее кольцо, чем и кладет первый камень в здание ошибок. Оставив несчастную наедине с ревнивым возлюбленным, он держит путь дальше, ко двору Артура. Но, прибыв к этому двору, Персиваль, конечно же, оказывается в неловком положении. Все над ним потешаются, а король решает придержать юношу при дворе, чтобы тот немного освоился и заслужил честь посвящения в рыцари. Только наш герой ждать не желает, а сносить насмешки не может, так что он уезжает из дворца, прослышав, будто бы один нехороший рыцарь в красном похитил из замка кубок, а тот, кто этот кубок у него отнимет и вернет обратно, станет рыцарем! Персиваль решает, что именно он и должен сразиться с похитителем, и он на самом деле встречает этого красного рыцаря и требует отдать ему и кубок, и доспехи. Рыцарь, гораздо более опытный, не принимает мальчишку всерьез (ведь у того нет даже настоящего оружия!); это-то его и губит. Совершенно необученый военному искусству Персиваль просто втыкает ему дротик прямо в глаз. После чего он, тщетно попытавшись снять доспехи с мертвого рыцаря, волочит его за собой, покуда не встречает оруженосца из Артурова замка, который и помогает ему решить эту проблему. Тому приходится объяснять юному победителю, как снимать и надевать доспехи, но на все уговоры вернуться ко двору наш неуч отказывается — даже победив противника, он боится насмешек сенешаля, которого записал в свои враги. Именно так он и заявляет обескураженному оруженосцу: «Вернусь, когда Кай (его обидчик — *Авт* .) попросит прощения за насмешки». Так Персиваль и уезжает прочь, стремясь уехать подальше. На счастье Персиваля, у него на пути оказывается еще один замок, хозяин которого, старый рыцарь, берет Персиваля себе в ученики. Но, научившись владеть оружием и получив посвящение в рыцари, наш герой тут же покидает гостеприимный замок. Он жаждет рыцарских подвигов. Разве не из-за них он некогда покинул свой дом?!

Следующий замок, в который попадает Персиваль, находится в беде. Его хозяйка, юная дама Бланшфлор (*фр.* белая лилия), осаждена сенешалем своего жестокого поклонника, и Персиваль решает спасти ее и избавить замок от осады. Сначала он бьется с сенешалем и одолевает его, затем — с поклонником дамы. Обоих побежденных Персиваль в качестве пленников отправляет ко двору короля Артура. Однако вместо того чтобы остаться с прекрасной Планшфлор, он вспоминает о матери и теперь уже изо всех сил стремится вернуться домой, чтобы доказать, что он стал взрослым, и в то же время поглядеть, как обстоят ее дела. Тут же забыв о Бланшфлор, он устремляется к родному дому, но доезжает только до реки. Река — увы — глубока, а рыбачья лодки не может перевезти на ту сторону рыцаря и его коня. Оказавшись в сумерках без надежды на переправу или ночлег, Персиваль спрашивает рыбака, не ведомо ли тому хоть какое-то пристанище, где можно провести ночь. Рыбак отвечает, что Персивалю не обойтись одним ночлегом, и приглашает его в свой дом, дорогу к которому тут же и поясняет: путь к этому дому идет по тропке, теряющейся в скалах. С вершины его отлично видно. Персиваль поднимается по узкой тропе на вершину, однако не видит ничего — только небо и землю, и он начинает подозревать старика в обмане. Но, приглядевшись внимательнее. Персиваль внезапно замечает башню. Это как раз и есть одна из башен потаенного замка, где хранится Грааль! Замок Грааля, по Кретьену де Труа, состоит из трех башен и примыкающего к ним строения. Башни имеют квадратное сечение и сложены из серого камня. Возблагодарив судьбу и пославшего его сюда рыбака, Персиваль пускает коня в долину и подъезжает к спущенному мосту. Проехав по этому

мосту, он оказывается во дворе замка, где им тут же начинают заниматься слуги. Двое помогают ему спуститься с коня и забирают доспехи и оружие, третий ведет коня в стойло, четвертый накидывает на него алую мантию, и затем все четверо сопровождают молодого господина в отведенные ему покои. Через какое-то время за ним приходят двое слуг и сопровождают в квадратную залу. Посреди залы установлено ложе, на котором восседает седой и благообразный муж в собольей шапке, подбитой атласом цвета тутовых ягод, и в такого же цвета одеянии. Этот человек подзывает Персиваля к себе и прикапывает ему сесть рядом, после чего начинает выспрашивать о путешествии. Персиваль отвечает на вопросы, и в этот момент входит слуга и приносит меч. Хозяин немного выдвигает меч из ножен, и наш герои видит клеймо на мече, понимая, что это дорогой и очень хороший меч. Тут слуга сообщает, что этот меч прислала племянница хозяина, которая надеется, что столь отличный длинный и широкий меч попадет в достойные руки, поскольку это последняя работа одного великого мастера, а тот за всю свою жизнь выковал лишь три подобных меча. Почему-то хозяин тут же решает, что именно Персиваль — самый достойный, и вручает ему этот меч. Судя по описанию меча, он византийской или арабской работы — во всяком случае, его эфес сделан из восточного золота, но ножны украшены венецианской вязью. Заполучив меч, попробовав и ощутив его силу, Персиваль тут же передает его слуге, которому ранее сдавал оружие, и сидит рядом с хозяином, наслаждаясь беседой. Со стен льется яркий свет, Персивалю уютно и спокойно.

Тут краем глаза он замечает, что в залу входит слуга, который держит за середину древка белое копье. Он проходит точно между очагом и сидящими поближе к теплу людьми. С конца копья ниспадает кровь — капля за каплей. Алые капли на белоснежном наконечнике. Одна из капель скатывается на руку Персивалю. Персиваль понимает, что столкнулся с каким-то чудом, и ему хочется спросить, что бы все это значило. Но старый рыцарь, учивший его владеть оружием, на прощанье сказал, что нужно быть вежливым и терпеливым, и не задавать лишних вопросов, а поскольку Персиваль чувствует себя обласканным и этом доме, он делает вид, что ничего не заметил. Копье уносят. Следом входят двое юных оруженосцев с подсвечниками из червленого золота в руках, и каждом горит по десять свечей, За ними шествует прекрасная юная дева с Граалем в руках. Кретьен де Труа более ничего не говорит о Граале, указывает только, что когда дева вошла в залу, то от Грааля исходил такой чистый и яркий свет, что свет свечей мгновенно померк, и был этот Грааль сделан из чистого золота и обильно украшен драгоценными камнями. Грааль пронесли мимо Персиваля так же, как и копье, но хотя ему очень хотелось узнать, кому служит этот Грааль, он снова ничего не спросил. вновь последовав совету старого рыцаря.

Поскольку нужных вопросов задано не было, слуги вносят полотенца и подают воду, чтобы приготовить гостя к трапезе. Двое юношей устанавливают резной костяной стол, который тоже поражает Персиваля, ибо тот замечает, что он сделан из цельного куска, еще двое слуг вносят пару козел из эбенового дерева, на которые укладывают столешницу. Стол накрывают богатой белоснежной скатертью, затем подают блюда. Сначала идет оленья ножка со специями, разного рода сладкие вина в золотых кубках, поджаренные ломтики хлеба, и все это прекрасно сервировано. Во время трапезы перед Персивалем снова проносят Грааль, и тут Кретьен де Труа уже упоминает его как чашу: Персиваль задается вопросом, кто же пьет из этой чудесной *чаши,* но снова не решается спросить. Любопытство мучает его все сильней и сильней, но, стараясь показать себя человеком воспитанным, Персиваль превозмогает себя, надеясь позднее расспросить о Граале у слуг. Пока же он просто наслаждается едой и вином. Откушав, он снова ведет беседу с хозяином, но ни единого вопроса о копье и Граале не срывается с его уст. Слуги приносят необычайные заморские фрукты, которых наш герой никогда не видел, а в довершение этого чревоугодия — золотой александрийский мед, имбирь, сладостные вина восточного происхождении. В конце концов, поняв, что юноша так ни о чем и не спросит, хозяин предлагает ему отправиться спать: сам он жалуется, что не чувствует ног, поэтому его отнесут в опочивальню слуги, а юноше предлагает либо лечь в его покоях, либо остаться и зале. Персиваль остается в зале. Хозяина

уносят на простыне, как на носилках. Слуги раздевают Персиваля, укладывают его и накрывают белоснежным льняным покрывалом. Он засыпает. Утром, хотя и не слишком рано, он пробуждается и видит, что никого вокруг нет. Персиваль пытается позвать слуг, но никто из них не отзывается. Он хочет пройти к хозяину и соседние покои, но все двери заперты. Как пишет Кретьен де Труа, накричавшись вволю, Персиваль вынужден одеваться самостоятельно. Свои одежду и доспехи он находит лежащими на столе. Когда он выходит на двор, двор пуст, но к стене прислонены его оружие и щит. Подъемный мост опущен. Персиваль решает, что слуги отправились в лес, чтобы проверить, не попалась ли дичь в силки, поэтому он седлает коня и выезжает со двора гостеприимного замка. Про себя он думает, что как только этих слуг увидит, сразу же расспросит их и о копье, и о Граале. Но что-то заставляет его обернуться, и, обернувшись, он вдруг видит, что мост снова поднят! Конь Персиваля, сделав чудовищный прыжок, буквально зависает в воздухе, стремясь преодолеть пустоту под ногами. Персиваль, понимая, что мост не мог подняться сам по себе, взывает, но тщетно, ибо никто так и не показывается и не откликается на его зов. Персиваль внезапно осознает, что поступил неправильно: он должен был спросить, но так и не спросил, а значит, не исполнил своего долга! Хозяин замка, король, ждал от него участия и помощи; не задав нужного вопроса в нужное время, Персиваль обрек его на страдании, все это Персиваль уже понимает, так сказать, задним числом. Вернуться в прошлое и изменить ход событий он не может, остается только стремиться вперед, положась на волю случая. И случай этот не заставляет себя ждать, поскольку снова сталкивает его с несчастной дамой (Бланшфлор), которую из-за него обвинили в неверности, и с сенешалем, который его высмеивал. Персиваль получает шанс исправить допущенные ранее ошибки; даме он возвращает злополучное кольцо, а в поединке с сенешалем ловко выбивает того из седла. При дворе короля Артура он чуть погодя встречает некую деву, которая открывает, точнее, приоткрывает ему тайну Грааля и замка Грааля. Она сообщает: из-за того, что Персиваль не задал нужного вопроса, Король-Рыбак, хозяин замка, будет испытывать страдания и не сможет полноценно управлять своими землями, из-за чего пострадает народ — рыцари погибнут, дамы лишатся мужей, дети — отцов, а сами земли придут в запустение. Причиной этому — рана, которую король получил в честном бою и от которой Персиваль мог избавить его, если бы задал нужный вопрос. Странная дева обращается с просьбой к королю Артуру, чтобы его рыцари пришли на помощь леди Монтеклер, а практически в то же время приехавший гонец обвиняет племянника Артура сэра Говейпа в предательстве. Рыцари отправляются с Артуром на подвиги, Говейн — восстанавливать свою репутацию, а Персиваль дает обет не ночевать дважды под одной крышей и не вступать ни с кем в поединок, пока не откроет тайны Грааля и не узнает тайны копья.

Персиваль странствует, причем он так углубился в свои поиски Грааля, что забыл буквально обо всем. Со слов Кретьена де Труа мы знаем, что далее проходит 5 лет. Персиваль за все эти годы ни разу не зашел даже в церковь. Известно только, что, несмотря на обещание не сражаться, он взял в плен 60 рыцарей и всех их отправил ко двору Артура. И так бы ему не помнить времени и дальше, то есть жить ради одной только цели, если бы по прошествии этих пяти лет он вдруг не повстречал знакомых рыцарей, которые в сопровождении десятка дам шли босыми, совершая паломничество. Рыцари весьма удивились, что Персиваль в такой день вооружен. На что сам Персиваль спросил: «А какой сегодня день?» Оказалось — канун Пасхи, Страстная пятница, то есть день крестной смерти Христа!

Встреченный Персивалем рыцарь, уязвленный отсутствием у молодого человека благочестия, прочел ему целую лекцию о крестной смерти Спасителя, но не пробудил в нем большого интереса. Выслушав всю эту тираду, Персиваль лишь поинтересовался, откуда идут паломники, и узнал, что от святого отшельника, который напрямую общается с Богом. Вот к нему-то Персиваль, вмиг пробудившись от сплина, и поспешил. Возле жилища отшельника он снял доспехи, оружие, привязал коня и смиренно, рыдая, вступил под своды часовни. На вопрос отшельника, чем он так расстроен, Персиваль ответил, что повинен в

страшном грехе. На исповеди он поведал отшельнику, что заночевал однажды в замке у Короля-Рыбака, где видел престранные вещи: копье, которое кровоточило, и чашу Грааля, но не решился спросить, кто вкушает из чаши и почему кровоточит копье. С тех пор, добавил юноша, он ни разу не обращался к Богу и не просил у Него прощения, к тому же и не совершил он ничего такого, чтобы это прощение заслужить.

Услышав столь странный рассказ, отшельник спросил имя юноши. Тот назвал себя. И тогда отшельник вздохнул и сообщил ему, что задать нужного вопроса он не смог не по причине сомнения, а потому, что его отъезд из дома принес огромный вред: мать Персиваля, не выдержав обрушившегося на нее горя, сразу же, как он отъехал, упала и умерла подле моста, где они простились. Именно этот поступок и не позволял Персивалю в должный момент задать свои вопросы. И только молитва матери хранила его все это время. Отшельник также добавил, что на вопросы Персиваля он вполне может ответить: из Грааля дано было вкушать лишь немногим избранным, среди них были брат отшельника и сама мать Персиваля, а также Король-Рыбак и его отец. Однако, заметил отшельник, Грааль не предлагает вкусить щуки, лососины или баранины, в нем содержится гостия (облатка), которая способна поддерживать жизнь в теле. Король-Рыбак, по его словам, целых 12 лет вкушал только гостию из Грааля, другая пища стала ему ненужной. Поскольку Персиваль — с точки зрения церкви — нарушил все мыслимые и немыслимые правила, отшельник наложил на него епитимью и объяснил, как следует ему впредь исполнять свой долг верующего. Два дня юноша должен был оставаться вместе с отшельником и питаться только хлебом и водой.

Поскольку Персиваль был не приучен молиться, отшельник научил его одной правильной молитве, в которой «звучали многие из имен Господа Нашего, в том числе и самые величайшие и грозные, которые язык человеческий не должен произносить, за исключением страха смерти!» Отшельник об этом особо упомянул, запретив ему использовать такую молитву, за исключением особых случаев, когда он окажется в крайней опасности.

Наш герой честно выдержал двухдневный пост, питаясь вместе с отшельником водой и простой растительной пищей, а затем получил Святое причастие. На этом месте история Персиваля завершается, зато теперь ему на смену приходит другой герой — рыцарь Говейн, который отправился, как вы помните, доказывать свою невиновность. И далее в книге идет речь лишь о его похождениях. Грааль в тексте также больше не появляется.

Роман Кретьена де Труа стал источником для множества продолжений, написанных другими авторами, где судьбу юного наивного Персиваля прослеживали дальше и проводили героя через другие испытания и приключения. Но нам важен сам факт, что де Труа первым отправил Персиваля за Граалем, а образы его повествования, собственно говоря, явились источником для всех последующих, причем разработанных в гораздо большей степени историях о поисках Грааля. Изменился не только сам путь, ведущий к Граалю, но даже и вид или назначение этого предмета.

У Кретьена де Труа Грааль — это богато украшенная чаша, в которой покоится гостия и которая излучает волшебный свет, поскольку отмечена высшей благодатью Неба. Копье же источает не просто кровь, а кровь Иисуса Христа! Оба предмета и совокупности очень сильно напоминают элементы снятого причастия — гостию, дарующую божественное насыщение, иными словами — тело Христа, и сладкое вино для причастия — саму кровь Христову. В первоначальном изводе никаких других христианских мотивов не фигурирует. Все остальное — продукт совершенно иных временных пластов. И прежде чем разобраться с трансформацией Грааля у последователей Кретьена де Труа, мы попробуем заглянуть в другой мир — легендарный мир кельтов, в мифах которых присутствуют и волшебные чаши, и волшебные копья, и славные фении, и мужественные рыцари, и многое другое, что, скорее всего, и послужило для самого Кретьена де Труа основой его сюжета о Персивале и поисках Грааля (заметьте, тогда еще не названного святым!).

Магические предметы

Конечно, кельтские мифы — это предмет особого разговора. В этих мифах, естественно, нет артефакта, который назывался бы Граалем. Поэтому, если вы станете разыскивать в них Грааль, то ничего не найдете. Однако вы обретете несколько предметов, которые считались у людей, создававших эти мифы, магическими. Причем это были вполне реальные артефакты, которые соотносились с правом на власть, то есть с богоизбранностью кельтских королей. И — что важно — эти артефакты не связаны с христианством, а относятся к тому периоду истории, когда британские кельты были еще язычниками. Насколько вера в особую силу этих древних реликвий была сильна, видно из такого примера: когда англосаксы стали распространять свое влияние на валлийские и шотландские земли, они стремились изъять, увезти за пределы завоеванных территорий и эти предметы, по преданию, дающие право власти. В кельтской мифологии мы найдем камень, который помогает опознать истинного короля, то есть властителя, которого выбирает небо; копье, обладавшее волшебной силой и согласно мифам принадлежавшее богу света Лугу; волшебный меч, дающий его обладателю исполинскую силу, и волшебный котел, обладающий целым рядом магических характеристик. Вера в силу таких артефактов была так сильна, что она не исчезла на протяжении тысячелетнего периода христианизации кельтских земель! Напротив, эти языческие реликвии стали постепенно христианскими реликвиями, осиянными именами святых. Когда английский король Эдуард в конце XIII века решил присоединить Уэльс, он изъял у покоренных валлийцев главный символ национальной независимости — железную корону короля Артура, когда он прошел победоносным военным маршем на север Шотландии, то забрал у мятежных скоттов «Камень Судьбы из Скопского Аббатстна и Черный Крест Си. Маргариты из Эдинбурга и послал их, имеете с шотландскими регалиями и национальными архивами», в Англию. Так сообщают нам историки. Аналогичным камнем судьбы обладала и соседняя Ирландия, и долгое время ирландские короли короновались на таком волшебном камне. По древнему преданию, камень судьбы начинал кричать, стоило встать на него истинному, богоизбранному, королю.

По легенде, эти реликвии некогда принадлежали древним богам — племени Дану:

«На северных островах земли были Племена Богини Дану и постигали там премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусных людей со всего света. В четырех городах постигали они премудрость, тайное знание и дьявольское ремесло — Фалиасе и Гориасе, Муриасе и Финднасе.

Из Фалиаса принесли они Лиа Фаль, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королем, кому суждено было править Ирландией. Из Гориаса принесли они копье, которым владел Луг. Ничто не могло устоять перед ним или пред тем, в чьей руке оно было. Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уж не мог от него уклониться, и был он воистину неотразимым. Из Мурнаса принесли они котел Дагда. Не случалось людям уйти от него голодными.

Четыре друида были в тех четырех городах: Морфеса в Фалиасе, Эсрас в Гориасе, Ускиас в Финдиасе, Семиас в Муриасе. У этих четырех филидов и постигли Племена Богини премудрость и знание. И случилось Племенам Богини заключить мир с фоморами, и Балор, внук Нета, отдал свою дочь Этне Киану, сыну Диан Кехта. Чудесным ребенком разрешилась она, и был это сам Луг. Приплыли Племена Богини на множестве кораблей, дабы силой отнять Ирландию у Фир Болг. Сожгли они свои корабли, лишь только коснулись земли у Корку Белгатан, что зовется ныне Коннемара, чтобы не в их воле было отступить к ним. Гарь и дым, исходившие от кораблей, окутали тогда ближние земли и небо. С той поры и повелось считать, что появились Племена Богини из дымных облаков».

Эти реликвии богов затем перешли к людям, поселившимся на земле богов.

Впрочем, такой магический набор из четырех предметов, дарованных богами, характерен не только для Ирландии, Уэльса и Шотландии. Историки находят такой параллельный ряд в верованиях скифов. Правда, там четыре предмета немного иные: ярмо, чаша, плуг и секира. «Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Когда же подошел третий, младший, брат, пламя угасло, и он отнес золотые вещи к себе в дом. Поэтому старшие братья отдали царство младшему», — сообщал в своей «Истории» Геродот. Ярмо в этом наборе аналогично камню, плуг — мечу и секира — копью, чаша же соответствует волшебному котлу. Так же, как и у народа Туата де Данам, то есть кельтов богини Даны, четыре священных предмета скифов связывались с правом на власть, то есть богоизбранностью, от которой зависела судьба всего народа. Корни этого верования нужно искать в общей истории индоевропейских племен, но только у немногих из них мифология сохранила соответствие высшей небесной власти и четырех священных даров неба, а точнее — даров Света, или Солнца. Как ни странно, отголосок солярного мифа дожил практически до нашего времени у другого европейского народа, живущего относительно изолированно в силу географических особенностей — у осетин XIX века.

«Осетинская ритуальная чаша, — пишет современный искусствовед В. Цагараев, — в праздничной обрядности выполняла ту же священную роль, что и чаши исторических скифских или эпических нартовских героев. Ритуальные чаши использовались только в особо сакральных действах людьми, выбранными обществом для этой роли. Чаши передавались из поколения в поколение как высшие святыни рода. Их изготовление поручалось особому мастеру, а материалом часто служило дерево с признаками освященности (например, поражения молнией)… Посмотрим, что произойдет с изобразительными сюжетами, когда человек, держащий чашу, осушает ее в пространстве застольного ритуала. Нетрудно заметить, что мироздание, отображенное в чаше, переворачивается перед ним, и он становится свидетелем мифологических сцен Преисподней. Архангелы ведут войну с чертями в Аду, кровник смывает позор с убитого родственника, находящегося в Царстве мертвых, душа в конце пути попадает к Барастыру.

Выпивающий из чаши совершает путешествие в Потусторонний мир вместе с героями ее сюжета, но затем возвращается, восстанавливая справедливость и стабильность Верхнего мира через стабильность и наполненность чаши. Ведь до тех пор, пока она полна сакральным напитком, мир устойчив и благополучно охраняем космическими законами. Выпивающий чашу, хмелея, символически засыпает (умирает), принося себя в жертву ради восстановления стабильности мироздания. Он как бы спускается по Мировому древу в Преисподнюю и, ритуально восстанавливаясь, возрождаясь силами Матери, возвращается «наверх», принося в себе (с собой) жизнь (энергию) ослабленному мирозданию, по сути, совершая космогонический подвиг, подобный подвигу, совершенному в начальные времена в священном центре мира первогероем, устроителем космоса. Ритуальная смерть-возрождение предотвращает (замещает) реальные бедствия социума и этим охраняет его. Охрана (возрождение структуры) и есть основная функция Священной ритуальной чаши, являющейся организующим и питающим энергетическим центром ритуального застолья. Как мы помним, попадая в руки к лучшему, чаша указывает на его норму доблести и нравственности и тем самым восстанавливает эти качества в социальном организме… Из вышеприведенного описания чаши видно, что она вбирает в себя такие понятия, как защита истины, благополучие, изобилие. Чаша, всегда традиционно круглая, названа четырехугольной, что позволяет нам реконструировать геометрическую схему — круг, вписанный в квадрат, т. е. схему индоевропейской модели мира по горизонтали. Отмстим, что это не поверхностный вывод, он имеет мифологические аналогии. Так, знаменитый персонаж иранской мифологии шах Джамшид, поздний эпический вариант древнеиранского мифологического первочеловека Йимы, имел волшебную чашу, в которой отражалось все,

что происходило в мире. Очертания ее соответствовали представлениям иранцев о строении вселенной, иначе говоря, шах держал в руках осязаемую модель вселенной. Волшебная чаша Джамшида заключала в себе три сущности: небо, землю и подземное царство темных сил. Этот космоустроительный объект встречается и в древнеиндийской Ригведе, напоминая собой чашу шаха Джамшида и также являясь чашей для возлияния. Но на сей раз этот образ проявляет нечто большее — он олицетворяет собой в то же время и Богиню плодородия». Академик В. Миллер еще в 1888 году застал осетинское святилище, внутри которого «на престольном камне стояли чаши с медом и пивом. Эти чаши наполнялись в день праздника и хранились весь год. Если кто заболевал, то мед и пиво, хранившиеся в святилище, давали больному как лекарство». Сходный обычай был отмечен у балтийских славян и зафиксирован в незапамятной давности Саксом Грамматиком, правда, ритуальную чашу в нем заменял ритуальный рог: «В правой руке идол (Святовит, в языческом храме славян в Арконе, XII век) держал рог из разных металлов, который каждогодно наполнялся обыкновенно вином из рук жреца, для гадания о плодородии следующего года. Перед народом, собравшимся у врат святилища, жрец брал из руки идола рог, и если находил, что напитка в нем убыло, то предсказывал бесплодный год, а если напиток оставался как был, то предвещал урожай… Потом он выливал старый напиток к ногам идола, в возлияние ему; наполнял рог свежим и, почтив идола, как будто он должен был пить прежде жреца, просил торжественными словами счастья себе и отечеству и гражданам обогащения и побед. Окончивши эту мольбу, он осушал рог одним разом и, наполнивши опять, клал в руку идола».

В восприятии древнего человека ритуальная чаша символизировала мир, земную жизнь, мать-землю и плодородие. Недаром у кельтов таковой магической властью обладал котел — он мог производить пищу, а также жизнь, здоровье и долголетие. Аналог этой волшебной чаши-котла мы найдем и в русских народных сказках — отголосках древнего мифа. Так, наивный младший сын, одержавший победу над хитросплетением судьбы, кидает в такой котел свернутое в золотое яйцо волшебное золотое царство — купается в алхимической субстанции (золото, растворенное в кипящем молоке) и обретает силу и вечную молодость. Причем волшебное действие проявляется только у прошедшего испытания, а нырнувший следом «плохой» царь, как помните, не только не приобретает вечности, а напротив — погибает.

С чашей связан и другой магический предмет — копье. В кельтской мифологии, как вы помните, копье принадлежит богу Света — Лугу, этим копьем бог способен даровать высшую милость или оплодотворить чашу: наполняя светом глубины мироздания, он рождает материальный мир. Копье, как считают ученые, является заменой другого символа плодородия — фаллоса или лингама, а в паре с чашей образуется понятие жертвенного напитка. В древности таким жертвенным напитком богов была кровь. И только уже гораздо позже, когда кровавые жертвоприношения отошли в прошлое, наполнителем чаши стали напитки — у кого-то вино, у кого-то пиво, эль или мед. Но все эти поздние заменители изначальной субстанции подразумевают, что истинная жертва богов людям — небесная кровь. Именно сила этой волшебной крови богов и оказывает магическое действие на человека.

Третий предмет из нашего списка — камень, имеющий округлую и плоскую форму, имел широкое распространение у всех индоевропейских народов. Даже в конце XIX века жители Бретани во время засухи ходили поливать такие «волшебные» камни, чтобы вызвать дождь. Они считали, что силой камней управляет легендарный волшебник Мерлин, о котором сложено немало мифологических сказаний. Мерлин тоже вошел в так называемый *Артуров цикл* — то есть в группу текстов, рассказывающих о деяниях короля Артура, напрямую связанных (благодаря Кретьену де Труа) с поисками Грааля. По Саксу Грамматику, в древности кельтские короли и конунги клялись на камне править честно и справедливо, клятва их была обращена не столько к народу, сколько к богам, которых они страшились обмануть: они клялись силой камня, на коий должны были вставать обеими

ногами — насколько крепок камень, настолько же нерушима клятва короля. Именно отсюда и идет кельтская традиция «камней клятвы», и вот почему похищение английским королем Эдуардом такого камня из побежденной Шотландии спровоцировало длительную и кровавую войну. В далекой Индии до сих пор существует обычай жреческой инициации: мальчик, достигший возраст, в котором может стать брахманом, должен поставить правую ногу на священный камень или поклясться, что будет тверд, как этот камень. Конечно, древние обычаи постепенно изменялись, народы принимали христианство или иную монотеистическую религию, и корни древних таинств уходили и лоно новой веры. Так что совсем немудрено, что традиция особого отношения с камнями у христианских народов приобрела более понятные черты. Те же осетины (чье языческое наследие сравнительно очень хорошо сохранилось), как в начале прошлого века записывал исследователь Б. Гатиев, «прибегают к священному камню, Майрам, потому, что в нем живет благодатная Мария, матерь Господа Иисуса Христа, и они думают, что если поручить молодую ее покровительству, как имеющей власть над чревами женщин, то непременно она будет творить в чреве ее одних только мальчиков, равно и соблюдать ее от всякой посторонней силы и рожденных от нее делать долгожителями». Упомянутый священный камень находился во внутренней части святилища Аларды и считался целебным и очень сильным, якобы способным победить даже бесплодие.

Меч же дает обладателю непобедимость, вот отсюда, кстати, и происходит одна из самых известных легенд Артурова цикла — про меч Эскалибур. Он недаром спрятан в камне, и требуется сила и чистота души, чтобы его изъять. Это волшебный меч по определению, своего рода показатель истинной земной власти. Принадлежать он может только самому достойному, как помните, говорится рыцарю Персивалю при вручении аналогичного оружия. Меч не только у кельтов считался атрибутом власти над миром, он, по сути — грозное оружие, отнимающее жизнь, почему и связан с миром смерти. У тех же осетин в мифе описан удивительный меч «на одной стороне лезвия которого сияет Солнце (день, жизнь), а на другой — Луна (ночь, смерть). Если взглянуть на сам клинок, то в нем отражается все, что происходит на белом свете. В глазах смотрящего делается темно от блеска отраженных лучей». Иными словами, меч здесь исполняет функции связи времени и пространства, то есть, является символом Мирового древа.

Если присмотреться к нашим священным парам предметов поближе, то первая пара дарует силу небесную и связана с областью духовных устремлений, а вторая — силу земную, то есть власть в прямом ее смысле как власть над людьми, и связана с областью физического, телесного мира. Рыцарь Персиваль из-за юности и неопытности совершает подвиги в мире физическом, там, где торжествует власть второй пары священных предметов, именно поэтому ему и приходится пройти невыносимо долгий и трудный путь к духовному миру, то есть к первой священной паре предметов — чаше и копью. Для него появление такой пары — настоящая загадка. Весь смысл его существования в том, чтобы эту загадку разгадать и — следовательно — обрести силу небес.

Источники Кретьена де Труа

—

А теперь поглядим, какие кельтские легенды были положены и основу творения Кретьена де Груа. Вне сомнения, он использовал легенды, объединенные и книгу мифов — «Мабиногион», а также легенды о короле Артуре. Исследователи, которые пытались выяснить, насколько сам Артур является исторической личностью, пришли к такому выводу: «В этом образе отразилась случайная контаминация славных деяний двух разных Артуров, что привело к появлению единого полуреального-полумифичсского персонажа, сохраняющего, однако, черты обоих своих прототипов. Одним из них явно был бог по имени

Арта, почитание которого было в большей или меньшей степени распространено на землях кельтов, — вне всякого сомнения, тот самый Артур, которого надпись ex voto, обнаруженная в развалинах на юго-востоке Франции, упоминает Меркуриус Артайус (Mercurius Artaius). Другой — вполне земной Артур, вождь, носивший особый титул, который в эпоху римского владычества именовался Комес Британнаэ (Comec Britannae). Этот «граф Британии» выполнял функции верховного военного вождя. Главной его задачей было обеспечить защиту страны от возможных вторжений иноземцев. В его подчинении находились два офицера, один из которых, Дукс Британниарум (Dux Britanniarum), то есть, «герцог Британии,» наблюдал за порядком в районе Адрианова вала, а другой, Комес Литторис Саксоники (Comes Littoris Saxonici), то есть граф «Саксонского берега», обеспечивал оборону юго-восточного побережья Британии. После изгнания римлян бритты еще долго сохраняли структуру военно-административных органов, созданную их бывшими завоевателями, и вполне резонно предположить, что этот пост военного лидера в ранней валлийской литературе соответствует титулу «императора», который среди всех знаменитых героев мифологии бриттов был прерогативой одного только Артура. Слава Артура-короля объединилась со славой Артура-бога, и общий синкретический образ получил широкое распространение на землях, на которых уже в наше время были обнаружены следы древних поселений бриттов в Великобритании, Это создало почву для многочисленных диспутов относительно местонахождения «Артуровых владений», а также таких городов, как легендарный Камелот, и локусов двенадцати знаменитых сражений Артура».

Иными словами, вполне реальное историческое лицо — племенной вождь Артур или, в другом прочтении, Урсус (Медведь), живший в реальной Британии, приобрел посмертно божественную историю (то есть к нему был отнесен ряд ранее существовавших легенд, измененных и переосмысленных).

То, что судьба этого героя легенд интересовала современников Кретьена — факт установленный и общеизвестный. О нем сообщается сразу в нескольких британских хрониках. Естественно, современники Кретьена не жили с реальным Артуром в одно время, их разделяют несколько веков, однако в английском монастыре Гластонберри была открыта могила короля Артура, о чем имеется соответствующая запись, причем изыскания могилы можно считать едва ли не первым археологическим исследованием в средние века. Именно Гластонберри и стало наиболее признанным кандидатом на звание замка короля Артура — его Авалон. В этот замок, как вы помните, и приезжает юный Персиваль.

Именно об этом изыскании рассказывает в своем латинском сочинении «De principis instructione» (1192) Гиральд Камбрийский. Раскопки, о которых он пишет, проводились в 1190 году. «Сейчас все еще вспоминают о знаменитом короле бриттов Артуре, память о котором не угасла, ибо тесно связана с историей прославленного Гластонберийского аббатства, коего король был в свое время надежным покровителем, защитником и щедрым благодетелем. Из всех храмов своего королевства он особенно любил и почитал церковь святой девы Марин, матери Господа нашего Иисуса Христа, что в Гластонбери. Смелый воин, король повелел поместить в верхней части своего щита, с внутренней стороны, изображение Богоматери, так что во время битвы образ этот постоянно был у него перед глазами. И перед началом сражения он не забывал смиренно лобызать ее стопы. О короле Артуре рассказывают всякие сказки, будто тело его было унесено некими духами в какую-то фантастическую страну, хотя смерть его не коснулась. Так вот, тело короля, после появления совершенно чудесных знамений, было в наши дни обнаружено в Гластонбери меж двух каменных пирамид, с незапамятных времен воздвигнутых на кладбище. Найдено тело было глубоко в земле в выдолбленном стволе дуба. Оно было с почестями перенесено в церковь и благоговейно помещено в мраморный саркофаг. Найден был и оловянный крест, положенный по обычаю надписью вниз под камень. Я видел его и даже потрогал выбитую на нем надпись (когда камень убрали): «Здесь покоится прославленный король Артур вместе с Гвиневерой, его второй женой, на острове Авалоне»… Да будет известно, что кости Артура, когда их обнаружили, были столь велики, будто сбывались слова поэта: «И богатырским

костям подивится в могиле разрытой». Берцовая кость, поставленная на землю рядом с самым высоким из монахов (аббат показал мне его), оказалась на три пальца больше всей его ноги. Череп был столь велик, что между глазницами легко помещалась ладонь. На черепе были заметны следы десяти или даже еще большего числа ранений. Все они зарубцевались, за исключением одной раны, большей, чем все остальные, оставившей глубокую открытую трещину. Вероятно, эта рана и была смертельной».

Правда, современные исследователи к находке бенедиктинцев относятся скептически: их, во-первых, смущает, что тело второй жены Гвиневеры положено в ногах короля, а во-вторых, они не верят, что в монастыре хранились какие-то тексты, сообщавшие принадлежность останков реальному правителю бриттов, Однако в монашеском пересказе обретение выглядело именно так: две трети гробницы были предназначены для останков короля, а одна треть, у его ног, дли останков жены: сообщалось также, что нашли «хорошо сохранившиеся светлые волосы, заплетенные в косу; они, несомненно, принадлежали женщине большой красоты. Один нетерпеливый монах схватил рукой эту косу, и она рассыпалась в прах». Но самое сомнительное — это то, что были реальные тексты, причем в нескольких изводах: в сохранившихся в монастыре рукописях, а также в полустершихся от времени надписях на каменных пирамидах. И еще нечто на редкость неубедительное для нашего времени — это масса видений, сопровождавших обретение гробницы. В этом хороводе видений и предзнаменований приняли участие не только клирики, но и миряне, и особое участие было приписано королю Англии Генриху Второму, узнавшему тайну Гластонберри от какого-то бриттского барда. Якобы услышав старинное предание, он тут же дал монахам точное указание, что глубоко под землей, на глубине, по меньшей мере, шестнадцати футов, они найдут тело, и не в каменной гробнице, а в выдолбленном стволе дуба. По этой версии, которую можно назвать королевском, тело было зарыто на недоступной глубине, «чтобы его не могли отыскать саксы, захватившие остров после смерти Артура, который при жизни сражался с ними столь успешно, что почти всех их уничтожил, и правдивая надпись об этом, вырезанная на кресте, была закрыта камнем тоже для того, чтобы невзначай не открылось раньше срока то, о чем она повествовала, ибо открыться это должно было лишь в подходящий момент».

Что ж это за место такое — Гластонберри? В переводе название означает «стеклянный остров» или «стеклянная гора» или «стеклянная крепость» — от *глас* — стекло и *бери* — город, крепость. Ранее, до завоевания Гластонберри саксами, местечко называлось на языке бриттов Инне Гутрин, что значит «Стеклянный Остров», то есть перевод был буквальным. Считается, что еще раньше Инис Гутрин (Инис Ветрин) именовался Инис Авалон, то есть остров яблок *(инис* — остров, *аваль* — яблоко). По легенде, на Авалон Артур был послан своей родственницей феей Морганой, чтобы там, в тихих и безопасных условиях, смог он залечить свои тяжелые раны. Местечко и вправду было тихим — оно располагалось посреди болот, действительно, точно на острове. Когда в наше уже время Гластонберри посетила археологическая партия, открылось, что на этом месте и в древности было поселение, а в пятнадцати милях на плато они отыскали и древний город. Сейчас это место называется Кэдбери-Касл. «По свидетельству Дж. Лелайда, — пишут историки, — местные жители, которых он опрашивал в 1542 г., называли это место Камелотом и утверждали, что на нем стоял замок короля Артура и что Артур, погруженный в глубокий сон, покоится в пещере под близлежащим холмом. Зимними ночами можно видеть проносящееся над плато призрачное воинство».

Но что подвигло монахов начать раскопки? Не только же указание короля Генриха? Нет, конечно. В 1184 году аббатство претерпело сильный пожар, была уничтожена большая часть построек, огонь пожрал и реликвии. Поэтому когда сырой осенью из-за непрерывных дождей осыпалась земля и обнажились боковины двух больших дубовых гробов, монахи восприняли это известие как прямое распоряжение Неба: копать! Вскрыв захоронение, они и обнаружили там несколько тел с памятным оловянным крестом. Это и была могила Артура.

Хронисты, которые жили ранее Гилфорда, тоже упоминали Артура как правителя

бриттов. Ненний и Гильда упоминают битву при Бадоне, произошедшую около 519 года, в которой Артур разгромил войско саксов. К свидетельствам Ненния принято у историков относиться с большими подозрениями, потому что он смешивает в единый компот римские анналы, жития святых и абсолютно легендарные сведения. Удивительно, но в его заметках относительно Артура всей этой каши нет. Ненний упоминает, что Артур не был королем, скорее племенным вождем, не имел знатного происхождения, но был избран всем народом на пост военачальника из-за невероятных способностей: он не проиграл ни одной из двенадцати битв. Битва при Бадоне считается крупнейшей и самой значимой. Ненний жил в IX веке, то есть это наиболее близкий по времени хронист, который вообще упоминает Артура. Римляне уже не могли ничего о нем сообщить, потому что решением мятежного самопровозглашенного императора Магна Максима римские легионы были выведены из Британии в конце IV века, таким образом, валлийцы получили самоуправление, но лишились хронистов. Затем на протяжении четырех веков шла активная христианизация населения островов и, само собой, неугодные фигуры мятежных вождей в это время не освещались. Вот почему имя Артура всплывает только у Ненния, жившего гораздо позже этих разборок.

После Ненния об Артуре пишет в своей «Истории бриттов» Гальфрид Монмутский (XII век). Уж тут Артур становится королем, и ему дается порядочная родословная, и скрупулезно описываются его подвиги. Но к реальному Артуру это описание вряд ли имеет какое-то отношение.

Информацию о жизни Артура, конечно легендарного, наш Кретьен до Труа мог получить из современной ему книги Вэйса об истории бриттов. Но наибольший интерес у него, конечно, вызывали мифы. Из этих чудесных мифов и мог родиться столь богатый и яркий мир, какой мы видим в его «Персивале, или Повести о Граале». В этих мифах Кретьен мог найти и волшебный меч, и волшебное копье, и волшебную чашу.

Чаша Кретьена де Труа явно родилась от чаши из мабиноги «Бранвен, дочь Лира». Эта история рассказывает о знатной девушке Бранвен, которую король решил отдать в жены заморскому (ирландскому) королю Матолху. Брат Бранвен и этот момент отсутствовал, так что он вернулся только после состоявшейся свадьбы. А поскольку брат был человеком завистливым и вздорным, то, увидев прекрасных коней Матолха, он их обезобразил. Матолх оскорбился и поднялся на свой корабль. «И дошел слух до Бендигейда Врана (короля), — говорит миф, — что Матолх покинул дворец, не по-прощавшись. И он отправил послов узнать, в чем дело. Вот их имена: Иддик, сын Анарауда, и Хэфайдд Хир. И они пришли к Матолху и спросили, по какой причине он хочет их покинуть. «По правде, — сказал он, — я не настроен покидать вас, ибо нигде я не встречал лучшего приема. Но одно меня удивило». — «Что же это?» — спросили они. «Вы вручили мне Бранвен, третью по знатности даму острова и дочь короля, и выдали ее за меня, и после этого оскорбили меня. И я удивлен этим оскорблением, ибо оно не уживается с таким даром, как она». — «Поистине, господин, — сказали они, — не волею кого-либо из старших дворца, ни кого-либо из совета тебе нанесена эта обида. И если ты чувствуешь себя оскорбленным, то Бендигейд Вран оскорблен и разгневан ничуть не менее». — «Я верю этому, — сказал он, — однако это не может стереть моего оскорбления».

И они вернулись с таким ответом водворен, где пребывал Бендигенд Вран, и рассказали ему то, что говорил Матолх. «Нельзя, — сказал он, — допустить, чтобы он отплыл в столь недружественном настроении, и мы этого пс допустим». — «Да, господин, — сказали они, — надо сейчас же послать к нему послов». — «Я пошлю их, — сказал он, — встаньте, Манавидан, сын Ллира, и Хэфайдд Хир, и Иник Глеу Исгвидд, и идите к нему, и передайте, что он получит лучшую лошадь за каждую из испорченных. И, кроме того, в возмещение он получит слиток серебра размером с него и серебряную пластину шириной с его лицо. И скажите, что за человек это сделал, и что сделано это против моей воли, и что это сделал мой брат по матери, которого мне трудно казнить или изгнать. И пригласите его навестить меня, — сказал он, — и мы заключим мир на условиях, которые он предложит».

Послы отправились к Матолху и передали ему все сказанное в дружелюбном тоне, и

он, выслушав это, сказал: «Нам нужно посоветоваться». Он созвал совет, и на совете решили, что, если они отвергнут предложение короля, они не избавятся от бесчестья и вдобавок не получат возмещения. И он согласился с этим и отпустил послов с миром по дворец.

Потом для них разбили шатер, и они стали пировать и сели так, как они сидели в начале празднества. и Матолх заговорил с Бендигейдом Враном. И он был мрачен и немногословен из-за нанесенной ему обиды, хотя ранее всегда казался веселым. И Бендигейд Вран подумал, что его опечалила малость возмещения. «Друг мой, — сказал Бендигейд Вран, — ты не так разговорчив сегодня, как прошедшей ночью. Если это из-за малости возмещения, я увеличу его по твоему хотению, и ты завтра же получишь причитающихся лошадей», — «О господин, — сказал тот, — Бог вознаградит тебя». — «И я еще увеличу возмещение, — сказал Бендигейд Вран, — я дам тебе котел, и свойство этого котла таково, что если погрузить в него сегодня убитого человека, то назавтра он будет так же жив, как раньше, кроме того что не сможет говорить». И Матолх поблагодарил его за это и весьма развеселился. И на другое утро они дали Матолху всех лошадей, что у них были. И оттуда они двинулись с ним в другую общину и там дали ему лучших жеребят, и поэтому та община стала называться Талеболион.

И они сидели вместе вторую ночь. «Господин, — спросил Матолх, — откуда ты взял котел, который дал мне?» — «Он попал ко мне, — ответил тот, — от человека из твоей страны, и я не знаю, где он его взял». — «Кто это был?» — спросит он. «Лласар Ллесгиуневид, — ответил тот, — и он пришел из Ирландии со своей женой Кимидей Кимейнфолл. Они спаслись из Железного Дома в Ирландии, где для них был разожжен костер, и бежали сюда. Я удивлен, что ты ничего не знаешь об этом». — «Я знаю нечто, господин, — сказал Матолх, — и все, что я знаю, я расскажу тебе. Однажды я охотился в Ирландии на холме над озером, что называлось Озером Котла. И я увидел высокого рыжеволосого мужчину, идущего от озера с котлом на спине. Он имел свирепый и отталкивающий вид, и с ним была женщина. И хотя он был высок, она была выше его вдвое. И они подошли ко мне и приветствовали меня. «Что вы тут делаете?»— спросил я у них. «Вот, господин, наше дело, — ответил он, — эта женщина вскоре должна зачать, и я хочу, чтобы ее ребенок стал самым защищенным из воинов». Я предложит им свое покровительство, и они прожили у меня год. И этот год я щедро содержал их, но неприязнь к ним росла, и к концу четвертого месяца они стали ненавидимы всеми в моей стране, ибо угнетали и оскорбляли придворных и народ. И наконец мои люди потребовали, чтобы я выбирал между ними и этими пришельцами. Я попросил совета, что с ними делать, ибо их не удавалось ни упросить, ни заставить уйти из-за их силы и воинственности. И мне дали совет изготовить дом из железа. И когда он был готов, собрались все кузнецы Ирландии, кто имел клещи и молот. И они обложили дом древесным углем, когда пришельцы собрались там. И мужчины, женщины и дети принесли им еду и питье, и, когда они захмелели, кузнецы принялись разжигать уголь и раздувать мехи, пока дом не раскалился добела. Тогда пришельцы собрались в середине дома, пока жар не стал невыносимым, потом же он нажал на стену плечом и вырвался наружу. И то же сделала его жена, но, кроме них, оттуда никто не спасся. После этого, я думаю, господин, — сказал Матолх Бендигейду Врану, — они и бежали к тебе». — «Да, — сказал тот, — они пришли и отдали мне котел». — «И что же, господин, ты сделал с ними?» — спросил он. «Я поселил их в своих владениях, и их число умножилось, и они преуспевали и снабжали области, где они жили, лучшими воинами».

В эту ночь они беседовали до тех пор, пока могли, и пили, и пели; когда же они увидели, что им лучше лечь спать, чем продолжать беседу, они отправились спать. И потом пир продолжался, а по окончании его Матолх отплыл в Ирландию вместе с Бранвен, и их тринадцать кораблей отплыли из Абер-Менуи, и они прибыли в Ирландию. И там была великая радость по этому случаю. И все люди Ирландии, мужи и жены, навестили Бранвен, и всем она дарила браслеты, или кольца, или королевские драгоценности: все, на что падал их взгляд. И так она провела счастливо год в большой славе, в почете и уважении».

Бранвен родила прекрасного сына, и все было хорошо, но внезапно ирландский король

вспомнил об обиде, которую ему нанесли на родине Бранвен. А саму Бранвен завистники и недоброжелатели выгнали жить на улицу. Тогда она не растерялась и вырастила ручного скворца, а потом послала птицу за море с потаенным письмом, в котором все о своей беде рассказала. Король стад собирать войска для войны с Ирландией. И во главе войска встал брат бедной Бранвен, который решил таким образом завоевать трон Ирландии. Прибыв в Ирландию, он этого и потребовал. А еще он попросил, чтобы привели к нему его малолетнего племянника, сына Бранвен. И когда ребенка привели, он схватил его за ноги и швырнул в огонь камина. Мальчик умер. Бранвен обезумела от горя: «И когда Бранвен увидела своего сына и огне, она пыталась кинуться в печь с места, где она сидела между двумя своими братьями. Но Бендигейд Вран сдержал ее одной рукой, а другой поднял свой щит. Тогда все в доме вскочили, и началось величайшее смятение, и каждый схватился за оружие. И Мордуидтилион вскричал: «Отомстим за Гверна!» И когда они все обнажили оружие, Бендигейд Вран прикрыл Бранвен своим щитом.

И тогда ирландцы разожгли огонь под котлом оживления и принялись бросать туда мертвые тела, пока котел не наполнился, и на следующее утро мертвые воины стали такими же, как раньше, кроме того что не могли говорить. И когда Эвниссиэн увидел, что мертвые Острова Могущества не оживают, он сказал себе: «Боже! это я послужил причиной гибели людей Острова Могущества. Горе мне, если я не исправлю этого». И он спрятался среди мертвых воинов, и два дюжих ирландца взяли его и бросили в котел, приняв за одного из своих. И он ударился о дно котла и расколол его на четыре куска. но при этом разбилось и его сердце.

И в битве победили люди Острова Могущества, но после этой победы в живых остались лишь семь человек, и Бендигейд Вран был ранен в ногу отравленным дротиком. Вот те семеро, что остались живы: Придери, Манавидан, Гливиэу Айл Таран, Талиесин, Инаук, Гридиэн, сын Мириэла, и Хейлинн, сын гвинна Хена. И Бендигейд Вран приказал им отрезать его голову. «Возьмите мою голову, — велел он, — и отнесите ее на Белый Холм в Лондоне, и похороните там лицом к стране франков. И вы должны долгое время провести в дороге. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и птицы Рианнон будут петь вам. И мои голова должна все время быть с вами, как будто она на моих плечах. И в Гуэлсе в Пенфро вы должны находиться четыре по двадцать лет, и вы останетесь там, пока не отомкнете дверь в Абер-Хенвелен и Корнуолл. И когда вы отомкнете эту дверь, вы отправитесь в Лондон и похороните там мою голову». Семеро выживших исполнили его просьбу. И на этом заканчивается рассказ о горе Бранвен и о спасении тех, кто вернулся из Ирландии.

Как видите, наш котел здесь служит в качестве воскрешающего средства, то есть дарит жизнь. В «Книге завоевания Британии» котел оживления принадлежит богам Туата Де Дананн. Однако это не единственный котел кельтских мифов. Золотая чаша заманивает в волшебный замок героев другой мабниоги — Манавидан, сын Ллира.

На сей раз повествование начинается с того, что вождь семерых выживших тоскует но причине своей бедности: ему негде приклонить голову. Придери, сопровождающий его в странствиях, предлагает часть своих земель, но с условием, что тот женится на его матери. Манавидан на это условие согласился, и решили они соглашение отпраздновать, потому что всем пришлось оно по душе. А после этого отправилась эта большая семья — Манавидан, Придери, его мать Рианион и его жена Кикфа — осматривать свои земли. И вот как-то «после завтрака однажды утром они вчетвером поднялись и взошли на холм в Арберте вместе со своей свитой. И когда они сидели там, внезапно поднялся сильный шум, и разыгралась буря, и все скрылось в тумане, таком густом, что никто из них не мог разглядеть прочих. Когда же туман рассеялся. и они огляделись кругом, то там, где раньше были стада, дома и нивы, они не увидели ничего: ни дома, ни дыма, ни человека, ни зверя; лишь здание дворца стояло пустое и брошенное, и там тоже не было людей и ни одной живой твари, И все их спутники также исчезли, остались лишь они четверо. «О Боже! — воскликнул Манавидан, — где же люди из дворца и наши спутники? Спустимся скорее и поищем их!» Они вошли во дворец и не нашли там никого; они входили в залы и покои и никого не

видели, и в погребе и на кухне тоже не было ни души. И они закончили праздник вчетвером, и пировали, и охотились, и объезжали свои владения, чтобы найти там дома и жителей, но не видели никого, даже диких зверей. И когда у них кончилась еда, они стали ловить рыбу и собирать дикий мед и провели так год и второй, и тут их терпение иссякло». И решили они странствовать и искать пропавший народ, а чтобы с голода не умереть, стали заниматься разными ремеслами. Но поскольку ремеслами они владели весьма хорошо и быстро всему учились, их повсюду изгоняли местные жители, которым конкуренции не нравилась. И в конце концов они вернулись в свой дворец и стали жить охотой. Однажды Придери и Манавидан охотились на большого кабана, и тот подвел их к кусту, а потом пропал. Когда ветки раздвинули, то увиделся за кустом богатейший дворец. «Господин, — сказал Придери, — я пойду в этот замок и отыщу собак». — «Поистине, — сказал Манавидан, — негоже идти в замок, который так внезапно появился в этом месте. Он выстроен не иначе, как колдовством». — «Я не могу бросить своих собак», — возразил ему Придери и, не послушав совета, направился к ворогам замка.

Войдя внутрь, он не увидел ни человека, ни зверя, ни вепря, ни собак и никаких признаков жизни. И в середине двора был мраморный фонтан и на краю его — золотая чаша, подвешенная на четырех цепях, которые уходили ввысь так, что их концов не было видно.

И он восхитился красотой чаши и подошел, чтобы взять ее. Но как только он взялся за чашу, его руки прилипли к ней, а ноги — к мраморной плите, на которой он стоял, и дар речи покинул его, так что он не мог произнести ни слова.

И Манавидан ждал его до конца дня, а убедившись, что Придери и его собаки не вернулись, отправился домой. Когда он пришел, Рианион спросила: «Где же твои спутник и собаки?» — «Выслушай, — сказал он, — что с ними случилось».

И он рассказал ей обо всем. «Поистине, — молвила Рианнон, — ты оказался плохим товарищем, а хорошего товарища потерял». И с этими словами она ушла и направилась туда, где, по словам Манавидана, стоял замок. Она увидела, что ворота замка открыты и лишены охраны, и пошла внутрь. И, войдя туда, увидела она Придери, державшего чашу, и подошла к нему, «О сын мой! — воскликнула она, — что ты здесь делаешь?» И она протянула руку к чаше, и, как только она коснулась ее, рука ее также прилипла к чаше, а ноги — к мраморной плите, и она не могла сказать ни слова. Так стояли они, пока не спустились сумерки, и раздался грохот, и замок растаял в тумане со всем, что и нем было. Так остались Манавидан и Кпкфа вдвоем, и стали они думать, как добыть пропитание. Стал Манавидан выращивать пшеницу. И выросла она в один год большая-пребольшая, по только Придери соберется утром снять урожай, как ночью поле пустеет. Когда так дважды случилось. Придери решил караулить воров ночью. Снарядился он и отправился на поле и сел в засаду. Среди ночи видит — все поле колышется от множества мышей. Выскочил Придери из засады и бросился их ловить, но все мыши разбежались, удалось схватить только одну — беременную мышь. И решил он хоть эту воронку наказать. Пошел он на свой холм и стал сооружать из рогулек виселицу. И стали к нему подходить разные люди и отговаривать вешать мышь, предлагали ее даже выкупить, но Манавидан отказывался от денег, и от коней, и от земель. Сначала уговаривал его бедный клирик, потом священник на богатой лошади, а в конце концов и сам епископ. Но Манавидан стоял на своем: не отпущу мышь, пока не узнаю, кто она такая. Тогда «епископ» открыл ему тайну: на самом деле эта мышь — его жена, а оборотилась она, как и другие дамы, мышью, чтобы нанести урон Манавидану за прежние проступки. А когда Манавидан выскочил из засады, только она убежать не смогла, потому что в тягости. Манавидан потребовал у мага, чтобы тот вернул ему и друга и жену, и всех людей в государстве, и не пытался потом снова вредить. Маг пообещал. «Оглянись и посмотри вокруг, — молвил епископ, — и ты увидишь все дома и их жителей на прежнем месте». И Манавидан встал и оглядел землю. И там, куда он смотрел, он увидел землю вновь заселенной, полной людей и животных.

«Какое же наказание, — спросил он, — несли у тебя Придери и Рианион?» — «Придери носил на шее кольцо от ворот моего дворца, а Рианион — ярмо, под которым ослы

возят сено. Эго и было их наказание». И по этой причине история именуется также мабиноги Ярма и Кольца».

Второе название мабиноги дает нам понимание сути золотой чаши, которая висела над колодцем: ярмо, как мы помним, священный символ земной власти, крепости клятвы, кольцо — аналог символа чаши, то есть небесной власти. Недаром трансформация мира происходит в момент, когда герой (или героиня) стоят на каменной плите, а в руках держат чашу неба (подвешенную к небу). В этом случае мы имеем дело с чашей иллюзии или чашей колдовства.

Еще один котел, и котором варится магическое зелье, дарующее знание, присутствует и мабиноге «История Талиесина». Этот текст дошел до нас в поздней редакции, но некогда он был очень популярным, и считается, что в образе Талиесина слился легендарный персонаж с реально жившим на земле человеком — великим валлийским бардом. История Талиесина иначе называется историей о котле Кередвин. История вкратце такова.

«Во времена короля Артура в Пенилине жил человек по имени Тодэг Фоэль и была у него жена Керидвен. Жена этого человека слыла волшебницей и прорицательницей и имела некий котел, в котором варила магические отвары. И родился у них сын, глядя на которого Керидвен только вздыхала, понимая, что с такими данными его ни в одно хорошее общество не примут: был он мрачен, ликом черен и весьма некрасив. Подумывая о его будущем, Керидвен решила, что если уж он не удался внешностью, то пусть хоть получит дар мудрости. Сам сынок умом не блистал, так что Керидвен решила сварить для него чудодейственное зелье, которое разом сделает его проницательным и умным. Варить зелье нужно было целый год, из самых ядовитых трав, постоянно помешивая варево и подкладывая дрова, чтобы огонь под котлом ни на миг не потухал. Сначала она взялась за дело сама, но труд был слишком утомительным. Так что она обрадовалась, когда на ее земли забрели слепой старик (по имени Морда) и мальчишка-поводырь. Их-то она и наняла на работу. Старик с мальчишкой исправно трудились, варево готовилось, и близок был уже тот день, когда выкипит оно до последних трех капель, которые-то и должны брызнуть на ее неудачного сына Морврана. Но случилось так, что в ответственный момент она задремала, а мальчишка, подкладывая свежую охапку дров, случайно столкнул ее сына Морврана с правильного места. Котел раскололся, капли попали мальчишке на палец, они были такими горячими, что он сунул обожженный палец в рот и, проглотив волшебные капли, узнал все, что было и будет, и понял, что ему придется столкнуться с хитростью и злобой Керидвен. И и страхе он пустился бежать к родной земле. Котел же раскололся пополам, поскольку вся жидкость в нем, когда вытекли три волшебные капли, превратилась в яд, так что лошади Гвиддно Гаранхира отравились этой жидкостью, попавшей в ручей, из которого они пили, и этот ручей с тех пор зовется *Отрава Коней Гвиддно.*

Тут пришла Керидвен и увидела, что труд целого года погублен. И в гневе она схватила деревянное полено и ударила слепого Морду по голове так, что глаз его вытек на щеку. И он сказал: «Ты изувечила меня, хоть я и невиновен. Не по моей вине свершилась твоя утрата». — «Поистине, ты говоришь правду, — сказала Керидвен, — ибо меня обокрал Гвион Бах».

И она погналась за ним, а он, увидев ее, превратился и зайца и побежал. Но она превратилась в борзую и догнала его. Тогда он бросился в реку и превратился в рыбу. Но она сделалась выдрой и настигла его. Тогда он превратился в птицу и взмыл в небо. Но она сделалась соколом и догнала его в небе. Когда она уже почти схватила его, он, скованный страхом смерти, камнем упал в кучу зерна, сложенную к амбаре, и превратился в одно из зерен. Тогда она сделалась черной курицей, и принялась разгребать кучу, и нашла его, и тут же проглотила. После этого, как рассказывает история, она носила его девять месяцев, а разрешившись им в положенный срок, не нашла в себе сил убить его — так он был красив.

Тогда она поездила его в мешок и пустила в море на волю Божью в двадцать девятый день апреля.

А в то время на ручье между Диви и Абериствитом стояла плотина Гвиддно, и каждый

майский праздник к этой плотине прибивало на сотню фунтов всякого добра. У Гвиддно был единственный сын по имени Эльфин, и был он самым несчастливым из юношей, так что отец решил, что он родился в недобрый час. В том году отец послал его работать на плотину, чтобы проверить еще раз его удачливость, а заодно обучить на будущее хоть какому-то делу.

И на другой день Эльфин пошел к плотине и не нашел там ничего. Вдруг он заметил кожаный мешок, зацепившийся за одну из свай. И один из тех, кто работали на плотине, сказал Эльфину: «Ты всегда был неудачником, а сегодня из-за тебя и у нас не стало удачи, ибо раньше к этой плотине никогда не прибивало добра меньше, чем на сотню фунтов, а сегодня здесь нет ничего, кроме этого мешка.» — «Как знать, — сказал Эльфин, — может быть, он стоит побольше сотни фунтов». Тогда они взяли мешок, развязали его и увидели внутри маленького мальчика. И они сказали Эльфину: «Гляди, как сияет его лицо!» — «Так пусть же зовется он Талиесин» (в переводе — сияющее чело), — сказал Эльфин».

Так вот и появился среди людей Талиесин, который знал, что прежде этого рождения он был Мирддином или же — как нам привычнее — Мерлином. А кто такой Мерлин — никому объяснять не надо, это имя мы знаем с детства. Но — как видите — Талиесин явился в мир благодаря котлу Керидвен. Как пишут комментаторы этого древнего текста, — реальный Талиесин имеет мало общего с Талиесином «Истории». которого валлийские редакторы рукописи перенесли в Уэльс, ко двору короля Мэлтона Гвинедда, и сделали великим бардом, чародеем и предсказателем, таким же, как Мирддин-Мерлин, учеником которого он становится у Гальфрида Монмутского в его «Жизни Мерлина». В качестве такового Талиесин упоминается во множестве сочинений (в том числе и и мабиногах), и ему автоматически приписываются (как раньше Мерлину) все пророчества и «поэмы, темные смыслом», встречавшиеся в старинных рукописях. Этим и объясняется образ Талиесина в «Истории», несомненно, отражающий мистическую фигуру бога священного знания, воплотившегося в барда (как Мирддин воплотился в Мирддина Эмриса). Однако в мабиногу были включены и реальные стихотворения настоящего Талиесина, придворного барда Уриена, короля Регеда, относящиеся к далекому VI веку.

Мифы нам дают огромное множество различных чаш — золотых и серебряных, больших и малых, производящих деньги, еду, возвращающих силу и жизнь, уводящих и иной мир или мир маленького народца. По сути — это все граали. Но ни в одном мифе нет того Грааля, который связан с христианскими реликвиями.

В целом в кельтской мифологии существовал кроме малого списка волшебных предметов (чаша, копье, меч, камень) и большой список из тринадцати предметов. Эти предметы называются *тринадцатью сокровищами Британии.* Их для Британии добыли король Артур и его славные рыцари. Обычно это магические артефакты, которыми герои должен завладеть, чтобы выполнить какую-то миссию. Например, как в мабиноге «Килох и Ольвен», для того, чтобы взять любимую девушку и жены. «По преданию, — пишут историки, — к числу этих сокровищ относились меч, корзина, рог для питья, колесница, поводья, нож, котел, точильный камень, одежда, миска, тарелка, шахматная доска и мантия. Они обладали не менее удивительными волшебными свойствами, чем яблоки, свиная кожа, копье, упряжка коней и колесница, свиньи, щенки и вертел».

Скорее всего, именно эта мабинога послужила основой для подвигов Персиваля. Во всяком случае, юный Килох весьма его напоминает, как внешним видом и символикой цвета, так и задачами, которые перед ним поставлены. Наверно, я не ошибусь, если выскажу и такое предположение: эта мабинога дала Кретьену де Труа идею, как можно рассредоточить своих героев для выполнении разных миссий, чтобы вся поэма не потеряла цельности. В «Килохе и Ольвен» подвиги героев двора Артура объединены общей темой, но в то же время каждую миссию выполняют разные люди. Этот принцип объединения сюжетных линий и применил Кретьен, он просто не успел дописать столь объемное приключенческое полотно.

Время Грааля

Однако почему интерес к кельтской мифологии и легендарному королю Артуру появляется в конце XII века, то есть во время, когда творил Кретьен де Труа? И что мы вообще знаем об этом поэте? Какие тайны хранит грааль, который у Кретьена пишется еще с маленькой буквы? Что символизирует копье? Почему в герои выбран юный рыцарь? Где происходят события всей этой истории? Почему она так и не получила завершения? Как Кретьен собирался ее закончить? О каких тайнах поведать?

Многого мы не знаем и не узнаем никогда, а можем только предполагать или строить догадки. Но вот на вопрос, почему этот роман о Граале появляется во второй половине XII века, ответить несложно. Так же, собственно говоря, несложно объяснить, почему героем становится рыцарь, а не монах или король. В 1095 году случилось одно важное событие, которое сразу подняло европейское рыцарство на недосягаемую высоту — началась эпоха Крестовых походов. В 1095 году от Рождества Христова император Византии Алексей Комнин имел несчастье попросить у его святейшества римского папы Урбана Второго некоторое количество рыцарей для защиты христиан Малой Азии и Палестины в связи с растущей угрозой нападения турок-сельджуков. Если бы император был дальновиднее, никогда бы к его святейшеству с этой просьбой не обратился. Но таковым он не был. В ответ на прошение он ожидал получить человек так двести отлично подготовленных рыцарей и быстро навести порядок. И ничего более. Но просьба императора оказалась весьма кстати. С язычеством и Европе в основном было покончено, а что делать с неуправляемой и дикой рыцарской толпой, занимающейся все больше и больше грабежом и разбоями, папа не знал. Престиж церкви стремительно падал. Просьба императора оказалась подарком судьбы. Папа лично обратился к жителям Клермонта с призывом идти и отвоевать у мусульман Гроб Господень. За это благое дело он обещал отпущение всех прошлых и будущих грехов, что, учитывая весьма недобродетельную жизнь «воинов Христа», было весьма гуманно и привлекательно. Не забыл папа упомянуть и то, что все погибшие на Святой Земле, «автоматически» — без пребывания в чистилище — отправятся в рай. Поскольку никаким другим способом в этом блаженном месте дикие рыцари оказаться не могли, они тут же откликнулись на призыв. И император с ужасом получил вместо организованной рыцарской колонны толпы жестоких и беспощадных убийц, мечтая только об одном — поскорее сплавить всю эту свору за пределы Европы: опасные турки по сравнению с подарком папы были даже безвреднее.

Переправившись через Средиземное море, толпа «воинов Христа» начала жечь и убивать все, что попадалось на пути. А на пути, между прочим, лежали христианские малоазийскне города, которые и были стерты этой волной до основания. Путь крестоносцев лежал к прекрасному и богатому городу Иерусалиму, где в мире и покое жили иудеи, мусульмане и христиане. Между участниками этого похода сразу же возникли страшные распри: каждый хотел стать более богатым, более известным, более… святым. Впрочем, святость они все понимали очень даже по-разному. Кто-то считал, что всех иноверцев следует вырезать как диких зверей, кто-то все-таки видел в них людей, хотя и неверных. Крестоносное воинство, честно говоря, к завоевательной войне подготовилось плохо, оно больше уповало на бога и на то, что исполняет справедливую миссию. Идея отвоевать Гроб Господень стала своего рода идеей фикс. Поэтому в Крестоносное войско попали как откровенно сумасшедшие люди или разбойники, так и нормальные воины, для которых освобождение Иерусалима было отличным поводом для получения собственной земли. Недаром историки называют эти крестовые походы войной младших сыновей. Дело в том, что по стандартному европейскому законодательству младшие сыновья были неимущими, им ничего не полагалось при дележе наследства, и единственный способ не протянуть ноги от голода — это участие в войнах или служба у могущественного сюзерена. Только сюзерен

мог выделить рыцарю фьеф — участок земли с крестьянами, если ж этого не происходило — рыцарь бедствовал и жил иногда куда хуже крестьянина, ведь быть рыцарем — это дело недешевое. Нужно было иметь и доспехи, и одежду, и оружие, не говоря уж о коне. Завоевание Палестины могло эти проблемы решить. Так что лишенные наследства младшие сыновья охотно отправились за море. Но действительность оказалась совсем не столь радужной, как рисовалась в Европе. На подступах к Святой Земле они столкнулись с яростным сопротивлением местного населения. Причем нередко их ненавидели не только мусульмане, но и братья по вере. Особенно большие проблемы возникли с Византией, потом они переросли в особый крестовый поход… против единоверцев. Но даже христианское население Палестины воспринимало их не с такой уж радостью, как можно было ожидать. И обещания Бернарда Клервоского, что народы Палестины ждут их как освободителей, совершенно ясным образом расходились с реальностью. Проклятые христиане Палестины вовсе не хотели содержать огромное крестоносное войско! Они как-то привыкли уживаться с детьми ислама, а рыцари были новым и неведомым зверем, разрушающим и сжигающим все на своем пути. Бернард писал в обращении к рыцарям, отправившимся воевать в Палестину; «Радуйся же, град святой, освященный Всевышним и соделанный Его скинией, дабы это поколение могло быть спасено в тебе и тобою! Радуйся, столица великого Царя, источник столь многих радостных и неслыханных чудес! Радуйся, владычица наций и царица провинций, наследие патриархов, мать апостолов и пророков, источник веры и славы народа христианского! Если Бог попустил, что тебя столь часто осаждали, то единственно ради того, чтобы представить отважным случай проявить доблесть и стяжать бессмертие. Радуйся, страна обетованная, бывшая родником молока и меда для своих древних обитателей, ныне же ставшая родником целительной благодати и животворной пищи для всей земли! Да, говорю я, ты — та добрая и превосходная почва, что в плодородные недра свои приняла небесное семя из сердца предвечного Отца. Что за богатый урожай мучеников взрастила ты из этого семени! Твоя богатая почва произвела чудесные примеры всяческой христианской добродетели для всей земли — иные из них принесли плода и тридцать крат, другие и шестьдесят, а иные же по сто. Потому видевшие тебя счастливо исполнены огромным изобилием твоей Сладости и вскормлены твоей великою щедростью. Повсеместно, куда идут они, распространяют славу о твоем прекрасном великодушии и рассказывают о сиянии славы твоей тем, кто ее не видал, возвещая чудеса, в тебе совершенные, даже до края земли. Воистину, славное говорят о тебе, град Божий!» Но рыцари, осадившие этот град святой, не видели со стороны местных народов воодушевления и желания немедленно уверовать в Господа Бога Нашего. Мусульмане сопротивлялись. Христиане особого счастья не испытывали. А евреев крестоносцы и в Европе-то искренне не любили. Это было у них, увы, взаимное чувство. После объявления крестовых войн многие рыцари евреев иначе как христопродавцами и не называли, поэтому и освобождать их от кого бы то ни было они отнюдь не стремились.

Еще одна серьезная проблема была в климате. Если южане хоть как-то переносили это жуткое палящее солнце, то северяне тяжело страдали. Они не были готовы ни к жаре, ни к отсутствию воды, ни к многочисленным ядовитым или просто раздражающим насекомым, ни к антисанитарии, которая была в этом климате гораздо проблематичнее, чем в Европе. За первые три года похода они потеряли не от вражеских войск, а от болезней и изнурения огромное количество людей. Эпидемии начинались неожиданно и косили всех без разбора. От жары и тяжелого труда у них начинались видения, которые они искренне считали знамением, несущим победу. Много раз им являлись то Георгий Победоносец на белом коне, то сверкающие и лучах палящего солнца воины Христовы, и если они выигрывали битвы, которые должны были проиграть, то не на последнем месте стоят эти мистические небесные знаки. Вообще-то рыцарям было известно, что Палестина — Святая Земля, то есть святыни тут валяются на каждом шагу, и не только в Иерусалиме. Очень характерен был эпизод с явлением наконечника копья, которое было объявлено принадлежавшим сотнику Лонгину, который проткнул им левый бок Спасителя, распятого на кресте. Как пишет историк

Ж. Мишо, «некий бедный священник явился на совет князей и поведал, что три ночи подряд видел во сне апостола Андрея, который повелел ему идти в церковь и раскопать землю у главного алтаря (дело было в Антиохии), где якобы лежит копье, которым некогда было проколото подреберье Иисуса Христа. Землю раскопали и обнаружили железный наконечник копья. Эта находка коренным образом изменила настроение в лагере. Безнадежность сменилась энтузиазмом. Так, значит, Бог их не оставил! И победа Креста неизбежна!..Тут же была отправлена депутация к Кербоге (вождю мусульман), во главе которой стоял Петр Пустынник. Он обратился к султану с предложением решить дело судебным поединком: пусть мусульмане и христиане выставят по равному числу бойцов, и если христиане окажутся победителями, мусульмане должны будут уйти из-под Антиохии! Мусульманский султан, сначала онемевший от подобной дерзости, с гневом отказал Пустыннику, заявив, что если крестоносцы желают сохранить жизни, они должны принять ислам. Поскольку об этом не могло быть и речи, то стороны стали снова готовиться к решающей битве. Выступив из ворот близ моста, христианская армия разделилась на двенадцать корпусов — по числу двенадцати апостолов. Она вытянулась длинной лентой вдоль долины, закрывая неприятелю доступ к стенам города. Впереди несли святое копье. И было в атом ободранном войске нечто такое, от чего бесстрашный султан на мгновение даже струсил. Он вдруг предложил врагам то, от чего вчера с презрением отказался — судебный поединок. Но теперь от этого с презрением отказались крестоносцы. Трубы подали сигнал, и эти вчера еще изнемогавшие от голода и отчаяния люди стремительно ринулись на мусульман. Битва оказалась жаркой. Она шла с переменным успехом. По ходу боя старый враг крестоносцев Килидж-Арслан с яростью врезался в их ряды, и, казалось, ряды дрогнули. Но тут произошло еще одно чудо: многие увидели белый отряд, спускавшийся с гор, во главе которого медленно двигались три лучезарных всадника. «Смотрите, — воскликнул епископ Адемар, — святые Георгий, Дмитрий и Федор идут к нам на подмогу!» Все взоры обратились к видению; неизвестно, все ли увидели его, по единодушный крик потряс воздух: «С нами Бог! Бог этого хочет!»

Битва, естественно, была выиграна. А летом 1099 года взяли Иерусалим. И в руки крестоносцев попал Животворящий Крест, который на протяжении долгого времени крестоносное войско таскало с собой во время различных кампаний. Нередко это воздвижение Животворящего Креста выглядело до чудовищного смешно. Перед боем крестоносцы крестным ходом трижды обходили крепости под улюлюканье мусульман. Другой реликвией было упомянутое уже копье. Причем, хотя были люди, которые сомневались в его происхождении. находились и такие, кто был готов погибнуть, доказывал святость этого артефакта. Марсельский клирик (по другим сведениям — прованский крестьянин, участник похода и тот самый якобы «монах», которому и явился во сне святой Андрей) Петр Бартоломей, оскорбленный неверием в святыню копья, даже прошел ради него сквозь пламя костра. Средневековый хронист оставил такую запись о столь памятном случае: «Петр Бартоломей, исполненный негодования, сказал, как человек простой и хорошо знавший истину: «Я хочу и прошу, чтобы развели большой огонь; я пройду через него вместе с Господним Копьем. Если это копье Господа, то я выйду, цел и невредим; если же это обман, то я сгорю. Это происходило накануне пятницы, то есть Страстной, в апреле 1099 г., при осаде Арки… Князья и народ собрались в числе 40 тысяч… Из сухих олив сделали костер в 14 футов длины… а высота куч достигла 4 футов… Без малейшего страха, твердой поступью вошел в огонь, неся в руках копье; на известном месте посреди пламени он остановился и после того прошел с Божьей помощью до конца… туника нисколько не сгорела, и не осталось ни малейшего следа огня на тончайшей материи, в которую было завернуто Господне Копье… народ устремился на него… Ему ранили в трех или четырех местах ноги, вырвав куски мяса, сломали спинную кость и исковеркали его…»

Правда, после этого акта самопожертвования несчастного насилу удалось отбить от восторженной толпы: его тело хотели разобрать на святые реликвии, и несколько наиболее отважных рыцарей бросились его спасать. Однако не спасли: он скоро умер от страшных ран

и не менее обширных ожогов. Считается, что именно это копье спустя столетие привез в Париж Людовик Святой.

Еще одна святыня имела куда более сомнительное происхождение — это так называемый сосуд с молоком Богородицы, тоже своего рода Грааль.

О его судьбе ничего не известно.

Все эти три святые реликвии отправлялись в поход вместе с рыцарями, но, конечно же, главную скрипку играл Животворящий Крест. В конце концов в одном из походов Животворящий Крест вместе с разбитым рыцарским войском удалось захватить Саладдину. Представляете, какие рассказы о далеких землях и борьбе с неверными, рассказы, окрашенные мистической дымкой, привозили рыцари, возвращавшиеся домой? В Европе крестоносцы были героями, причем даже те, которые бежали от ужасов Палестины. Они там побывали. Этого было вполне достаточно. Они видели чудеса.

Впрочем, в это прекрасное время чудеса насыщали самый воздух. Исследователь этой эпохи Ашиль Люшер упоминает многие чудесные случаи и явления. «В Розуа ан Бри в момент пресуществления во время мессы произошло реальное превращение — вино действительно обратилось в кровь, а хлеб — в тело. В одной церкви в Лимузене на алтарном покрове возникло множество крестов. Сие чудо удостоверили, — говорит приор Вижуа, — виконтесса, аббат, весь народ; только было не разглядеть хорошенько, какого цвета были кресты. Господу известно, что он желал этим сказать!» Из статуи Пречистой Девы и церкви Тарна сочилась кровь. В Шатору во время воины Филиппа Августа с Генрихом II одни наемник, игравший в кости перед порталом церкви, разъярившись, бросил камень в статую Богоматери с Ииусом. Рука Младенца отлетела, и из раны обильно потекла кровь. Эту бесценную кровь, способную совершать замечательные исцеления, собрали, а руку увез Иоанн Безземельный, который никогда не расставался с этой реликвией. Одна только хроника Ритора упоминает три или четыре случая воскрешения людей. Жоффруа де Вижуа знает одну даму из Лиможа, которой посчастливилось после смерти увидеть Марию Магдалину. Святая коснулась ее губ, и мертвое тело ожило. Такой король, как Филипп Август, помазанный и освященный, не испытывал недостатка в божественном покровительстве. По меньшей мере, три раза во время феодальных войн и войны с Плантагенетами оно чудесным образом выручало его из затруднений. Никто не сомневался, что души усопших возвращаются, чтобы мучить людей. Когда сын графа Гуго де Ла Марша в 1185 г. убил рыцаря по имени Бертран, то призрак этого Бертрана не переставал являться убийце до тех пор, пока семья жертвы не получила удовлетворения». А Мишель Пастуро (согласно Ригору) приводит такой случай чудесного исцеления юного короля; «В следующем месяце, 23 июля (1191), Людовик, сын французского короля, был поражен весьма тяжелой болезнью, которую врачи именуют дизентерией. Казалось, что он и безнадежном состоянии, и тогда решили прибегнуть к следующему средству. После долгих молитв и поста монахи на Сен-Дени, взяв почитаемые реликвии гвоздь распятия, терновый венец Спасителя и руку святого Симона, босиком, обливаясь слезами, в сопровождении огромной толпы верующих и клириков направились к церкви Сен-Лазар, расположенной в окрестностях Парижа: епископ Морис, каноники, духовенство, клирики и просто жители также пришли туда босиком, в слезах, с мощами многих святых. Собравшись в единую процессию, с пением и плачем они подошли к королевскому дворцу, где при смерти лежал Людовик. Перед народом была произнесена проповедь, после которой все со слезами принялись молиться Спасителю о выздоровлении юного принца. Затем ребенок приложился к святыням, принесенным из Сен-Дени, посредством которых его живот был осенен крестным знамением. Вскоре после этого опасность, угрожавшая его жизни, миновала. Более того, в этот же день и час отец его, Филипп, находившийся в Святой Земле, был исцелен от той же болезни».

Но, конечно же, чудеса Святой Земли оказывали куда более сильное действие. Ведь они были овеяны ветрами Палестины и рассказаны иссеченными шрамами людьми, которые — о чудо! — сражались с неверными и не имели на себе греха. Именно такими, в ореоле святости, возвращались они из адского пекла Палестины.

Поскольку Кретьен де Труа писал свой роман в стихах уже после начала Крестовых походов, их романтика не могла на нем не отразиться. Она и отразилась. Рыцарь — это священное слово, это — герой. И как истомленным тяготами войны крестоносцам являлись видения, такие же видения посещают и юного Персиваля. Рыцарей он видит только в ореоле святости. Но — почему? Неужели Кретьен не ведал, что рыцарская святость — своего рода миф? А вот тут нам придется обратиться к личности самого Кретьена и к его заказчикам.

Ангелы! Так восклицает Персиваль, впервые увидев конных воинов короля Артура. «Ангелы нас ведут!» — так восклицали реальные рыцари, следующие за небесными видениями или Животворящим Крестом, опаленные солнцем Палестины, измученные, ослепленные нестерпимым южным светом. И следом за святым воинством вступали в бой с сарацинами. Нам сейчас сложно попять, что вело этих людей в бой, мы живем в другое время и, увы, ни во что не верим. Время написания повести о Граале — последние десятилетия XII века. Палестина завоевана и разделена между знатными синьорами, успех и неудачи периодически колеблются, на исторической сцене горит яркая и опасная звезда Саладдина. Во главе Иерусалимского королевства стоит юный и к тому же больной проказой рыцарь — Балдуин Четвертый, сын короля Амори — Балдуина Третьего, человека дерзкого, умного, но совершенно несдержанного и не владевшего искусством дипломатии. Мальчик неопытен, страдает от тяжелого недуга, но он — рыцарь, а этим все сказано. Однажды, когда над городом возникла угроза осады, сарацины бежали от крохотного войска крестоносцев, которое возглавлял маленький король. Он попросил, чтобы его крепко привязали к седлу и помогали направлять удары меча — проказа лишила его практически всего зрения… Скоро, впрочем, он полностью ослеп, и на иерусалимском престоле оказался еще один Балдуин — слабовольный и ничего собой не представляющий Гуго де Лузиньян. Не ему тягаться с умным и талантливым вождем мусульман Саладдином. Гюи даже и не пробует. В 1181 году Великим Магистром Ордена Тамплиеров становится Жерар де Ридфор. До сих пор загадка, почему он был избран на этот пост, поскольку Ридфор не мог похвастать ни даром дипломатии, ни сдержанностью, ни хотя бы военным талантом. Роль злого гения при нем исполняет еще один человек — невероятный авантюрист, переменчивый, как ветер пустыни Рено де Шатильон. С одной стороны, он красавец, каких еще нужно поискать, отважен, как лев, но несговорчив, своенравен, невероятно вспыльчив и действует прежде, чем думает. О характере его деянии красноречиво говорит такая любопытная деталь: когда он встает во главе Антиохии, против этого яростно выступает местный антиохийский патриарх. Рено быстро раскрывает нити заговора, заковывает всех своих противников в цепи, а самого патриарха, с ног до головы обмазав медом, выставляет под палящее летнее солнце с непокрытой головой, и на несчастного тут же слетаются тучи мух и шмелей. Впрочем, народ Антиохии от такого правителя спасает смерть его жены, вместе с которой, по сути, и перешел к нему этот город. За недолгое время Рено успевает побывать в плену у сарацин, потерять Антиохию и обосноваться в Караке, куда и уходят вместе с ним многие тамплиеры. Из этого Карака Рено совершает дерзкие нападения, не различая ни сыновей Христа, ни детей Аллаха. Саладдину даже приходится постоянно жаловаться Балдуину Четвертому, тому самому несчастному больному королю, на поведение его рыцарей: Рено систематически грабит караваны паломников. Что и говорить, крестоносцам действия Рено нанесли гораздо больше вреда, чем пользы. Он заключает странные союзы с неверными, но не считает грехом нарушать свое слово, он не способен вести переговоров, потому что все они завершаются войной, и, в конце концов, именно Рено де Шатильон приводит крестоносную армию к столкновению с Саладдином и одному из самых тяжелых в ее истории поражении. По неведомой нам причине Рено вбил себе в голову, что неплохо было бы ограбить Мекку и увезти оттуда знаменитый камень Каабы! В сторону Мекки он и ведет свое небольшое войско, которое около Медины атакует и разбивает Саладдин. Самому Рено удастся ускользнуть, но лишь на время. Буквально через несколько лет иерусалимский король, страшившийся потерять осажденную сарацинами Тивериаду (а вместе с нею и

Иерусалим), начинает необдуманный поход на Саладдина, путь лежит из Сефури к Галилейскому озеру, и когда крестоносная рать начинает двигаться по узким горным тропам, с гор спускаются воины Аллаха. Целый день сражаются в этих горах у маленького селения Хаттин крестоносцы, но исход битвы предрешен. Именно в этой страшной мясорубке они теряют свою святую реликвию — верно служивший им Животворящий Крест. Его захватывают сарацины. Кроме Креста они берут в плен и всю рыцарскую элиту, которую не порубили и бою, а также самого короля Иерусалимского, его брата, магистра тамплиеров Ридфора, и нашего злого гения европейцев — Рено де Шатильона. Единственное, что смог сделать этот человек, — гордо умереть. Когда воинов повязали веревками, и Саладдин разбил свой шатер, он велел привести к себе руководителей похода. Поглядев на иерусалимского короля, он предложил тому выпить прохладного напитка. Гюи сделал пару глотков и протянул кубок Рено де Шатильону. Саладдин возмутился: «Этот негодяй, — сказал он, — не будет пить в моем присутствии, он нарушил все клятвы и договоренности, какие возможно». Саладдин никоим образом не забыл о походе в Мекку! «Примешь ислам, — добавил вождь мусульман, — оставлю жизнь. Ты не можешь не принять веры в того, кого поругал и унижал!» Но ни ярость, ни обида Саладдина, ни угрозы его, ни посулы — ничто не подействовало. Рено смотрел ему в глаза и только усмехался. В конце концов, поняв, что толку тут не будет, Саладдин взмахнул саблей и отсек его смеющуюся голову. Иерусалимский король же наблюдал в ужасе, как эта гордая и кровавая голова скатывается прямо к его ногам. Днем позже Саладдин приказал казнить всех тамплиеров, которые были захвачены во время битвы. Жизнь он оставил только Жерару де Ридфору, да и то лишь взяв с него клятву впредь не обнажать меча против мусульман. Надо ли говорить, что, оказавшись на свободе, Ридфор тут же ее нарушил?

Итак, вот какие события происходили в течение века на далекой южной земле. Вот какие герои ходили по ней.

Но что связывало самого Кретьена с рыцарями и почему он взялся за поэму о рыцарях? Конечно, поэту пристало говорить о подвигах и показывать лучшие черты своих героев, но… Но тут есть одна очень важная деталь. Сколько бы исследователи ни отрицали, что Кретьен де Труа пишет портреты тамплиеров, истина в том, что других портретов он просто не мог написать. И вот почему. Неслучайно поэт носит имя Кретьен де Труа, дословно это обозначает *Кретьен из Труа* . А название этого городка связано с тамплиерами намертво. Именно здесь в 1128 году и был официально признан этот мятежный Орден. К тому же Труа — это вотчина графов Шампанских, а все эти граждане из-за того, что в самом начале Ордена в его учредители попал Гуго де Шампань, по рыцарскому уставу становились тамплиерами. Ибо по этому интересному документу членство в Ордене одного рыцаря автоматически делало рыцарями и весь его род. Мы не знаем, был ли сам Кретьен тамплиером и был ли он рыцарем вообще, но то, что люди, заказавшие ему повесть о Граале, не могли не быть тамплиерами — это неоспоримо. Они ими были! Нам известны имена некоторых заказчиков Кретьена: в 1159 году для юной Марии Шампанской он сочиняет один из романов, другой его заказчик — граф Фландрский Филипп, участник Крестового похода, третий — английский король Генрих Второй. Известно нам и как назывались некоторые его произведения: поэма «Эрек и Энида», стихотворный роман «Клиж», поэма «Ланселот, или Роман о телеге», роман «Ивэйн, или Рыцарь со львом», роман «Персиваль, или Повесть о Граале». Все они объединены рыцарской тематикой, во всех присутствует король Артур или же рыцари двора Артура, везде имеется выраженная любовная линия, связывающая поэзию Кретьена дс Труа с поэзией трубадуров, но только в «Персивале» Кретьен отправляет своего героя на поиски Грааля, которые так ничем и не завершаются, поскольку роман не был дописан.

Стоит, наверное, обратить внимание и на то, что Кретьен поразительно хорошо владеет географией Палестины и Британии, отлично разбирается в северной мифологии, использует термины теологии и философии, истории, литературы (переводил Овидия!), то есть он человек образованный и эрудированный. И — идеалист. Конечно, у Кретьена де Труа не

стоит искать «тайны Грааля» в том понимании, более позднем, которое принято сегодня. Скорее стоит говорить о тайной символике самого романа «Персиваль», поскольку за изящной оболочкой этого текста видна изощреннейшая игра ума. Все, кто впоследствии будут продолжать труд Кретьена или использовать его текст как основу для собственного творения, станут прибегать к этой символике. Но де Труа был первым, кто попытался переосмыслить миф и кто наложил на миф образ современной ему реальности. Поэтому имеет смысл отследить некоторые тайные символы (для нас — тайные, но довольно прозрачные для людей XII века), чтобы потом не задавать неправильных вопросов (как помните из «Персиваля», смысл имеет только правильно и вовремя заданный вопрос).

Увечный король

—

Итак, загадка, которая ставит современного человека в тупик: каким увечьем страдает король и что его должно исцелить. Нашего юного героя Персиваля этот вопрос сильно мучает, ибо именно в своем незаданном вовремя вопросе он видит причину продолжения страданий короля. Но почему это увечье связывается с незаданным вопросом? И какой характер носит само увечье? Ведь дева обвиняет нашего героя ни много ни мало, а в бедах, которые из-за тупости рыцаря должны обрушиться на королевские земли. Каким образом болезнь короля может быть связана с бедами королевства?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать кельтские сказания. Именно в них мы найдем ответ на мучительную загадку. Ибо по кельтским (друидическим) законам физическое уродство или тяжелая рана с потерей части тела лишала короля права занимать его высокий пост. Именно потерянная в бою рука, хотя удалось сделать ее серебряный аналог, делает Нуада бесправным, то есть после потери руки он не может управлять своими землями, поэтому требуется новый вождь — здоровый, так сказать телесно целый. Это древнее верование, идущее с самого дна нашей истории, когда считалось, что больной властелин делает увечной и свою страну. И есть немало преданий о том, как таковых вождей изгоняли, а на их место ставили здоровых. В этом плане незаданный вопрос Персиваля — это отказ от восстановления справедливости.

Как нам известно, рана нанесена копьем, которое является причиной несчастья (незаживающая рана). И в то же время это копье источает кровь, одна капля падает на руку героя, делая его соучастником преступления. Мы не видим рану, но мы видим кровь раны — алую на белом, что символизирует святость и чистоту вкупе с силой любви. Это именно те качества, которые должны сделать все как было: то есть исцелить рану, очистить то, что было осквернено. Несчастья, которым подвергнется земля короля из-за молчания Персиваля, — оно как раз и связана с осквернением. А суть этого осквернения отражена в легендах и именуется «увечьем» или «опустошенной землей».

По одной легенде, король нарушил данный ему гейс (это довольно странный Кельтский запрет, который налагается на человека, хотя тот может даже и не знать, что запрет наложен) и выполнил действия, которые не имел права выполнять. Из-за этого на всю его страну и на него самого было наведено колдовство (кара богов): три дня ни единый мужчина не сможет взять в руки оружия и отразить нападения врага, враг придет и опустошит земли, перебьет жителей, но мужчины будут лежать, испытывая страшные боли. Известный ирландский герой Кухулин как раз и отражает атаки противника в то время, как король и все мужчины королевства корчатся в муках. Но откуда и почему возникла у Кретьена мысль снабдить героя неисцелимой раной? Вот тут уже стоит обратиться не к мифу, а к истории и, если быть совсем точными, то к истории Крестовых походов. В 1098 году во время одного из случайных, не военных, происшествий в Святой земле тяжелейшую рану бедра получил будущий правитель Иерусалимского королевства Годфруа Булонский. На кого-то из воинов

напал медведь, и Годфруа схватился с опасным зверем. Медведя он убил, но рана была страшной, вероятно полностью он так от нее и не смог оправиться, потому что в 1100 году, уже будучи протектором Иерусалима, почувствовал себя очень плохо во время одного из походов и умер. Заметьте, что причиной раны был медведь, то есть «артур», «арта». Такая история связана с медведем, то есть с «артуром», в реальном мире. Персиваль стремился служить королю Артуру, но покинул его двор. Это игра ассоциаций, а Кретьен — мастер в таких играх. Важно и то, что «король получил свою рану в честном бою», то есть рана — не наказание за грех или трусость, это отметина героя, и нужен другой герой, который обладает достаточной силой сердца, то есть любовью. Если вспомним девиз тамплиеров, то он звучал так: «Да здравствует Бог Святая Любовь!» Неопытность не снимает вины, как незнание гейса не оправдывает нарушителя. Неопытность лечится только временем и страданиями, что, собственно говоря, и происходит с Персивалем. Но кто такой Персиваль!?

Персиваль

Мы знаем, кто он — мальчик, поверивший в идеалы рыцарей и соотносящий их с ангельским хором, только с мечами. На его белом щите алый крест. Не стоит думать, что этот щит с этим крестом автоматически делают его тамплиером. Рыцарем Христа его делает скорее отношение к миру, ибо в конце XII века, бесспорно, тамплиеры были лучшими воинами и считались «небесными рыцарями». Бернард Клервоский так писал об этом новом воинстве: «Рыцарь Христов, скажу я, может наносить удар с уверенностью и умирать с уверенностью еще большей, ибо, нанося удар, служит Христу, а погибая — служит себе. Он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое и в похвалу добрым. Если он убивает злочинца, то не становится человекоубийцей, а, если можно так выразиться, уничтожителем зла. Очевидно, что он — отмститель Христов злодеям и по праву считается защитником христиан. Если же самого его убьют, то знаем, что он не погиб, а вошел в тихую гавань. Когда причиняет он смерть, то это на пользу Христу, когда же смерть причиняют ему, то это ему самому во благо. Христианин прославляется во смерти язычника, ибо прославляется Христос; смерть же христианина — случай для Царя явить свою щедрость, наградив Своего рыцаря. В одном случае праведные возрадуются тому, что свершилась правда, в другом же скажет человек: «Истинно, есть награда для праведных; истинно, Бог — судия всей земли»». То есть, по сути, тамплиеры для Бернарда безгрешны. Хотя несут смерть, поскольку их рука — продолжение десницы Бога.

Наш неопытный герой тоже безгрешен, хотя совершает ошибки, но он их совершает с чистым сердцем, искренне, не желая принести зло. Ему просто кажется, что он поступает правильно, поскольку ему объяснили, что правильно, а что нет, только он ничего в этом не понял и запутался. Можно ли справедливость утвердить реками крови? Бернард считал, что если это делается с чистым сердцем, открытым голосу Бога, — то можно. Кретьен — что вряд ли. Персиваль же и вовсе ничего не считал; когда это дитя природы стало рассуждать, оно утратило покой и потеряло Бога, то есть любое чужое несчастье юноша стал воспринимать как результат собственных ошибок, на которые спровоцировал его именно Бог. Что лучше? Грешить, считая, что ты всегда чист и прав? Или считать, что все твои действия и помыслы ведут к греху? Очевидно, эта мысль после более чем полувека Крестовых походов была актуальной. Идеал оказался заляпанным кровавыми пятнами. Алый крест на белом щите кровоточил как стигматы. Выход, который Кретьен дал своему герою, — научиться прощать себе невольные ошибки, раскаяться в них и больше не испытывать чувства вины. Ибо без возвращения чистоты нельзя двигаться вперед. А вперед в данном случае — по пути к Граалю. Вообще-то с позиции Кретьена Персиваль не совсем герой, для его времени идеал рыцаря выглядел иначе. «Солнцем всего рыцарства, — пишет Мишель Пастуро, — считался Говен, племянник короля Артура, один из участников Круглого стола, обладавший всеми необходимыми для рыцаря качествами — искренностью, добротой и благородством сердца; набожностью и умеренностью; отвагой и физической

силой; презрением к усталости, страданию и смерти; сознанием собственного достоинства; гордостью за свою принадлежность к благородному роду; искренним служением сеньору, соблюдением обещанной верности; и, наконец, добродетелями, по-старофранцузски называемыми «largesse» («широта души») и «courtoisie» («куртуазность, изысканность, деликатность, утонченность»). В полной мере это все равно не может передать ни один термин современного языка. Понятие «largesse» включало в себя щедрость, великодушие и расточительность одновременно. Оно предполагало богатство. Противоположность этого качества — скупость и поиск выгоды, характерные черты торговцев и мещан, которых Кретьен неизменно представляет в смешном свете. В обществе, где большинство рыцарей жили весьма бедно и именно на те средства, что благоволили пожаловать их покровители, литература, естественно, восхваляла подарки, расходы, расточительность и проявление роскоши. Понятие «counoisie» еще труднее поддается определению. Оно включает все вышеперечисленные качества, но прибавляет к ним физическую красоту, изящество и желание нравиться; доброту и нестареющую душу, утонченность сердца и манер; чувство юмора, ум, изысканную вежливость, одним словом, некоторый снобизм. Кроме всего прочего, оно предполагает молодость, отсутствие привязанности к жизни, жажду сражений и удовольствии, приключений и праздности. Ему противоположны «низость, подлость, мужиковатость» (vilainic) — недостаток, присущий вилланам, мужланам, людям низкого происхождения и особенно дурно воспитанным. Поскольку для куртуазности одного благородного происхождения считалось недостаточно, то природные данные следовало облагораживать специальным воспитанием и совершенствовать себя повседневной практикой при дворе влиятельного сеньора. В этом отношении двор короля Артура представлялся образцовым. Именно там находились самые красивые дамы, самые доблестные рыцари, царили самые куртуазные манеры». Иными словами, Персиваль никак не соответствует идеалу своей эпохи, он — дитя к поиске.

Персиваль начинает свой рыцарский путь с поединка, облачаясь и одежды убитого. Это алые доспехи. Они символизируют ярость, нетерпение, юность, силу и любовь. Это как чувства, которые обуревают нашего героя (ярость, нетерпение, любовь), так и качества, возможности (сила, юность). Цвет очень важен для литературной конструкции Кретьена. Играя на соотношении цветов, он играет на ощущениях, даже — на наших, хотя язык цвета людьми нашего века давно утрачен. Расшифровывая цветовую гамму в росписях Осетии, Цагараев приходит к такому выводу: «Выступающий из-за горизонтали земли Черный дракон (змей) — олицетворение ее хтонических сил, ночной темноты, холода, смерти, но в то же время это — первородная энергия хаоса, из которой все и порождается, поэтому черный цвет— это еще и цвет земли, таинства ее оплодотворения — колдовского, магического, скрытого. Святой Георгий, Уастырджи, одет в красное — символ добра, воинской активности, теплоты солярного «верха». Герой — защитник мира от сил зла, поэтому и окрашен в цвет жертвенности. Святой воин может держать в руках только чистое, небесное оружие, поэтому его копье — синего цвета. Конь под ним — самое яркое пятно в рельефе. Это — Арфан, небесный конь белой масти, отражающей представление осетин об исключительной силе и благородстве, чистоте и доблести, счастье и мирной жизни». Английский исследователь В. Тернер обобщает значения цвета для всех архаичных индоевропейских культур: «Контраст белого и черного: благо и зло; здоровье — болезнь; свет — тьма и т. д. В абстракции от действительных ситуаций красное, по-видимому, имеет некоторые свойства, общие с черным и белым, но чаще в паре с белым. Белое позитивно, красное амбивалентно, черное негативно. Белое и красное связаны с половой символикой. Красное попадает в единую рубрику с белым — «жизнь», с черным — «смерть». Оранжевый, желтый, золотой — цвета солнца, а солнце символизирует жизнь. Цветовая символика у Кретьена соответствует и вполне современному восприятию. Золотой Грааль, источающий к тому же сияние, — самый богатый по цвету, торжественный, королевский. Алые капли крови на белом снегу вызывают у Персиваля мысли об идеальной девушке, то есть идеальной любви — невинность и юность. Рыжие кони с красными ушами или тем же

способом окрашенные собаки символизируют ад или мир по ту сторону жизни. Такой конь выполняет в кельтском эпосе функцию перевозчика в мир иной. Поскольку конь и в древности считался символом, связующим миры, и вождь племени или король мыслился только конным, то сложился погребальный ритуал, когда вместе с умершим вождем хоронили и его верного коня, защитника человека от сил мрака и врагов. Недаром в мифе о последнем сражении Кухулина конь до самого конца защищает своего умирающею хозяина и погибает, когда враги отсекают голову героя. Впрочем, такое единство человека и коня характерно не только для Британии и кельтских земель Франции.

Как писал Цагараев, исследуя обряды осетин, погребальный обряд (мужской) «начинался, когда специально убранного коня подводили к могиле и, вкладывая повод его уздечки в руки покойного хозяина, наставляли его словами: «Пусть это будет твой конь». Затем коня трижды слева направо обводили вокруг могилы, обрезая ему хвост и делая надрез на ухе (т. е. отмечая в его теле верхнюю и нижнюю зоны мира). При этом коню давали отведать над могилой ритуального пива, разбивая в дальнейшем чашку об его копыто, а осколки укладывая в могилу. Посвященный в таинство и почитаемый обществом старик — баехфаелдисаег (посвятитель коня) произносил длинную речь, в которой описывал трудную мистическую дорогу, предстоящую преодолеть душе умершего, вследствие чего коня просили помочь хозяину на его пути в обитель предков». Один из сопровождающих мертвого текстов был записан собирателями фольклора Б. Гатиевым и А. Шегреном в конце XIX века: «По указанию тайновидцев домашние покойника ищут коня на вершине четырехстопной, бурой, гладкой, недоступной не только людям, но и птицам горы, где пасутся три черных коня, из коих старший кусается зубами, младший бьет копытами, а средний весьма тих. Найдя их с помощью седых, мудрых, тайных обитателей этой горы, они выведут последнего и приведут к тебе, а ты, прежде чем успеешь моргнуть своим глазом, отправишь его на небо, где великий коновал Абубекр подкует серебряные ноги его стальными подковами, а шерстяной хвост заменит шелковым и гриву обдаст золотой водою так, чтобы она блистали, как грань алмаза. Оседлав чудного коня золотым седлом, ты быстро сядь на него и пускайся и путь. Лишь только вденешь ногу в стремя, мгновенно трижды будешь поднят на небо и опущен на землю. Такое чудное движение нужно для перерождения тебя из земного существа в небесное, светлое». Далее конь становится проводником души мужчины на тот свет: он подъезжает с взнуздавшей его душой к бурной реке, «через которую, (по мифу), было положено одно бревно вместо моста, и впереди моста стоял Амнион, который не пускал его через мост и стал расспрашивать покойного. Амниону все хорошо было известно, но требовалось узнать, правду ли будет говорить покойник или солжет; если скажет правду, следует отрекомендовать его Нартам и пустить туда. Если же солжет, то будет бить его по губам веником, намазанным кровью. Вот и спросил его Амнион, что он видел и делал хорошего на свете. Покойник рассказал, ничего не преувеличивая; и как Амнион увидел, что он говорит правду, то и позволил ему проехать через мост и дал ему записку и провожатого, чтобы отвели его в землю Нарт; а других, кто солжет, он отсылает в ад». «Амнион приказал отвести покойника к Нартам, туда они и поехали по средней дороге. Подъезжают и видят, что Нарты все сидят в кружке и только что увидели покойника, встали перед ним, а Барастиер (хозяин рая) вышел вперед и пригласил его занять в кружке первое место». Конь для того света выбирался золотисто-рыжим. Золотые и рыжие кони кельтов — это кони, перевозящие души героев, а рыжие кони с красными ушами — кони, несущие жертвенную душу, которую можно сравнить с душой, готовящейся принять второе рождение.

Хранитель Грааль
или хранители Грааля

Но если мы так хорошо понимаем все, что происходит с героями, вчитываемся в символику и начинаем намечать не только внешнюю канву рассказа, но и его эзотерический, то есть тайный, смысл, почему мы почти ничего не можем сказать о священных предметах, которые ненадолго появляются в романе и навсегда исчезают? Нас удовлетворяет объяснение отшельника? Нет. Оно рассчитано на юношу Персиваля, оно дается для того, чтобы помочь ему освободиться от тяжелой ноши — собственной неуспокоенной совести. Но копье? Но Грааль? Что они и зачем они нужны в романе? Ведь как мы ничего не поняли из текста об их предназначении в самом начале, ничего мы не понимаем и после объяснения, ибо нам истолковывают внешнюю, а не внутреннюю суть.

Является ли копье тем самым, что привез спустя несколько десятилетий из Святой Земли король Людовик Святой? И мог ли Кретьен знать, что таковое копье существует? Учитывая, что легенды постоянно циркулировали в средневековом мире, а уж легенды о святынях — несомненно, и один из патронов Кретьена был рыцарем, а другой — королем, то абсолютно точно, что знал. И смерть несчастного Петра Бартоломея за веру в копье не могла оставить его равнодушным, потому что сама история красивая, даже если бы была вымыслом (увы — не была). История копья обрастала сведениями с невероятной скоростью. Если сначала копье считалось принадлежащим сотнику Лонгину, который от своего греха (удара и подреберье Христа) ослеп, а затем, когда кровь попала ему в глаза — так же чудесно прозрел и потому обратился и чужую веру, то за короткое время земная жизнь копья удлинилась на несколько тысяч лет. Теперь получалось, что копье — куда более древняя реликвия и изначально было создано лично третьим первосвященником Израиля, магом и каббалистом Финессом, затем оно досталось по наследству Иисусу Навину, после него — царю Саулу (этот царь хотел убить копьем будущего царя Давида, от которого, как мы знаем, ведет свой род семья Иисуса Христа). Спустя века это копье оказалось у Ирода Великого, каким-то образом было замечено у римского центуриона Кассия, после чего от иудеев отправилось в земли Рима: принадлежало кесарям Диоклетиану и Константину, отошло северным варварам Одоакру и династии Меровеев, затем попало в руки Пипина Короткого и Карла Великого… Но что же тогда обнаружил в антиохийской церкви Петр Бартоломей?! И что за странные реликвии предлагались западной церкви Иерусалимским патриархом в 800 году, то есть за 300 лет до Первого крестового похода? Карл Великий, которому патриарх навязывал этот наконечник копья, от реликвии отказался. (Патриарх просил точно такого же военного участия, что и византийский царь Алексей Комнин в 1096 году.) Карл Великий к Крестовым походам готов не был. Копье остались у патриарха. Тогда тот послал к императору несколько монахов, и было это в 803 году, но, даже улицезрев копье, Карл от военной кампании отказался наотрез. Может быть, после провала патриаршей политики эта реликвия и была зарыта в Антиохии? Или таковых реликвий было на Святой Земле немало? Ведь доходило до смешного, когда оказывалось, по сличению артефактов, что у святой Бригитты было шесть голов, десять рук и множество прочих неидентифицированных частей тела!

Но, скорее всего, в романе Кретьена представлено именно это странное копье, совмещенное — конечно — с древним светозарным копьем бога Луга древних кельтов. В поздних версиях толкование святыни Грааль стало вмещать в себя и этот наконечник копья, который уже имел множество названий-синонимов: *Копье Власти, Копье Судьбы, Копье Лонгина,* даже *Копье Святого Маврикия,* который на каком-то этапе оказался промежуточным владельцем артефакта! Для Кретьена, конечно, копье — не Грааль.

Но что есть грааль? Сосуд, в котором лежит облатка или гостия, испускающий свет и творящий чудеса. Пишется с маленькой буквы, то есть не предполагает никакой эксклюзивности. Скорее всего, автор считал, что Граалей может быть несколько. Уж он-то явно отдавал себе отчет, изучив кельтские мифы, что производство волшебных чаш и котлов было поставлено древними на поток. Исключительность Грааля со всеми вытекающими последствиями появляется несколько позже. Вот тогда он и обретает свою заглавную букву.

Грааль Кретьена — святыня вполне самостоятельная, практически одушевленная, потому что она сама избирает себе хозяина, то есть хранителя. Причем, хранителем владельца грааля можно назвать только условно, потому что грааль сам является хранителем своего господина, что скорее заставляет вспомнить волшебные сказки Востока. Христианский элемент Грааля появляется у Кретьена только в рассказе отшельника, но он практически не разработан, да и не столь, вероятно, важен. Как Кретьен собирался продолжить рассказ? Почему он разделил поиски Чаши и Копья? Первую ищет Персиваль, второе — Говейн. Не было ли это указанием, что Персиваль откажется от мирской жизни ради Чаши? А Говейн отправится воевать в Святую Землю? Этого мы уже никогда не узнаем. Потомки решили, что Персиваль найдет Грааль, уже с большой буквы, и даже более того — Святой Грааль, обретет мудрость и станет его хранителем. И они придумали роману Кретьена де Труа столько возможных вариантов развития сюжета, сколько было авторов, спешивших за Граалем.

Продолжатели дела Кретьена

Буквально за несколько десятилетий, последовавших за смертью Кретьена де Труа, появилось несколько продолжений этой истории. Наверно, их было больше, чем дошло до наших дней, потому что образ легендарного Артура и поиски реликвий не могли не стать излюбленной темой для поэтов, живущих при дворах богатых синьоров. Все это «сумасшествие с Граалем» объясняется просто: тема оказалась востребованной, а книга Кретьена окончания не имела. И если поначалу интерес вызывала судьба юного Персиваля, то потом на сцене появились и рыцари из окружения короля Артура — они ведь достойные, и — по кельтским легендам — прославленные. Все они были замечены в совершении самых разнообразных подвигов. Помните те тринадцать святынь Британии? Все они были добыты силами этого ограниченного военного контингента.

Как крестоносцы, попадая на Восток, тут же начинали искать сокровища и святыни, буквально возами отправляя добычу в Европу, так и герои короля Артура добывают разного рода реликвии, но авторы продолжений романа из всех возможных реликвий, которые требовалось добыть, избрали копье и чашу, точнее, теперь-то уж — Святое копье и Святой Грааль.

В первом же продолжении повести к двум волшебным реликвиям добавляется и третья — чудесным меч. Но это не тот меч, который получил от хозяина замка Грааля Персиваль. Это меч, который получил рыцарь Говейн. Он вне всякой связи с юным Персивалем тоже находит замок Грааля и стремится раскрыть тайну копья, но ему приходится сначала решить одну загадку. Он должен сложить все части сломанного меча, чтобы тот снова обрел цельность. Сначала рыцарю это не удается: собранный из обломков меч имеет зазор по центру, то есть он уже не будет непобедимым. Во второй раз, когда предварительно Говейн видит вынос Грааля, странный между прочим, поскольку теперь несет его прекрасная юная дева, которая все время рыдает (у Кретьена ничего подобного не было), ему разом открываются тайны и он понимает, как вернуть мечу целостность. Интересен и сам меч, и участие в решении загадки созерцания Грааля. Тут мы впервые видим, что созерцание Грааля может дать откровение, то есть Грааль связан с неким Знанием, он магичен по своей природе. Что же касается поисков копья, то дело в том, что Говейн связан не столько с копьем, сколько с тайной пролитой крови невинных (он оклеветан в пролитии невинной крови). Между прочим, Грааль Говейна оказывается весьма странным Граалем, более близким по традиции и смыслу кельтским мифам — он кроме дара откровения обладает еще и даром насыщения жаждущих: в этом продолжении одна из функций Грааля — поставлять яства. В замке Грааля эта странная чаша, все больше похожая на волшебный котел легенд,

сама собой рождает любую пищу, которая тут же перемещается на блюда перед участниками трапезы. И если Кретьен устами отшельника объяснял, что Грааль не может дать ни щуки, ни лососины, то теперь — может, и в таком количестве, что стол буквально ломится от еды. Именно Говейн, а не Персиваль узнает и некую тайну: Грааль и копье связаны между собой древней христианской историей, они оба участвовали в «чудесах вокруг распятия»: копье (теперь безоговорочно) — то самое, что вошло в левое подреберье Христа, потому кровь на нем — кровь Христа, источающаяся вечно, то есть Святая кровь, а Грааль — сосуд, в который была эта кровь собрана. Так у нас сливаются два источника — апокрифические христианские и мифологические, кельтские.

В другом продолжении, которое обычно приписывается поэту де Вошье, Грааль обретает еще одну способность — он может появляться вне стен замка в виде пылающих огней. Именно так его снова видит заночевавший в лесу Персиваль — пять ярких огней, дающих столь нестерпимый свет, что лес озаряется, слоимо наступил день. Так что у Грааля теперь есть еще и эта особенность — внезапное появление, сопровождающееся невыносимым и благостным светом. Но вот что интересно, в этой версии Грааля впервые говорится о том, что Грааль могут видеть только избранные: человеку, который его видел, не сможет повредить и сам Сатана, ничто не введет его в искушение, то есть, грубо говоря, Грааль становится показателем духовного совершенства, он открывается только чистым сердцем. В этой занимательной истории приключения рыцаря Говейна снова отданы Персивалю: именно он оказывается в замке Короля-Рыбака после второго явления Света Грааля (то есть Грааль его допускает на эту встречу, посчитав достойным) и там ему приходится решать ту же самую задачу, что и рыцарь Говейн. Происходит это в таком порядке: сначала перед ним проносят лучезарный Грааль, затем кровоточащее копье, а после этого — Сломанный меч, обломки которого и требуется соединить. Персивалю это удается частично, то есть точно так же, как и Говейну — с прорехой в центре меча.

В следующем продолжении, всецело посвященном починке сломанного меча (этим занимается Персиваль), мы узнаем и предысторию свершившейся поломки. Меч, как нам объясняется, был сломан в тот момент, когда злой рыцарь нанес этим оружием предательскую рану брату Короля-Рыбака и этим его убил. Персивалю необходимо найти негодяя и совершить акт правосудия, чтобы части меча смогли соединиться без прорехи. Персиваль находит убийцу и убивает его на поединке, но до этого он почему-то оказывается втянутым и дурацкий поединок с братом Ланселота Озерного, и в момент, когда силы противников на исходе и они вот-вот умрут от тяжелых ран, он видит в небесах явление Граали, который несет ангел. Грааль дарует нм исцеление. У нас появляется еще одна специфическая черта Грааля — способность исцелять. А попутно становится понятно, что Грааль охраняет избранных и не дает им умереть по глупой случайности. По этой версии Персиваль (после смерти Короля-Рыбака) получил все три сокровища — Меч, Грааль и Копье — но ими не пользовался, а стал хранителем, он поселился в лесу, жил, думая о вечном, не отвлекаясь на мелочи мирской жизни. Грааль о нем заботился и кормил. А потом он умер и никто не знает, куда исчезли Грааль, Копье и Меч.

Явление святого Иосифа Роберу де Борону

Следом за этими продолжателями явился и безусловно талантливый автор, имя которого неотделимо от повестей о Граале — Робер де Борон. О его жизни нам известно не слишком много, но мы точно знаем, что родом он был из южной Франции (родился в деревеньке под названием Борон, недалеко от Монбеляра и Безансона, его сюзереном был родственник графов Шампанских и Бургундских Готье де Монбеляр, который участвовал в

Четвертом крестовом походе (то есть сражался с христианами Константинополя), а потом женился на дочери Иерусалимского короля и был регентом малолетнего Гуго де Лузиньяна на Кипре. Очевидно, благодаря столь знаменитому патрону, Робер де Борон имел доступ к таким источникам, которыми до него не владел никто. Все дело в том, что Кипр, безусловно, связан с кругом апокрифов, посвященных Иосифу Аримафейскому. И не удивительно, что Робера де Борона не столько интересуют приключении рыцарей вокруг Грааля, сколько история самого Грааля. Он написал рифмованный роман (который так и назвал: «Повесть о Граале», повторив название Кретьена де Труа), своего рода трилогию о Граале. В книге первой, названной им «Иосиф Аримафейский», рассказывалась история самого Иосифа как первого хранителя Грааля, во второй — «Мерлин» изложена история знаменитого мага и чародея, связанная с Граалем, а в третьей — «Персиваль» представлена история жизни и смерти короля Артура (и — само собой — поиски Грааля Персивалем). Все три произведения были изложены волшебным стихом, но от текста самого де Борона до нас дошла только первая часть и кусок из «Мерлина», а также более поздние списки, изложенные уже прозой. Робера де Борона интересовали не столько приключения вокруг Грааля, сколько приключения и суть самого Грааля. Можно не покривив душой сказать, что герой его повествования — Святой Грааль, который теперь уже однозначно — христианская святыни. Грааль у Робера де Борона приобретает совершенно определенный смысл: это чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа, именно поэтому она наделена чудесными свойствами — через нее проявляется в человеческом мире суть Бога.

Робер де Борон рассказывает нам ходившую, очевидно, на Кипре легенду о самом Иосифе: он занимал должность декуриона при Пилате, то есть был воином. Чаша, о которой ведется речь, была той самой чашей с Тайной вечери, в которой Иисус Христос преломил хлеб, и после ареста одни из учеников забрал эту чашу и передал Пилату. Однако римский прокуратор не захотел иметь при себе еврейской святыни и и свою очередь отдал ее Иосифу. Когда тело Христа сняли с креста, Иосиф собрал в нее его кровь (перед погребением тело Христа омыли). Вероятно, он собирался хранить эту чашу как память о казненном. Но случилось иначе. На третий день после погребения тело исчезло из гробницы, поэтому Иосифа заподозрили в перезахоронении останков и бросили в темницу. Конечно, в узилище Иосиф попал без памятной чаши.

Но Христос явился ему в сырой тюрьме и собственноручно вернул утраченную, казалось бы, реликвию, сообщив также, что Иосиф должен совершить литургию в память о Распятии. Указания, как это сделать, были следующими: требуется создать несколько алтарей для приготовления Святого причастия, которое с этого времени будет напоминанием каждому верующему о Кресте. При этом символика трактовалась таким образом: сама чаша должна напоминать людям о гробнице, в которую был положен Христос, крышка круглой формы (дискос) — о крышке, которой была закрыта каменная гробница, а покров (ткань, именуемая корпорал) — о пеленах, которыми было овито само тело. И все, кто увидит эту чашу (теперь уже Чашу Причастия), будут испытывать радость, их окружит благость, которая и защитит от несправедливости и страданий. Робер де Борон упоминает, что Иосифу были открыты великие тайны Грааля, но этих тайн не знает никто, потому что они были переданы Иосифу Христом из уст в уста. Во время заключении Грааль поддерживает Иосифу жизнь, а потом его выпускают из тюрьмы и он собирает вокруг себя верных учеников, чтобы исполнить указания, данные ему Христом. Одни ученики верят Иосифу, другие нет. Тогда Бог, чтобы испытать силу их веры, посылает на эту местность голод, а Иосифу снова дает указания, как он может проверить силу веры своих духовных чад. Для этого он должен поставить такой же стол, как во время Тайной Вечери, в центре стола поставить чашу, накрытую тканью, и позвать учеников сесть вокруг стола. Иосиф так и делает, но одни ученики за стол садятся, а другие толпятся вокруг стола. Те, которые сели, ощущают присутствие Грааля как благость и счастье, а те, которые остались стоять, ничего не чувствуют. Именно так они и отвечают на заданный об опущениях вопрос. Значит, объясняет им Иосиф, голод послан за грехи тех, кто лукав и неверен, и это все те, кто остался стоять.

Вместе с верными учениками Иосиф покидает Палестину и отправляется на Запад. После его смерти чаша переходит к Брому, шурину Иосифа, именно он и становится Королем-Рыбаком. А все люди, способные видеть Грааль и ощущать исходящую от него радость, становятся братством Грааля, то есть посвященными. Теперь события, в целом аналогичные тексту Кретьена, происходят вокруг этого замка. Но на сцене появляется новые герои — сам Мерлин и его писец Блез, которому поручено составить книгу Грааля. Мерлин и так уже был причастен к освобождению Британии от колдовских чар. Именно он теперь мастерски направляет события: например, отцу Персиваля дает указание отправиться ко двору короля Артура, чтобы создать там братство Круглого Стола. Причем, этот Круглый Стол генетически связан со столом Тайной Вечери и тем столом, который воздвиг для испытания веры Иосиф Аримафейский. Одно кресло за этим столом должно всегда быть пустым. Очевидно, это связано с тем, что пустующее кресло предназначено для самого Христа. По предсказанию Мерлина, Артур должен освободить Британию, но пока один из рыцарей Круглого Стола не прославится доблестью и не будет допущен в замок Грааля, а там не задаст вопрос, кому служит Грааль, и тем самым не исцелит Короля-Рыбака, этого не произойдет. Но что есть доблестный рыцарь? Рубака, уничтожающий все живое, или же человек, смиряющий жажду кровопролития? К этому мы еще вернемся, но пока удовлетворимся простой констатацией факта: этим избранным оказывается Персиваль, который слишком молод, чтобы быть самым доблестным, и не слишком мудр, чтобы быть избранным. Он проходит долгий путь, пока оказывается в состоянии задать нужный вопрос. В прозаическом переложении поэмы Персиваль после очередного посещения замка и совместной с королем трапезы, в ходе которой перед ним проносят копье и Грааль, в конце концов, взывает:

«Господин мой, заклинаю вас верой, которую вы питаете ко мне и всем прочим, поведайте мне о значении этих вещей, кои я видел».

И как только он задает этот вопрос, все чудесным образом изменяется: король оказывается излеченным, а Британия — освобожденной от чар! Персиваль становится хранителем Грааля, Артур начинает освободительные войны, но погибает и оказывается на Авалоне, а сам Мерлин, надиктовав свою повесть о Граале Блезу, навсегда покидает замок Грааля, отправляясь и свои владения, названные им французским словом *эсплумуар,* что в дословном переводе означает «сбрасывание перьев», а в плане эзотерическом — возрождение. На самом деле мы знаем, какой эсплумуар произошел с Мерлином — он стал Талиесином, величайшим поэтом и провидцем Британии.

Такова вкратце «Повесть о Граале», рассказанная Робером де Бороном. Но какие тексты стали ее основой?

О, тут нам придется углубиться в апокрифы, отвергнутые церковью!

Апокрифы Грааля

Эти тексты считались неправильными, а некоторые настолько неправильными и не соответствующими христианской догматике, что были выключены из Нового Завета; в конце концов там осталось всего четыре Евангелия — от Луки, от Матфея, от Марка и от Иоанна. О реальной жизни Христа в них нет ни слова правды, поскольку даже эти тексты многократно переписывались, прежде чем обрели ту форму, в которой стали абсолютно безопасными для семейного чтения. Однако апокрифы, хотя и были отвергнуты церковью, никуда не исчезли, они, так сказать, перешли в полуподпольное состояние. Что же было в них такого, что вызывало у клириков столь бурную реакцию? Чем эти евангелия казались им неправильными? Все дело в том, что Христос в них получался богом, в котором уж слишком много человеческого. Достаточно заглянуть в Евангелие детства (от Фомы), чтобы понять:

такого Иисуса мы точно не знаем и о таком Иисусе нам никто и никогда не рассказывал! Впрочем, убедитесь в этом сами, и если вы предполагали, что кроткий как агнец Иисус Христос мог быть таким, я склонюсь перед вами в низком поклоне:

«Когда мальчику Иисусу было пять лет, он играл у брода через ручей, и собрал в лужицы протекавшую воду, и сделал ее чистой и управлял ею одним своим словом. И размягчил глину, и вылепил двенадцать воробьев. И была суббота, когда Он сделал это. И было много детей, которые играли с Ним. Но когда некий иудей увидел, что Иисус делает, играя в субботу, он пошел тотчас к Его отцу Иосифу и сказал: Смотри, твой ребенок у брода, и он взял глину и сделал птиц, и осквернил день субботний. И когда Иосиф пришел на то место и увидел, то он вскричал: для чего делаешь в субботу то, что не должно?! Но Иисус ударил в ладоши и закричал воробьям: Летите! и воробьи взлетели, щебеча. И иудеи дивились, увидев это, и ушли, и рассказали старейшинам, что они видели, как Иисус свершил сказанное.

Но сын Анны Книжника стоял там рядом с Иосифом, и он взял лозу и разбрызгал ею воду, которую Иисус собрал. Когда увидел Иисус, что тот сделал, Он разгневался и сказал ему: Ты, негодный, безбожный глупец, какой вред причинили тебе лужицы и вода? Смотри, теперь ты высохнешь, как дерево, и не будет у тебя ни листьев, ни корней, ни плодов. И тотчас мальчик тот высох весь, а Иисус ушел и пошел в дом Иосифа. Но родители того мальчика, который высох, взяли его, оплакивая его юность, и принесли к Иосифу и стали упрекать того, что сын его совершает такое!

После этого Он (Иисус) снова шел через поселение, и мальчик подбежал и толкнул Его в плечо. Иисус рассердился и сказал ему: ты никуда не пойдешь дальше, и ребенок тотчас упал и умер. А те, кто видел произошедшее, говорили: кто породил такого ребенка, что каждое слово Его вершится и деяние. И родители умершего ребенка пришли к Иосифу и корили его, говоря: Раз у тебя такой сын, ты не можешь жить с нами или научи Его благословлять, а не проклинать, ибо дети наши гибнут.

И Иосиф познал мальчика и бранил Его, говоря, зачем Ты делаешь то, из-за чего люди страдают и возненавидят нас и будут преследовать нас? И Иисус сказал: Я знаю, ты говоришь не свои слова, но ради тебя Я буду молчать, но они должны понести наказание. И тотчас обвинявшие Его ослепли. А видевшие то были сильно непуганы и смущены и говорили о Нем: каждое слово, которое Он произносит, доброе или злое, есть деяние и становится чудом. И когда Иосиф увидел, что Иисус сделал, он встал, взял Его за ухо и потянул сильно. И мальчик рассердился и сказал: тебе достаточно искать и не найти, и ты поступаешь неразумно. Разве ты не знаешь, что Я принадлежу тебе? Не причиняй Мне боли.

И вот некий учитель по имени Закхей, стоя неподалеку, услышал, как Иисус сказал это своему отцу, и дичился очень, что, будучи ребенком, тот говорит так. И через несколько дней он пришел к Иосифу и сказал ему: у тебя умный сын, который разумеет. Так приведи мне Его, чтобы Он выучил буквы, а вместе с буквами я научу Его всему знанию, и как надо приветствовать старших и почитать их как отцов и дедов, и любить тех, кто Ему ровесники. И он показал Ему ясно все буквы от альфы до омеги и много задавал вопросов. А (Иисус) посмотрел на учителя Закхея и спросил его: Как ты, который не знаешь, что такое альфа, можешь учить других, что такое бета. Лицемер! Сначала, если ты знаешь, научи, что такое альфа, и тогда мы поверим тебе о бете. И Он начал спрашивать учителя о первой букве, и тот не смог ответить Ему! И тогда в присутствии многих слышавших ребенок сказал Закхею: слушай, учитель, об устройстве первой буквы и обрати внимание, какие она имеет линии и в середине черту, проходящую через пару линий, которые, как ты видишь, сходятся и расходятся, поднимаются, поворачиваются, три знака того же самого свойства, зависимые и поддерживающие друг друга, одного размера. Вот таковы линии альфы.

Когда учитель Закхей услышал, сколь много символов выражено в написании первой буквы, он пришел в замешательство таким ответом и тем, что мальчик обучен столь великому, и сказал тем, кто был при этом: Горе мне, я в недоумении, я, несчастный, я навлек позор на себя, приведя к себе этого ребенка. Посему возьми Его, я прошу тебя, брат Иосиф.

Я не могу вынести суровость Его вида, я совеем не могу понять Его речи. Этот ребенок не земным рождением рожден. Он может приручить и огонь. Может быть, Он рожден еще до сотворения мира. Я не знаю, какое чрево Его носило, какая грудь питала. Горе мне. Он поражает меня, я не могу постичь Его мысли. Я обманулся, трижды несчастный, я хотел получить ученика, я получил учителя. Я думаю о своем позоре, о друзья, что меня, старого человека, превзошел ребенок. Мне остается только отчаиваться и умереть из-за этого ребенка, ибо я не мену смотреть Ему и лицо. И когда все будут говорить, как маленький ребенок превзошел меня, что я скажу? И что могу я сказать о линиях первой буквы, о чем Он говорит мне?! Я не знаю, о друзья, ибо не ведаю ни начала, ни конца. Посему я прошу тебя, брат Иосиф, забери Его себе домой. Он, может быть, кто-то великий. Бог или ангел, или кто-то, кого не ведаю.

Когда иудеи утешали Закхея, дитя рассмеялось громко и сказало: Теперь пусть то, что ваше, приносит плоды, и пусть слепые в сердце своем узрят. Я пришел сверху, чтобы проклясть их и призвать их к высшему, как повелел пославший Меня ради вас. И когда ребенок кончил говорить, тотчас, кто пострадал от его слов, излечились. И после того никто не осмеливался перечить ему, чтобы не быть проклятым и не получить увечье.

Через несколько дней Иисус играл на крыше дома, и один из детей, игравших с ним, упал сверху и умер. И когда другие дети увидели это, они убежали, и Иисус остался один. А родители того, кто умер, пришли и стали обвинять Его (Иисуса), что Он сбросил мальчика вниз. И Иисус ответил: Я не сбрасывал его. Но они продолжали поносить Его. Тогда Иисус спустился с крыши, встал рядом с челом мальчика и закричал громким голосом — Зенон — ибо таково было его имя, — восстань и скажи, сбрасывал ли Я тебя? И тотчас он встал и сказал: нет, Господь, Ты не сбрасывал меня, но поднял. И когда они увидели, они были потрясены. И родители ребенка прославили случившееся чудо и поклонились Иисусу.

Через несколько дней юноша колол дрова по соседству, и топор упал и рассек ему стопу, и столько вытекло крови, что он совсем умирал. И когда раздались крики и собрался народ, Иисус также прибежал туда, и пробрался сквозь толпу, и коснулся раненой ноги, и тотчас исцелил ее. И Он сказал юноше: встань теперь, продолжай рубить и помни обо Мне. И когда толпа увидела, что произошло, они поклонились Иисусу, говоря: истинно, Дух божий обитает в этом ребенке.

Когда Ему было шесть лет от роду, Его мать дала ему кувшин и послала Его за водой. Но в толпе Он споткнулся, и кувшин разбился. И Иисус развернул одежду, которая была на нем, наполнил ее водой и принес матери. И когда мать увидела, она поцеловала Его и сохранила в сердце своем чудо, которое, как она видела, Он совершил.

И вот во время сева мальчик вместе с отцом пошел сеять пшеницу в их поле И пока Его отец сеял, Иисус тоже посеял одно пшеничное зерно. И когда Он сжал и обмолотил его. оно принесло сто мер, и Он созвал всех бедняков поселения на гумно и роздал им пшеницу, а Иосиф взял остаток зерна. Было Ему восемь лет от роду, когда Он совершил это чудо.

Его отец был плотник и делал в это время орала и ярма. И богатый человек велел ему сделать для него ложе. Но когда одна перекладина оказалась короче другой и Иосиф не мог ничего сделать, мальчик Иисус сказал своему отцу Иосифу: Положи рядом два куска дерева и выровни их от середины до одного конца. И когда Иосиф сделал то, что ребенок сказал ему, Иисус встал у другого конца и взял короткую перекладину, и вытянул ее, и сделал равной другой. И Его отец Иосиф видел это и дивился, и он обнял и поцеловал ребенка, говоря: счастлив я, что такого Сына дал мне Бог.

И когда увидел Иосиф, сколь разумен мальчик и что Он растет и скоро достигнет зрелости, он снова решил, что Иисус должен научиться грамоте.

И он взял Его и привел к другому учителю. И учитель сказал Иосифу: сначала я научу Его греческим буквам, потом еврейским. Ибо он знал о разумении мальчика и боялся Его. Все же учитель написал алфавит и долго спрашивал о нем. Но Он не давал ответа. И Иисус сказал учителю: если ты истинный учитель и хорошо знаешь буквы, скажи Мне, что такое альфа, и Я скажу тебе, что такое бета. И учитель рассердился и ударил Его по голове.

И мальчик почувствовал боль и проклял его, и тот бездыханный упал на землю. А мальчик вернулся в дом Иосифа. И Иосиф был огорчен и сказал Его матери: не пускай Его за дверь, ибо каждый, кто вызывает Его гнев, умирает.

И по прошествии некоторого времени другой учитель, друг Иосифа, сказал ему: приведи ребенка ко мне в школу. Может быть, я сумею убедить Его выучить буквы. И Иосиф сказал ему: если ты решишься, брат, возьми Его с собой. И тот взял Его со страхом и беспокойством, но ребенок пошел охотно. И Он спокойно вошел в дом, где была школа, и нашел книгу, которая лежала на подставке, и взял ее, но не стал читать буквы в ней. И раскрыл уста, и стал говорить от святого Духа, и учил тех, кто стоял вокруг. И большая толпа стояла вокруг, дивясь благодати Его поучения и мудрости Его слов, какие, будучи ребенком, Он изрекал. А когда Иосиф услышал о происходящем, он в испуге побежал к школе, боясь, что и этот учитель не может справиться с Иисусом. Но учитель сказал Иосифу: знай, брат, я взял этого ребенка как ученика, но Он полон великой благодатью и мудростью, и теперь я прошу тебя, брат, возьми Его в свой дом. И когда мальчик услышал эти слова, он тотчас засмеялся громко и сказал: раз ты говорил и свидетельствовал истинно, ради тебя тот, кто был поражен, исцелится. И тотчас другой учитель был исцелен.

И Иосиф взял ребенка и отвел Его домой.

Случилось так, что Иосиф послал своего сына Иакова принести связку дров. И Иисус пошел вместе с ним. И когда Иаков собирал хворост, змея укусила его в руку. И когда он упал навзничь и был близок к смерти, Иисус подошел к нему и дыхание Его коснулось укуса, тотчас боль прошла, а тварь лопнула, и Иаков сразу же стал здоров и невредим.

После этого по соседству от Иосифа умер больной ребенок, и мать его горько рыдала. И Иисус услышал плач великий и смятение и прибежал быстро, и, увидев мертвое дитя, Он коснулся груди его и сказал: Я говорю тебе: не умирай, но живи и будь с твоей матерью. И тотчас дитя открыло глаза и засмеялось. И он сказал женщине: возьми и дай ему молока и помни обо Мне. И когда стоящие вокруг увидели происходящее, они говорили: Истинно это дитя или Бог, или ангел Божий, ибо каждое Его слово становится деянием. И Иисус ушел оттуда к стал играть с другими детьми.

Спустя некоторое время строился дом, и произошел обвал, и Иисус встал и пошел туда и увидел человека, лежащего замертво, и взял его руку и сказал: Говорю тебе, человек, встань и делай свое дело. И тотчас человек встал и поклонился Ему. И люди были поражены и говорили: этот ребенок (пришел) с небес, ибо Он спас много душ от смерти и будет спасать их всю свою жизнь».

Любопытный текст? Дитя-убийца, не знающее своей силы? И это наш кроткий агнец? Но не столь же странно ведет себя в начале пути и Персиваль? Только птиц, которых он по наивности застрелил, его дыхание оживить не может. А теперь только представьте, что вам с амвона возвещают о таком Иисусе! Попутно выясняется, что у Иисуса есть братья, а это уж совсем нехорошо. Какие братья могут быть у Бога?

Особенную неприязнь вызывали у церкви именно эти так называемые «родственники Христа» и «любимая ученица Магдалина», а Иуда так и вовсе представал в совершенно ином свете, не проклятым предателем со знаменитыми тридцатью серебрениками, а почти святым героем-мучеником. Кроме всего прочего эти евангелия в ином свете показывали и личность Павла, и вот это было уж совсем нехорошо, поскольку на учении Павла возводилось все здание Римской церкви!

Ну что могла ответить церковь, в которой имя Марии Магдалины тщательно вымарывалось из всех книг, на этот бесхитростный рассказ Евангелия от Марии Магдалины (естественно, апокрпфического): «Тогда явился Христос и сказал им: «Тот, кто считает себя безгрешным, пусть первым бросит в нее камень!». Так сделал сын Человеческий, что толпа разошлась. Потом он приблизился ко мне и стал на колени. О Сион, я вся горела от страха и стыда. В душе моей совершилось великое, я пала на землю и сильно рыдала. Он гладил меня по волосам и говорил: «Сестра, зорька небесная, найди силы меня выслушать. Много зла на этой земле, много лжи сказано лукавым. Забудь, что ты грешница, сестра, и скажи мне:

живет ли твое сердце, когда ты любишь?» — «Живет, Господи! Когда я не люблю, оно мертво!» — «Люби тогда, сестра небесная. люби со всей силой, и не греши в другой раз, думая, что ты грешна». Так, братья, я впервые встретила Живого Бога на земле… Плакала. О как плакала я, братья, когда распяли Господа Живого… Но Он доныне мне является и является одному из любимых своих учеников. Трое часто мы беседуем, он часто водит нас в тысячи областей на небе. Много, много Земель и Солнц показал Он нам, многие народы видели мы, чудные и пречудные, но нигде не видели одежд, домов и колесниц. Нигде, нигде не слышали мы, чтобы кто-либо называл кого-то — «Мой». Я, блудница, на земле, которую хотели побить камнями, была единственной женщиной из этого мира, когда-либо впущенной в Царствие Божие. Сам Господь, показывающий нам все эти неизреченные чудеса, часто смотрел на меня и с любовью говорил: — Вот видишь ли этих ангелов, Магдалина? Много между ними тех, которым надо родиться на Земле, потому что они не хотят знать, что такое Любовь». И ни один из них не вернется в царство Отца Моего, пока не станет тут рабом или Блудницей». «Ибо истинно, истинно говорю вам: Никто не спасет души своей, пока не пожертвует ее»?

Если Робер де Борон упоминает Иосифа Аримафейского и даже делает его (!) едва ли не главным героем повествования, то он явно знал хотя бы Евангелие от Никодима, в котором роль Иосифа обозначена таким образом: «И вот некий муж по имени Иосиф, который тайно шел от Аримафеи, города Иудейского, взыскуя Царства Божьего, не стерпев поношения и клеветы иудейской, обратился к Пилату и попросил тело Иисусово, и снял с креста, и обвил Его платом чистым, и положил Его в гробницу новую, в которой никто (еще) не был положен. Иудеи же, услышав, что Иосиф тело (Иисуса) испросил и похоронил, искали его и двенадцать мужей, которые сказали, что не рожден от любодеяния, и Никодима (искали), и многих других, которые стояли перед Пилатом и раскрывали тайны добрых дел (Иисуса). Из всех же, кто сокрылся из страха перед иудеями, явился к ним один Никодим, пришел к ним и сказал: «Зачем вошли вы снова в место собрания?» И отвечали ему: «А ты как вошел в место собрания? Ты же был заодно с Христом — так пусть Его участь будет с тобою и в будущем веке». Отвечал Никодим: «Аминь, аминь!» Потом явился к ним Иосиф и сказал им: «Почему недовольны вы, что я просил у Пилата тело Иисусово? Смотрите: я положил Его в новой гробнице и обвил Его платом чистым, и привалил камень у двери гробницы. Вы же зло сделали праведнику и не раскаялись, распяв Его, и копьем пронзили Его». Услышав это, иудеи взяли Иосифа и приказали охранять его, пока не минет суббота, так как суббота была (тогда). И сказали ему: «Знай — обычай не позволяет ничего сделать с тобой, пока не настанет рассвет. Мы знаем, что погребения ты не удостоишься, разве что дадим плоть твою птицам небесным и зверям земным». (Иосиф же отвечал): «Эти слова подошли бы Голиафу гордому, который хулил Бога Живого и святого Давида. Ведь знаете, что Бог сказал устами пророка: «Мне отмщение, Я воздам». И с открытым сердцем омыл руки свои перед солнцем тот, кто сказал, и ныне Пилат, не обрезанный плотью, но обрезанный сердцем, омыл руки свои перед солнцем, сказав: «Чистя от крови этого человека, вы видите». И вы в ответ (ему) сказали: «Кровь Его на нас и на отроках наших». И ныне боюсь, что постигнет нас гнев Господень или участь наша: вы так сказали и погибнете навек». Иудеи же, услышав эти слова, разгневались сильно в уме (своем) и, схватив Иосифа, заключили его в темницу, где не было (даже) оконца. И заперли на засов двери темницы, и стражей поставили Липа и Каиафа. И совет держали священники и левиты, чтобы собраться всем после дня субботнего и решить, какой смерти предать Иосифа. Когда же собрались все вместе, приказали Лина и Каиафа привести Иосифа. Они же, видя, что затворы целы, открыли запертые двери и не нашли Иосифа. Увидев это, устрашились, ибо нашли темницу затворенной, Иосифа же не нашли. И ушли Анна и Каиафа. И все дивились этому.

И тут вошел в собрание некий воин, из тех, что охраняли гробницу Иисуса, и сказал: «Когда мы стерегли гробницу, содрогнулась земля, и мы увидели, что ангел Божий отвалил камень могильный и сидел на нем, и вид его был как молния, и ризы его как снег, и от страха перед ним мы были как мертвые. Мы слышали, как ангел говорил женщинам, которые

пришли к гробнице Иисуса: «Не боитесь! Я знаю, что ищете Иисуса, который был на кресте распят, — Он воскрес, как и было прежде сказано. Войдите и узрите место, где (Он) был положен, и отправляйтесь, не медля, возвестите ученикам Его, что воскрес из мертвых и ожидает вас в Галилее. Там Его увидите, как (Он) сказал вам». И созвали иудеи всех воинов, что охраняли гробницу Иисуса, и сказали: «Кто эти женщины, с которыми говорил ангел? Почему вы не схватили их?» Воины, отвечая, сказали: «Не знаем мы этих женщин, (да) и мы как мертвые сделались от страха перед ангелом — как могли мы схватить этих женщин?» Иудеи же сказали: «Жив Господь (Бог), и мы не верим вам!»

И отвечали иудеям воины: «Вы видели и слышали Иисуса, творившего столь великие чудеса, и в них не верили — так поверите нам? Хорошо сказали, что жив Господь! Воистину жив Господь, которого вы на кресте распяли. И мы слышали, что Иосифа, который предал земле тело Иисусово, вы заточили в темнице и двери засовами запечатали, и открыв, не нашли (его), хотя целы были засовы. Дайте Иосифа, которого вы заточили в темницу, а мы дадим Иисуса, которого охраняли в гробнице». И отвечали иудеи: «Иосифа мы дадим, дайте вы Иисуса; Иосиф — в городе своем, в Аримафее». И отвечали воины: «Если Иосиф в Аримафее, то Иисус — в Галилее, как слышали мы от ангела, говорившего женщинам, которые пришли к гробнице Иисусовой». Услышав это, иудеи убоялись и сказали себе: «Когда услышаны будут эти слова, все уверуют в Иисуса». И собрав серебра много, дали воинам со словами: «Скажите так: когда мы спали, ночью пришли ученики Иисуса и украли (тело) Его. Если же об этом услышат у Пилата игемона, мы вас оправдаем и печали вам не причиним». Воины же, приняв мзду, сказали так, как научили их евреи, и слова их распространились среди всех».

Далее в Евангелии идет речь о том, что просочились слухи, будто Иисус воскрес и ходит по Галилее, и пришлось первосвященникам отправить людей в горы, чтобы найти там Иисуса и попросить прощения, а затем привести в Иерусалим. — И понравился всем людям совет Никодима, и послали мужа, и, поискав, не нашли Иисуса, возвратились назад и сказали: «Когда ходили мы вокруг, не обрели Иисуса, обрели только Иосифа в его городе Аримафее». Услышав об этом, старейшины и все люди возвеселились и прославили Бога Израиля, ибо нашли Иосифа, которого заключили в темницу и, придя, не обрели его. И созвав большое собрание, сказали первосвященникам: «Каким образом можем привести к нам Иосифа и говорить с ним?» И взяв лист папируса, написали Иосифу: «Мир тебе и тем, кто с тобой — всем мир! Мы знаем, что согрешили против Бога и против тебя. Потому благоволи прийти к отцам твоим, и подивимся все выходу твоему из темницы. Знаем, что злой замысел имели против тебя. Господь же принял тебя и избавил от злого замысла нашего. Мир тебе, Иосиф, почитаемый всем народом». И избрали семерых мужей — друзей Иосифа — и сказали им: «Когда придете к Иосифу, с миром целуйте его, вручая письмо».

Пришли мужи к Иосифу, целовали его и с миром вручили ему послание. Тогда честной Иосиф, прочитав, сказал: «Благословен Господь, избавивший меня от зла, чтобы не пролилась кровь моя! Благословен Господь, покрывший меня крыльями Своими». И поцеловав мужей, принял их Иосиф в доме своем. А на другой день, воссев на осла своего, пошел с ними и пришел в Иерусалим. И услышав (об этом), все евреи вышли навстречу, взывая: «Мир вступлению твоему, отче Иосиф!» Иосиф же отвечал: «Мир всему народу!»

И целовали Иосифа все, и принял его Никодим в дом свой, устроив прием великий.

А на другой день, в пятницу, Анна и Каиафа и Никодим сказали Иосифу: «Дай признание Богу Израиля, поведай нам все, о чем будешь спрошен. Ибо пребываем в печали оттого, что погреб ты тело Иисусово, и, заточив в темницу, не обрели тебя и сильно дивились тому до тех пор, пока не приняли тебя. Перед Богом поведай нам все, что случилось с тобой!» И отвечал Иосиф: «Когда заточили меня, в пятницу вечером стоял я на молитве в канун субботы, и разверзлась темница *с* четырех углов, и увидел я Иисуса, будто молнии свет, и от страха пал на землю. И взяв меня за руку, поднял Он меня от земли, и влага водная оросила меня.

И утерев лицо мое, лобызал Он меня и сказал: «Не бойся! Посмотри на Меня и узри,

кто Я!» И посмотрел я и сказал: «Учитель Илия». И сказал Он мне: «Я не Илия, но Я — Иисус, чье тело положил ты в гробнице». И сказал я Ему: «Покажи мне гробницу, где положил я Тебя». И взяв меня за руку, привел на место, где положил я Его, и показал мне плат, которым обвил я Его голову: тогда постиг я, что это Иисус, и молился Ему, и сказал: «Благословен грядущим во имя Господне!» И держа меня за руку, привел меня и Аримафею, и дом мой, и сказал мне: «Мир тебе! Пока не минет сорок дней, не уходи из хором своих. Я же иду к Моим ученикам».

Услышав все это, изумились первосвященники и другие законники и левиты, и были как мертвые, пали на лица свои на землю и восклицали между собой: «Что значит это знамение, сотворенное в Иерусалиме? (Ведь) знаем отца и Матерь Иисуса».

И некий левит сказал: «Я знаю, что отец Его и Матерь Его почитали Бога, всегда творили молитву во храме, жертву и всесожжение принося Богу Израиля. И когда принял (Его во храме) великий законник Симеон, взял Его на руки и сказа! Ему: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал перед очами всех людей: свет в откровение народам и во славу людей Твоих в Израиле». Благословил он также и Марию, Матерь Иисуса, и сказал Ей: «Говорю Тебе об Отроке этом: Он поставлен на гибель и воскресение многим, а знамение пререканиям; и Тебе Самой пронзит душу меч. Тогда откроются многих сердец помышления». Тогда все евреи сказали: «Пошлем за теми тремя мужами, которые говорят, что видели Его с учениками Своими на горе Масличной».

Когда же сделали это, (они) пришли и были спрошены, и отвечали единогласно: «Жив Господь Бог Израиля! Мы видели Иисуса с учениками Своими и ясно (видели, как Он) вознесся на небо». Тогда Анна и Каиафа разлучили их друг от друга и спрашивали по одному, и (они) единодушно сказали, что ясно видели Иисуса возносящимся ввысь, на небо. Тогда сказали Анна и Каиафа: «Закон наш таков: в устах двух или трех свидетелей всякое слово верно. Ведь говорим мы, что Енох блаженный был возлюблен Богом и взят (на небо) Словом Божьим, и тело блаженного Моисея не нашли, (и) смерть Илии пророка не была явлена. Иисус был предан Пилату, был бит и оплеван, тернием венчан и пронзен копьем, и на древе распят, и мертв был, и тело Его честной отец Иосиф положил в гробнице новой. И говорит, что видели Его с живыми, и эти три мужа повествуют, что ясно видели Его с учениками Своими на горе Масличной и возносящимся на небо (видели Его)!»

Встал Иосиф и сказал Анне и Каиафе: «Воистину достойно удивления то, что вы услышали — как видели Иисуса живым, восставшим из мертвых и возносящимся на небо. Но еще более удивительно, что и других воскресил Он из гроба, и в Иерусалиме их многие видели. И сейчас послушайте меня! Ведь все мы знаем великого законника, блаженного Симеона, который принял Отрока Иисуса своими руками. У этого Симеона было два сына, которые умерли, и все мы были при кончине их и погребении. Придите и посмотрите: гробницы их раскрыты, ибо они воскресли. И сейчас живут они вместе в городе Аримафее, (пребывая) в молитвах. Живы они, и идет молва, что ни с кем они не говорят, но только молчат, как мертвые. Придем же к ним со всем почтением, смирением и кротостью, и приведем их к нам, и заклянем их (Богом) рассказать нам о воскресении, не сокрыв никаких тайн».

Услышав это, все возвеселились; и пошли Анна и Каиафа, Никодим и Иосиф, и Гамалиил, и не нашли их погребенными, но, придя в город Аримафею, там обрели их, преклонивших колени и молитве. И облобызав их со всем благоговением и почтением, привели в Иерусалим в собрание. И когда затворили двери, взяли (свиток) закона Господня и вложили им в руки, сказав: «Заклинаем вас Богом Адонаем, Богом Израиля, Который свидетельствует через закон и пророков. Который говорил с отцами нашими: если веруете, что есть Тот, Кто вас из мертвых воскресил, — поведайте нам, как воскресли из мертвых?»

Услышав эту клятву, затрепетали телом Харин и Лентий, пришли в смятение и воздохнули сердцем; подняв глаза к небу, сотворили (крестное) знамение Христово на уста свои и как бы тайно говорили, и сказали: «Дайте каждому из нас листы папируса, и напишем

о том, что видели и слышали».

И потом встали они, когда написали все на разные листы папирусные. Харин листы папирусные, на которых писал, отдал в руки Анне, Каиафе и Гамалиилу; также и Лентий листы папирусные, на которых писал, отдал в руки Никодиму и Иосифу. И тотчас преобразились (Харин и Лентий), стали совсем белые, и потом не стало их видно. Письмена же их оказались одинаковы, ни в чем не различны, ни в единой букве.

Услышав все то дивное, что сказали Харин и Лентий, говорили между собою все в собрании иудейском: «Воистину все это от Господа! Благословен Господь во веки веков. Аминь». И разошлись все из собрания с великой скорбью, с боязнью и страхом, бия себя в грудь, и пошел каждый в область свою. И обо всем, что было поведано и содеяно в собраниях иудейских, как рассказали игемону Иосиф и Никодим, обо всем, что содеял и поведал Иисус иудеям, — все слова (эти) записал в свитках сам Пилат».

Если в этой версии рассказ касается больше посмертных откровений, то в Евангелии от Матфея искреннего даже сама смерть Иисуса описана некоторым образом иначе, чем мы привыкли:

«И пришедши на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и отведав не хотел пить. Распнув же Его, делили одежды Его, бросая жребий; и сидя, стерегли Его там; и поставили над головою Его надпись, означавшую вину Его; Сей есть Иисус, Сын Божий. Тогда были распяты с Ним, два разбойника; один по правую сторону, а другой по левую. Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: спаси Себя Самого. Если ты Сын Божий, сойди с креста.

Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехались.

Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его. Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Я только Рука, Двери отверзающая; да грядут те, кто за Мной! а в них, да воскресну!

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: зовет кого?

И тотчас подбежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить. А другие говорили: постой; посмотрим, придет ли кто, спасти Его.

Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, говорили: воистину Он был Сын Божий. Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Завдеевых.

Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который тоже учился у Иисуса; он пришел к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело.

И взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в своем новом гробе, который высек он в скале. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пошли одиннадцать учеников Его посмотреть гроб.

Когда же шли они, Иисус встретил их и сказал: дух бодр, плоть же немощна; не ходите к гробу, там один лишь прах. Радуйтесь! на Нашу долю выпало раздувание Искр в человеках. Итак, идите, научите все народы, пробуждая То что дремлет. Я с вами во все дни до скончания века».

Впрочем, в этом Евангелии и о начале Пути Иисуса сказано нечто для церкви неприемлемое: «Оп пришел, дабы свидетельствовать о свете, но не для славы в тех, кто уверовал в него. Оп не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о свете. Он был Тем, чье слово стало плотью. Плотью нетленной, смерти не знающей. Были те кто, обуяв себя и тех, кто подле них сомнением, говорили: Не верим, что Сей от духа святого, ибо нашими страданиями страдает и нашими радостями радуется.

Только сказано в писаниях: Свят не тот, кто, отрешив себя от мира, без греха живет, но тот кто, среди человеков себя блюдет и другим назидание совершает.

По сему и было, что пришел Он и Себя соблюсти, и Назидание совершить.

От младенчества Он имел в себе Силу и Жажду. Силу Духа, и Жажду хотения Духа.

Знание есть меч обоюдоострый, коим и врага можешь поразить и себя без пальцев рук оставить, возлюбил повторять Он бывшим с Ним. Сам же множил свою мудрость. Да не только книгами иудейскими, но и много египетскими, римскими и шумерскими. Так отвечал Он изумлению отца и матери своей: Грядет мне послужить, а до срока не могу иметь ни сна, ни покоя в обретениях мудрости».

В некоторых текстах, например в Послании Климента Александрийского Феодору, указывалось, что учение Христа и само христианство в том римском виде, в котором оно преподносилось, то есть в переложении Павла и его последователей, вовсе не есть правда: «Теперь, что касается их постоянных рассуждении о боговдохновенном евангелии от Марка, то частью это полная ложь, а если и есть элементы истины, то их неверно передают. Истина, смешанная с ложью, становится фальшивой, как говорят, даже соль становится безвкусной.

А что касается Марка, то он во время пребывания Петра в Риме записал все деяния Господни. Но, в действительности, он не возвестил всех деяний, и не намекнул на тайные, но выбрал те, которые он счел самыми полезными для роста катехуменов в вере. А когда Петр мученически умер, Марк пошел в Александрию, взяв с собой записи, свои и Петра. Из этих записей он перенес в свою первоначальную книгу те части, которые способствовали росту познания. Таким образом, он составил более духовное евангелие для продвинувшихся к совершенству. Но он не разгласил того, что не должно произноситься всуе, и не записал иерофанического учения Господа, а только добавил к записанным ранее деяниям другие. Также он присоединил некоторые изречения, толкование которых, он знал, возведет слушателей в святилище истины, за семь завес. Вот так, в итоге, он подготовил все без зависти, как я полагаю, и спешки и после смерти оставил свой труд церкви в Александрин, где он сейчас весьма надежно хранится, доступный для чтения только тем, кого посвящают в великие таинства».

Из этого следует совершенно наивный вопрос: а что — были таинства? И первоначальное учение отличается от массовой христианской пропаганды? Если тексту верить (а нам нет смысла ему не верить) — были. Учение для народа — оно было все, как на ладони. Но, оказывается, за этим фасадом жило другое учение, не рассчитанное на профанов (то есть людей несведущих). И чтобы узнать истинное учение… требовалась инициация.

Эта христианская линия Грааля может вызывать некоторые размышления и сомнения, причем Робер де Борон их просто усилил, а начало положил Кретьен.

Во всяком случае, Кретьен показал нам рыцаря Грааля, который отрекся от своего Бога, то есть иным образом истолковать пятилетнее скитание Персиваля, позабывшего о том, для чего существует церковь, попросту невозможно. Однако Персиваль все пять лет даже не вспоминает, зачем это сооружение построено, а когда ему напоминают о назначении постройки и необходимости веры, спешит отнюдь не в ближайшую церковь, а к отшельнику, весьма странному человеку, использующему в молитве «страшные имена бога». Что это? Случайная оговорка? Но Кретьен ничего не делал случайно. И уж «случайно» он не стал бы делать из главного героя вероотступника, пусть и с помраченным достославными поисками сознанием, и уж тем более не стал бы давать ему в учителя святого отшельника, молящегося (и учившего молиться!) недолжным образом. Так что это могла быть за молитва, чьи имена в ней звучали? Любопытно, но до наших дней сохранился покалеченный временем текст, в котором есть такие слова: «Но все племена и все народы будут говорить истину, которую получат от тебя лично, О Мелхиседек, Святой, Верховный священник, совершенная надежда и дары жизни. Я Гамалиел, кто послан к тебе… собрание детей Сифа, коих тысячи тысяч, мириады мириадов, эоны… сущность эонов, аба… аниа, абаба. О божественная… природа…. О мать эонов. Барбело! О первенец эонов, великолепный Доксомедон Дом…! О славный Иисус Христос! О главные господа светил, вы, силы Армозель, Оруаэль, Давид, Элелей, и ты, человек-света, бессмертный эон Пигера-Адамас, и ты, хороший бог благодетельных миров, Мирохирофет, через Иисуса Христа, Сына Бога! Это — тот, кого я

провозглашаю, ибо посетил Тот, кто истинно существует, среди тех, кто существуют… не создан, Авель Барух — что ты мог бы дать знание истины…, что он из рода Верховного священника которых тысячи тысяч, мириады мириад эонов. Враждебные духи не знают о нем, и их сущность — разрушение. Не только я пришел, чтобы открыть тебе истину, которая в братьях. Он заключил себя в живую жертву, вместе с вашей жертвой. Он пожертвовал (себя) им как жертва за Все». Как видите, в этом тексте много пропусков, но зато в нем называются и имена, и называются они в одном ряду с Христом. Этих имен, думаю, вы никогда в жизни не слышали. А если кто-то из вас читал «колдовские» книги, то разве что в них можно увидеть некоторые. Авель Барух — Отец Всего, кто истинно существует, но не создан. Мать вечности, Барбело, первенец вечности, Доксомедон… Интересно и то, что эту часть повествования Робер де Борон изменяет незначительно, то есть вероотступничество остается.

Что касается «имен бога», то с ними связан целый пласт средневековой культуры, с которым безуспешно пыталось бороться догматическое христианство. Эго «правильное» христианство так боялось поисков «имен бога», что практически выключило из обращения весь Ветхий Завет, разрешив лишь зачитывать отдельные истории с кафедры — то есть подавать эту Книгу Книг с точки зрения господствующей идеологии. Ведь действующие лица этой великой Книги постоянно заняты поисками имен бога, и этих имен в ней предостаточно. Если «сочти число Зверя» из Апокалипсиса выглядело еще невинным советом, то «сочти число Бога» или «назови имена Бога» — уж полноценная ересь. Но зачем вообще нужно знать имена Бога? Это древняя традиция. Только зная подлинное имя, можно достичь подлинной власти, то есть власти над кем? Вот-вот, скажете — не ересь? Святотатство! Ведь пути его неисповедимы! Однако в интересующее нас время появилось мистическое течение в самом христианстве, и пошло оно от ученых клириков, решивших объединить иудейскую каббалу и европейскую веру. В результате исчислениями имен Бога занимались даже во вполне ортодоксальных монастырях, но — не в миру. В этих монастырях кроме исчисления имен очень интересовались и составлением истинной молитвы, позволяющей быстро и без «подвигов» достичь состояния благости, а одновременно — высшей духовной силы над событиями и временем. Учение было очень похоже на тренировку йогов — то же правильное дыхание, медитация, умение концентрировать внимание на внутренних объектах, а позже — молитва без слов. По свидетельствам современников, тела столь торжествующих над плотью клерикальных умов становились сияющими, а над их челом появлялся нимб. И заметьте, для этого не требовалось жить в пустыне, бичевать себя до мяса, получать несовместимые с жизнью травмы от гонителей веры. Нужно было только правильно питаться, по особому распорядку, воздерживаться от сексуального общения, ритмически дышать и строить храм в храме своего тела. Разработали даже специальные учебники, как всего этого достичь за короткое время. Причем, войти в блаженное состояние «святости» могли как праведники, так и забубенные грешники. Нравилось ли такое устремление масс церкви? Выводы делайте сами.

Но — откуда? Да все из тех же текстов, которые были признаны церковью негодными! Если одни из этих текстов рассказывали про Христа такое, что лучше бы никому не знать, то другие давали рецепты, как достичь уровня Христа, развивая должным образом свой дух. Уж поверьте мне, для Средневековья это была гремучая смесь.

Отголоском этой эпохи поиска можно считать слова Парацельса, сказанные им о символах в трактате «Магический архидокс»: «Не должны мы также доверять ни символам, ни словам, ибо в них премного упражняются поэты и чародеи, испещряющие ими свои колдовские книги, всецело и опрометчиво извлекая их из собственного воображения, безо всякого на то основания, и измышляют их вопреки истине, тогда как многие тысячи из словес этих не стоят и выеденного яйца. Но пока я умолчу об их символах, которые чертят они на бумаге и пергаменте, бессмысленно обремененные такими пустяками. Среди подобных людей бытовал обычай, сохранившийся доныне лишь у немногих из них и состоявший в том, что, накладывая эти символы на людей, они заставляли их обожать себя,

произносить такие слова, что для меня прекрасны и о коих никто никогда и не слыхивал; а, тем не менее, они говорят, что слова эти рождаются сами собой. Потому необходимо иметь совершенное знание, дабы различать эти буквы, слова и символы.

Среди них обнаруживают много слов, не имеющих никакого сходства с идиомами латинского, греческого или еврейского языков, также и ни с какими иными; и ни один человек не может ни трактовать, ни переводить их на другой язык. А потому я не без основания утверждаю, что мы не должны доверять всем буквам, символам или словам, но придерживаться лишь тех, что истинны и часто доказывались на основании истины и извлекались из нее. Но чтоб могли мы к ним приступить и поведать, какие слова или символы правдивы и истинны, необходимо сперва выявить и разъяснить два из них.

И хотя много других может быть найдено, все же эти надо особо ценить и почитать прежде всех иных символов, пантаклей и печатей, Обратите же внимание на изображение оных.

Две скрещенные треугольные фигуры рисуют или гравируют таким образом, что они заключают и себе и подразделяются на семь внутренних частей, образуя шесть внешних углов, в которых чертятся чудесные буквы величественного Имени Божиего — «Адонай» — сообразно их истинному порядку. Это один из тех символов, о которых мы уже говорили.

Есть и другой, превосходящий предыдущий в мощи и силе. Он имеет три скрещенных угла, изображающихся таким образом, что взаимопересекаясь, они включают и себя шесть внутренних частей и пять внешних углов, в которых чертятся пять слогов высшего Имени Бога, то есть «Тетраграмматон», также сообразно их истинному порядку.

Я бы нарисовал эти фигуры, но поскольку их можно легко найти во многих других местах и книгах, то я предпочел опустить их. Некоторые израильтяне и нигроманты иудеи многого добились этими двумя символами. И ныне они высоко почитаются многими и оберегаются как величайшие тайны, ибо обладают столь большой мощью и силой, что если только нечто возможно совершить посредством каких-нибудь символов или слов, то это можно сотворить и ими или же одним из них. Мне бы хотелось знать, где и в каком месте в книгах нигромантов можно найти какой-либо другой символ, которым можно было бы творить подобное против злых духов, Дьявола и колдовства магов, посредством всех уловок и ухищрений чародеев. Ибо они воистину освобождают того, чей дух и разум околдованы настолько, что вынужден он действовать против собственной волн или природы. А если ему причинен ущерб или же терпит он телесную боль, то фигуры эти, изготовленные в должный день и час, взятые в рот имеете с облаткой, блином и тому подобным, в двадцать четыре часа избавят его от колдовства».

Истоки символов и понятий, о которых упоминает Парацельс, как раз в каббалистике и учениях гностиков. А ходившие тогда по миру Евангелия так и называются гностическими. Так что у Кретьена речь идет, скорее всего, о «гностическом христианстве», когда его святой отшельник пользуется странной своей молитвой — заметьте, тайной молитвой, которой разрешает воспользоваться самому Персивалю только в самом крайнем случае. Но ведь и Иосиф Робера де Борона идет путями гнозиса: благодать Грааля сходит только на тех, кто может ее воспринять. Откуда это у него? Во времена Борона в Европу стал и проникать идеи арабского Востока, в частности тексты шиитских гностиков. Одной из них была книга «Язык муравьев» Шихаб-ад-дин Яхъя бен Хабаш бен Амирак Сухраварди, родившегося в 1165 году и убитого по приказу Саладдина за ересь в 1191 году. И судьба, и тексты этого философа не могли быть неизвестными любознательным крестоносцам. Так вот, в «Языке муравьев» Сухраварди приводит такую притчу (а он, как Христос, рассуждает притчами): «Несколько быстроногих муравьев из низших пределов мрака, возможно утвердившихся в своем положении, препоясалось и направилось в сторону поля, чтобы найти себе пищу. Вдруг они увидели пару побегов зелени, на поверхность которых утром осели капли росы. Один из муравьев спросил у своего спутника, что это за капли. Тот ответил, что начало этих капель — в земле. Другой же, вмешавшись, сказал, что они — от моря, и таким образом начался спор. (Умнейший из муравьев) сказал: «Подождите немного (чтобы увидеть), в какую

сторону направлено влечение их! Ведь всякая вещь имеет влечение к своему началу и страстно желает возвратиться к своему источнику. Разве не видели вы, как ком земли, когда его бросают вверх, — поскольку начало его — низкое, и правило «всякая вещь возвращается к своему началу» подчиняет себе все вещи — падает (опять) вниз на землю. То, что стремится к полному мраку, от него и произошло. И, относительно Света Божественности, есть посылка о необходимо-желанной сущности; воображаемое соединение (с нею) невозможно, (если только) всякий, кто ищет свет, сам не принадлежит к миру света». И, пока муравьи были увлечены этим спором, солнце согрело воздух, и роса на побегах стала (испаряться и) подниматься вверх. И муравьи поняли, что она — не от земли, и, поскольку выпала она от воздуха, то и испарилась в нем — «Свет к свету! Бог ведет к своему свету, кого хочет. Бог вразумляет людей сравнениями»; «Господь твой есть крайний предел», «к которому восходит и благое слово, и доброе дело».

«Ничто не возникло помимо его воли, — вторит этому тексту одно из гностических Евангелий. — Итак, он Отец, желающий явить свое богатство и свою славу. Он устроил это великое состязание в этом мире, желая, чтобы явились участники состязания. чтобы нее сражающиеся оставили то, что возникло во времени, и стали презирать это в возвышенном, недостижимом знании и устремились к тому, который существует вечно. И те, которые сражаются с нами, будучи противниками, сражаясь против нас, мы побеждаем их незнание нашим знанием, поскольку мы уже узнали недостижимого, от которого мы вышли. У нас нет ничего в этом мире, чтобы не удержала нас власть мира, возникшая в мирах, которые на небе…. если этот пребывает в незнании, он весь — темнота и материальный. Так и душа принимает логос каждый час, чтобы дать его своим глазам как целебное средство, чтобы она смогла прозреть и чтобы ее свет сокрыл врагов, которые воюют с ней, и чтобы она сделала их слепыми своим снегом и заперла их своим присутствием и вовлекла их в бессонницу и чтобы она уверенно действовала своей силой и своим скипетром. В то время как ее враги взирают, устыженные, на нее, она устремляется к небу, и свою сокровищницу, и которой обитает ее ум, и в свое надежное хранилище, поскольку ничто из того. что произошло, не захватило ее, и она не взяла чужого в свой дом. Ибо многочисленны рожденные в ее доме, сражающиеся против нее и день и ночь, не зная отдыха ни днем ни ночью, так как их желание мучает их. Поэтому мы теперь не спим и не забываем о сетях, которые скрыто распростерты, готовые схватить нас. Ибо если нас поймают в одну сеть, она затянет нас в свою пасть, причем вода польется на нас, устремляясь нам в лицо, и мы будем взяты неводом вниз и не сможем вырваться из него, потому что над нами много воды, истекающей сверху вниз, погружая наше сердце в яму грязи. И мы не сможем освободиться от них: ибо те, кто схватит нас и проглотит, — людоеды, радующиеся, как рыбак, бросающий в воду крючок. Ибо он бросает разные приманки в воду, так как ведь каждая рыба имеет свою пищу. Когда она учует ее, она устремляется на ее запах. А когда она начинает есть ее, крючок, скрытый внутри приманки, хватает ее и с силон выносит из глубины: ведь ни одному человеку невозможно схватить эту рыбу на глубине кроме как хитростью, которую применил рыбак: при помощи приманки он подцепил рыбу на крючок. Точно так же и мы пребываем в этом мире, как рыбы. А противник бодрствует, замышляя против нас, ища нас, как рыбак, желая поймать нас и радуясь, что может нас проглотить. Ибо он проносит перед нашими глазами множество пиши, принадлежащей этому миру, и хочет, чтобы мы возжелали одну из них, и попробовали только немного, чтобы он схватил нас при помощи своего скрытого зелья и вырвал нас из свободы и забрал нас в рабство. Ибо если он схватит нас какой-то одной приманкой, ведь неизбежно, чтобы он пожелал и остальное…. Таким образом, наконец, это становится пищей смерти. Но это — приманки, на которые дьявол ловит нас. Сначала он роняет печаль в твое сердце до тех пор, пока ты не начнешь мучиться какой-нибудь мелочью этой жизни и пока он не схватит нас своим зельем, а после этого внушит страстное стремление к одежде, чтобы ты гордился собой в ней, и любовь к деньгам, гордость, высокомерие, зависть, которая завидует другой зависти, красоту тела, мошенничество, а более всего этого незнание и беспечность. Эти все приманки противник таким образом

искусно подготавливает и раскладывает перед телом, желая, чтобы сердце души обратилось к одной из них, и наконец топит ее. Как крючком, он насильно тянет ее в незнание, обманывая ее до тех пор, пока она не забеременеет злом и не породит плоды материи и не будет жить и скверне, устремляясь за многими желаниями и корыстями, причем плотская сладость влечет ее в незнание. А душа, которая попробовала это, поняла, что сладкие страсти — скоротечны. Она получила знание о зле. Она удалилась от них и стала жить по-новому. После этого она презирает эту жизнь, поскольку она преходяща, и взыскует пищи, которая возьмет ее в жизнь, и оставляет она ложную пищу, и получает знание своего света. Она шествует, снимая с себя этот мир, а ее истинная одежда облачает ее изнутри, причем ее брачное одеяние надето на нее в красоте сердца, а не в гордости плоти. И она познает свою глубину и устремляется к своему двору, причем ее пастырь стоит у двери…..Она обрела свое восхождение и успокоилась в том, который сам находится в покое. Она простерлась в брачном чертоге. Она вкусила от пиршества, которого алкала. Она взяла бессмертной пищи. Она нашла то, что искала. Она получила отдых от своих трудов, причем свет, который светит на нее, не преходящ, тот, которому принадлежит слава, сила и откровение во веки исков».

Учитывая, насколько текст Робера де Борона насыщен размышлениями о сути Грааля именно в богословском разрезе, можно быть уверенными, что он «потаенные» тексты своего времени знал, и отлично знал. Во всяком случае, его сюзерен имел к ним доступ. И Грааль де Борона — это совершенно ясно: Чаша Таинства, литургическая чаша. Но почему из всех возможных кандидатов разыскивать чашу отправляют юного Персиваля? Разве он тот доблестный рыцарь, непобедимый и сражениях? И почему Грааль выбирает именно его?

Замок Грааля
и похвальное слово рыцарям

Замок Грааля открывается только достойному рыцарю, недостойный туда попросту не попадает. Позже мы поймем, что остальные его не видят. Значит — достойный? Но — почему? Что, собственно говоря, совершил Персиваль? Ведь он, впервые оказавшись в замке, еще не совершил практически никаких подвигов, напротив, эти подвиги были против рыцарских правил. Он вед себя как неправильный рыцарь. И, тем не менее, — оказался достоин поисков Грааля.

Все дело в предсказании о Граале; достойный рыцарь кроме множества побед должен сохранить искренность и чистоту. Эта мысль о полном соблюдении чистоты как девственности проявится в большей степени у более поздних авторов, Кретьен не связывал чистоту души с девственностью. Его Персиваль благополучно познал хозяйку замка и никаких угрызений совести по этому поводу не испытывал. Совершив то, что должен был совершить, он тут же о ней позабыл и отправился в сторону дома. Так что чистота души скорее была в этом случае пустотой, то есть в процессе любви участвовало тело, но не душа. Душа, как говорится, осталась столь же девственной. Но у других авторов этот эпизод был вовсе изменен: Персиваль окапался настолько благороден и наивен, что не воспользовался случаем и не осквернил даже тела. Это было высокое служение Даме Сердца. Этот рыцарский принцип небесной любви пришел к нам из куртуазной поэзии южных земель.

Впрочем, и рыцарский кодекс чести — тоже дитя юга. Лучше всего этот принцип сформулирован в книге ученого и мага средневековья Раймонда Луллия.

Эта книга построена как разговор между старым рыцарем, удалившимся от тревог бренного мира в густой лес, и случайно заблудившимся в том лесу оруженосцем, который на самом деле спешил на рыцарский турнир, чтобы там получить посвящение в рыцари, но по дороге заснул от усталости прямо в седле. Выяснилось попутно, что жизнь рыцарей его привлекает, но в то же время он ничего толком не знает ни про рыцарские ордены, ни про

рыцарский кодекс чести. Словом, наш юный оруженосец — двойник Персиваля, и старый рыцарь, который на досуге думал о величин и славе рыцарских орденов, начинает его поучать.

«— Что слышу я, сын мой! — воскликнул рыцарь, — тебе неведомо, в чем заключаются обычаи и установления рыцарства? Как же ты можешь мечтать о рыцарстве, если не имеешь представления об установлениях рыцарства? Ибо невозможно быть опорой ордена, о котором не имеешь представления, равно как нельзя и любить орден и все, что с ним связано, если неведом тебе сам орден и все те козни, которые против ордена замышляются. И ни один рыцарь, не сведущий в рыцарстве, не смеет посвящать в рыцари, ибо беспутен тот рыцарь, который напутствует другого рыцаря и наставляет его в рыцарских устоях и обычаях, сам не имея о них представления.

Выслушан упреки и порицания рыцаря оруженосцу, вознамерившемуся стать рыцарем, оруженосец сказал рыцарю:

— Господин мой, если бы вы сочли возможным просветить меня в устоях рыцарства, полагаю, что я вполне способен был бы их усвоить и следовать рыцарским обычаям и установлениям.

— Друг мой, — сказал ему рыцарь, — обычаи и установления рыцарства заключены в этой книге, которую я время от времени перечитываю, дабы не забывать о милости и благорасположении, которыми Господь меня одарил, ибо ко славе и процветанию рыцарского ордена я приложил немало сил; и если рыцарь всем, что ни есть в нем, обязан рыцарству, то и сам он должен быть готов пожертвовать всем ради рыцарства».

Таким образом юному оруженосцу было разрешено сначала прочитать книгу при рыцаре, и он «понял, что рыцарь — это один из тысячи, избранный, которому предначертан наиблагороднейший удел; осознал он устои и обычаи рыцарства», а на прощание старый вони подарил ему эту книгу, чтобы все рыцари отныне знали, каким обычаям и установлениям должен следовать рыцарь, чтобы оказаться достойным.

«Следовательно, кто вознамерился стать рыцарем, должен задуматься и поразмыслить над высоким предназначением рыцарства; желательно, чтобы душевное благородство и надлежащее воспитание были в согласии с предназначением рыцарства, иначе рыцарь вступит в вопиющее противоречие с рыцарским орденом и его принципами. Ибо не следует рыцарскому ордену пятнать свое доброе имя, пополняясь врагами и людьми, жизненные принципы которых ему враждебны.

Выть избранным, иметь коня, доспехи и быть господином еще недостаточно для того, чтобы претендовать на высокую честь принадлежности к рыцарству, ибо рыцарь нуждается также в оруженосце и стременном, которые заботились бы о нем и о его конях. Необходимо также, чтобы кто-то пахал, перекапывал землю и выпалывал сорняки, дабы давала она плоды, которыми питаются рыцарь и его кони; следует ему также ездить верхом, вести жизнь сеньора и находить усладу в том, что приносит тяготы и заботы его подданным.

Много возможностей открыты Господом людям, готовым служить Ему. И все же самых почетных, самых достойных, самых заветных — две: священничество и рыцарство; вот почему священник и рыцарь должны быть связаны теснейшими узами дружбы. Отсюда понятно, что как клирик, действующий вопреки установлениям рыцарства, нарушает установления духовенства, так и рыцарь, действующий вопреки и во вред установлениям духовенства, призванного относиться с теплотой и участием к рыцарскому ордену, противостоит установлениям рыцарства.

Рыцарь должен ездить верхом, участвовать в турнирах, биться на копьях, носить доспехи, всегда быть готовым к поединкам, пировать с равными себе, владеть мечом, охотиться на оленей, медведей, кабанов, львов, а также уметь многое другое в том же роде, что входит в обязанности рыцарей; ибо все это способствует тому, что рыцари привыкают к ратным делам и приучаются отстаивать рыцарские установления. Другими словами,

пренебрегать тем, что позволяет рыцарю как нельзя лучше выполнять свои обязанности, означает пренебрегать рыцарским орденом.

Отсюда следует, что как все вышеперечисленные занятия свойственны телу рыцаря, и душе рыцаря свойственны справедливость, мудрость, милосердие, преданность, искренность, смирение, отвага, надежда, опыт и не подобные этим добродетели. Таким образом, рыцарь, который с готовностью занимается тем, что присуще рыцарскому ордену и имеет отношение к его телу, но уклоняется от добродетелей, столь же присущих рыцарскому ордену, но свойственных душе рыцаря, враждебен рыцарскому ордену, ибо в противном случае получалось бы, что тело и рыцарство чужды душе и ее достоинствам, а это противно истине.

Если бы рыцарство заключалось скорее в физической силе, чем в силе духа, получалось бы, что рыцарский орден имеет отношение прежде всего к телу, а не к духу; однако из этого следовало бы, что тело благороднее духа. Отсюда явствует, что, коль скоро душевное благородство не может быть поколеблено ни одним человеком, ни всеми людьми, вместе взятыми, а тело может быть сломлено и покорено другим телом, подлый рыцарь, бегущий с поля битвы и оставляющий на нем своего господина. спасая скорее свое полное сил тело, чем жалкую, подлую душонку, не отвечает установлениям рыцарства и не является верным слугой славному рыцарскому ордену, который зиждется на душенном благородстве.

Рыцари должны преследовать изменников, воров и грабителей; ибо подобно топору, который был создан для того, чтобы им рубили деревья, рыцарь призван истреблять дурных людей. Отсюда следует, что если сам рыцарь является грабителем, вором и изменником, а грабители и воры должны истребляться и пленяться рыцарями, то рыцарь, являющийся вором, изменником и грабителем, дабы отвечать своему предназначению, должен не кого-либо другого, а самого себя убить или пленить; в том же случае, если бы он, со всей строгостью соблюдая свои рыцарские обязанности по отношению к другим, отказался со всей строгостью отнестись к самому себе, то и предназначение рыцарского ордена скорее бы распространялось на других людей, а не на него самого. В то же время, коль скоро абсолютно неестественно, чтобы кто-либо сам себя убивал, то рыцаря, оказавшегося вором, изменником и грабителем, должен убить и уничтожить другой рыцарь. Рыцарь же, который укрывает и поддерживает рыцаря, оказавшегося изменником, грабителем и вором, не отвечает своему предназначению; ибо если бы он в атом случае ему отвечал, то, убивая и истребляя воров к изменников. не являющихся рыцарями, он действовал бы вопреки своему предназначению».

Затем Луллий говорит о том, кого и как следует посвящать в рыцари. Первое, что требуется. делать, — спросить рыцаря о его вере, потому что только искренне верующий рыцарь будет воздерживаться от пороков. И судить о благородстве кандидата нужно не по роскошной одежде и витиеватым словам, а по поступкам, по тому, что действительно имеет значение. Поэтому Луллнй и говорит, что посвящать в рыцари ребенка не имеет смысла — еще неизвестно, что из него вырастет, а старика — глупо, потому что у него не хватит физических сил, чтобы сражаться во славу ордена. В орден не стоит принимать и больных или имеющих слабое физическое развитие дворян, потому что они станут обузой для ордена. Но самое главное — чтобы не было у кандидата негативных качеств, особенно алчности, желания обогатиться. «Оруженосец, обуреваемый гордыней, необразованный, речи которого столь же грязны, как и его одежды, пьяница, чревоугодник и клятвопреступник, жестокосердый, корыстолюбивый, лживый, вероломный, ленивый, вспыльчивый и сластолюбивый или погрязший в иных пороках, не должен быть рыцарем».

Далее Луллнй говорит о качествах, которыми должен обладать истинный рыцарь. Поскольку это очень важно нам для понимания, почему Персиваль избран как достойный из достойных, придется привести довольно длинный отрывок из текста.

«Каждому рыцарю должны быть известны семь добродетелей, в которых коренятся все добрые нравы и которые суть дороги и тропинки, ведущие к вечному райскому блаженству; из этих семи добродетелей три богословские и четыре общие, богословскими являются вера, надежда и любовь. Общими — справедливость, мудрость, мужество и воздержание.

Лишенный веры рыцарь не может иметь добрых нравов, ибо только вера позволяет ему видеть своим мысленным взором Бога и его творение, веря и в то, что недоступно его взору, и только вера вселяет в него надежду, любовь, преданность и готовность служить истине. Безверие отторгает человека от Бога и от его творения и лишает его возможности познавать невидимую реальность, которая недоступна пониманию человека, лишенного веры.

Вера обязывает рыцарей, наделенных добрыми нравами, отправляться паломниками за морс в Снятую Землю и с оружием в руках утверждать религию креста среди его недругов, и принимать мученическую смерть, отстаивая святую католическую веру. Вера обязывает рыцарей защищать клириков от подлого люда, измывающегося над ними и грабящего их по причине своего безверия.

Надежда является одной из самых главных рыцарских добродетелей, ибо надежда питает воспоминания о Боге во время сражений, во время сопряженных с ними скорбей и печалей, и надежда на Бога помогает на него опереться, что приносит победу в сражениях, так как надеются и уповают рыцари скорее на могущество Бога, чем на свои силы и на свое оружие. Надежда поддерживает и питает отвагу рыцаря; надежда позволяет превозмогать бремя рыцарства и преодолевать встречающиеся на пути опасности; надежда позволяет рыцарям выносить голод и жажду, когда находятся они в осажденных неприятелем замках и крепостях; а не будь у него надежды, не смог бы рыцарь отвечать своему рыцарскому предназначению.

Лишенный любви рыцарь будет жесток и безжалостен. а коль скоро жестокость и безжалостность чужды природе рыцарства, то рыцарю надлежит быть милосердным. Ибо если нет в рыцаре потребности и любви к Господу и к своему ближнему, как сможет он возлюбить Господа и сострадать немощным и откуда возьмется в нем жалость к побежденному противнику, взывающему к его жалости? Если бы любовь была чужда его сердцу, как мог бы он принадлежать к рыцарскому ордену? Именно любовь связывает воедино все добродетели и отчуждает пороки; любовная жажда неутолима для любого рыцаря и для любого смертного, чему бы он себя ни посвятил; благодаря любви бремя рыцарства оказывается не столь тяжелым. И как безногий конь не смог бы нести на себе рыцаря, так и лишенный любви рыцарь не смог бы вынести то бремя, которое его благородное сердце взвалило на себя во славу рыцарства.

Если бы человек был бесплотен, он был бы невидим; будь это так, он не был бы тем, кем он является; отсюда следует, что если бы. посвятив себя рыцарству, рыцарь оказался бы чуждым справедливости, то либо справедливость была бы не тем. что она есть, либо рыцарство было бы совсем не тем, чем оно является на самом деле. А поскольку именно в справедливости берет свое начало рыцарство, как может рыцарь, погрязший по лжи и пороках, надеяться, что рыцарский орден не отторгнет его от себя?

Мудрость — это добродетель, помогающая нам познать добро и ало, наделяющая нас знанием, которое позволяет нам любить добро и сторониться зла. Мудрость позволяет нам также предвидеть то, что нас ждет завтра, исходя из того, что есть сегодня. Мудрости мы обязаны и некоторыми предосторожностями, которые позволяют нам избегать того. что может принести вред нашему телу или нашей душе. Отсюда следует, что поскольку предназначение рыцарей заключается в том, чтобы преследовать и уничтожать злокозненных людей, и поскольку никто не подвергается стольким опасностям, как рыцари, можно ли себе

представить что-то более необходимое рыцарю, чем мудрость? Умение рыцаря побеждать в турнирах и на полях сражений не столь тесно связано с рыцарским предназначением, как умение здраво мыслить, рассуждать и управлять своей волей, ибо благодари уму и расчету было выиграно куда больше сражении, чем благодаря скоплению народа, амуниции или рыцарской отваге. Отсюда следует, что коль скоро это так, то если ты, рыцарь, намерен готовить своего сына для рыцарского поприща, тебе следует учить его мыслить и рассуждать, дабы возлюбил он добро и возненавидел зло, ибо благодаря этому мудрость и рыцарство сливаются воедино и пребывают вместе во славу рыцарства.

Мужество — это добродетель, не позволяющая проникать в благородное сердце рыцаря семи смертным грехам, которые прямой дорогой ведут к вечным мукам преисподней и которые суть следующие: чревоугодие, сладострастие, скупость, уныние, гордыня, зависть, гнев. Поэтому рыцарю, выбравшему эту дорогу, не попасть в то место, которое душенное благородство выбрало своей вотчиной».

Затем Луллий рассматривает и возможные пороки и поясняет, почему они губительны для рыцаря и как их победить.

«От сопутствующих чревоугодию пресыщения и опьянения тело начинает дряхлеть; сопутствующие чревоугодию чрезмерные траты на еду и питье влекут за собой нищету; чревоугодие настолько переполняет тело различными яствами, что становится оно рыхлым и вялым.

Сладострастие призывает в помощь себе молодость, внешнюю привлекательность, обильную еду и обильную выпивку, роскошную одежду, случай, ложь, измену, несправедливость, неверие в Бога и вечную жизнь, равнодушие к ожидающим грешников вечным мукам и многое другое в этом же роде.

Скупость — это порок, который стремится проникнуть в сердце, дабы склонять его к низким целям; поэтому если душевное благородство чуждо рыцарям, то беззащитны они против скупости, и будут рыцари алчными и скупыми, и будет толкать их корысть на разные преступления, и станут они рабами и слугами тех земных благ, которые нм даны Господом, дабы они ими пользовались.

Уныние — это порок, благодаря которому рыцарь склоняется скорее к злу, нежели к добру. Поэтому этот порок скорее, нежели иные пороки, свидетельствует о грядущем осуждении человека, равно как и отсутствие этого порока, скорее, нежели иные добродетели, свидетельствует о грядущем спасении человека.

Гордыня — это порок неравенства, ибо высокомерный человек хочет быть единственным в своем роде и поэтому чурается людей. И поскольку смирение и мудрость суть добродетели, противоположные гордыне и предполагающие равенство, то если ты, рыцарь, обуреваемый гордыней, вознамеришься преодолеть свою гордыню, позволь своему сердцу проникнуться одновременно смирением и мужеством; ибо смирение без мужества лишено силы, и не осилить ему гордыню.

Зависть — это грех, противный щедрости, милосердию и великодушию, наилучшим образом соответствующим природе рыцарского ордена. Поэтому при порочном сердце рыцарь не сможет быть достойным своего призвания. Если лишен он силы духа, зависть вытравит из сердца рыцаря справедливость, милосердие и великодушие; и станет тогда рыцарь завидовать чужому богатству, но лень ему будет добывать его себе силой оружия; и станет он тогда злословить о том, что оно не идет само ему в руки; и поэтому зависть вынудит его замышлять вероломства и злодейства.

Гнев — это разлад в человеческом сердце, теряющем способность помнить, понимать и любить. Воспользовавшись этим разладом, память превращается в забвение, понимание в невежество, а любовь во вспыльчивость. Поэтому коль скоро память, понимание и любовь являются тем светом, который позволяет рыцарю следовать дорогой рыцарства и который гнев и сердечный разлад пытаются из сердца вы травить, ему надлежит уповать на силу духа, а также на милосердие, самоограничение и долготерпение, служащие препятствием на пути

гнева и утешением в тех бедах, которыми мы обязаны гневу».

Поскольку никто не рождается с одними только добродетелями, то главная победа рыцаря — это победа над самим собой. Только тогда он становится достойнейшим из достойных. Очевидно, это именно та победа, которую и смог одержать над собой Персиваль. И только тогда уста его разомкнулись, и он задал единственно верный вопрос.

Перлесваус

Перлесваус или Перлесво — это еще один роман о Граале, написанный примерно в то же время, что и «Повесть о Граале» Робера де Борона. Эго странная книга, сохранившаяся лишь в прозаическом пересказе, хотя и считается, что некогда существовал стихотворный текст (причем, не на французском. а на латыни). Пожалуй, попытки разрешить все загадки Грааля здесь заменены мистическим переживанием Грааля и поисками пути к Богу. В качестве главного героя выступает рыцарь Говейн, который оказывается достойнейшим, и именно он служит в замке Грааля. В этом романе Грааль имеет совершенно определенный вид: это чаша Евхаристии.

В XII веке, ближе к его концу, в римской церкви произошла некоторая реформация догматов. Если до этого времени прихожане получали причастие в виде крови и тела Христовых, то есть как вино и освященную облатку или, как ее называли, гостию, то позже это таинство было разделено для клира и простых мирян. Право на полное причастие теперь имели лица духовного знания, а прочие стали получать лишь тело Христово (облатку). Для многих верующих людей такое причастие казалось не полным. И на протяжении всего столетия поэтому поводу велись ожесточенные споры.

Споры о Евхаристии — это целая эпоха становления католицизма. Первые разногласия обнаружились еще до собора 1054 года, окончательно разделившего церкви на Восточную, православную, и Западную, католическую. В Восточной церкви установленное причастие кровью и телом Христовым так и осталось единым для всех верующих — от простых мирян до церковного клира, а в Западной церкви восторжествовала идея отмены причащения кровью Христовой. Споры были затяжные, яростные и безнадежные. В конце концов, появилась идея так называемого пресуществления, иными словами, вино и гостия после освящения «пресуществлялись», то есть превращались в духовную кровь и духовное тело. Противники этой идеи возражали так: если духовная кровь и духовное тело съедаются верующим, они не могут быть абсолютно духовными, а должны быть реальными, поскольку их впитывает не мозг, как это происходите восприятием мысли, не душа, как это происходит с ощущением благости, а желудок. Желудок, как известно, мыслить не умеет, а все его ощущения сводятся к насыщению, как же тогда может вообще появиться благость? Не путаем ли мы утоление голода тела с утолением голода духа? Сохранились даже документы, рассказывающие о еретическом причастии, когда в сектах причащали настоящей кровью и настоящим мясом, произведя над ними освящение именем Христа. И это было совсем нехорошо. Поэтому некоторые служители церкви выступали против любого причастия, отмечая, что с благословения священников прихожане занимаются чем-то напоминающим людоедство (а иногда, признаем, и настоящим людоедством). Очевидно, чтобы споры о форме причастия среди простого народа не возникали, а также чтобы не появлялись опасные членовредительские ереси, причастие в виде крови Христовой было дня мирян отменено. Но тут уж появились недовольные среди прихожан, они видели в этом своего рода дискриминацию и откровенно жаловались, что «недобирают» благости. Причем в эту компанию попали как темные невежественные крестьяне, так и цвет общества — рыцари. Поскольку они не были священнослужителями, им полное причастие тоже было заказано. Его отменили даже в монашеско-рыцарских орденах.

Наш текст как раз и связан с этой запутанной историей о пресуществлении крови и тела Христовых. Грааль сам осуществляет пресуществление, в нем происходит таинство. Недаром автор Перлесвауса описывает Грааль как церковный потир. И этот Грааль сопровождают видения примерно такого же характера, какие бывали у крестоносцев в Палестине, то есть совершенно символические.

Даже в самом начале поисков Грааля рыцарь Говейн видит не тот простой и обычный, хотя надежно защищенный от непрошеных гостей замок, а некое удивительное сооружение: в воротах замка лежит настоящий лев, у противоположной стены стоят две медные фигуры, снабженные хитроумным механизмом — они могут метать стрелы из арбалетов: изобретение, достойное Роджера Бэкона, которому приписывалось создание механических людей. А на стенах рыцарь увидел множество людей, как ему подумалось, святых, потому что это все были священники в сизарях и старые рыцари с седыми волосами в балахонах, подобных монашеским. Башни замка были украшены крестами, а над стеной виднелась часовня с тремя крестами над куполом, и на каждом кресте — по золотому орлу. В часовню то и дело входили люди, вставали перед ней на колени, воздевали руки к небу, словно видели в этом небе Богородицу и Христа. Наш Говейн оробел, поняв, что в такой замок ему будет трудно попасть, но тут заметил идущего навстречу священника, у которого он и попросил разрешения въехать в ворота, по получил отказ. Говейну коротко пояснили, что сначала он должен найти меч, которым был обезглавлен Иоанн Креститель. Если до Перлесвауса наш меч был не слишком знаменит, то теперь он получил совершенно четкую библейскую прописку. Только с огромным трудом отыскав этот священный меч, Говейн наконец-то был допущен в замок и увидел, как говорится, чудеса Грааля вблизи. Сам вынос Грааля происходит по хорошо отработанному сценарию: сначала идет первая дева с Граалем, а следом вторая дева — с копьем.

Идут они рядом друг с другом, и все озаряется неземным светом. Кроме того, появляется райское благоухание, и непривычный к такому зрелищу Говейн вдруг понимает, что видит перед собой не дев, а двух ангелов, и все помыслы рыцаря устремляются к Богу. Так что, если сидящие за трапезой рыцари думали, что сэр Говейн задаст нужный вопрос, то они ошибались — душа его была на небесах. Он все глядел на Грааль и двух дев, но ему мнилось, что видит он уже трех ангелов, а в сердцевине Грааля — Младенца, а когда его окликнули, то на скатерти прямо перед собой он заметил три капли крови от Святого Копья, и все на них глядел, и даже попробовал, как сообщает автор, «прикоснуться к ним смиренным лобзанием», но капли тут же от него отстранились, он хотел их хотя бы пальцами тронуть, но и от пальцев они ускользнули. Потом девы снова внесли Грааль, и тут сэр Говейн увидел уже над Граалем самого Христа, как называет его автор, Венчанного Короля, пригвожденного копьем к кресту. Он даже видел, где именно наконечник вошел под ребра. И это вызвало в нем такую печаль, что ни о чем, кроме крестной муки, он и думать больше не мог. Остальные рыцари меж тем трапезничали и пытались оторвать сэра Говейна от созерцания, но куда там! Наш рыцарь ничего не слышал, ничего не видел, он был в мыслях с Христом, так что даже не заметил, что все вышли из залы и он там остался один.

Все, что изложено автором Перлесвауса, — это в чистом виде то самое «пресуществление» тела и крови Христовых. На миниатюрах того времени именно таким образом оно и изображалось: церковная чаша (потир), а над нею в облаке славы Младенец-Христос. Сэр Говейн так и не смог выполнить своей миссии, сэр Ланселот нарушил клятву, Урпрот-Рыбак умер, замок Грааля захватил король замка Смерти, Грааль исчез. Далее в нашу историю включается Перлесваус, ибо только он может отыскать Грааль. Перлесваус тут же отправляется захватывать замок, и это ему удается, а король замка Смерти кончает жизнь самоубийством, тут же в часовне снова является Грааль, а с ним имеете и Меч, которым обезглавили Иоанна Крестителя, и Копье, которое вошло в подреберье Иисуса. И над этой землей был установлен «Закон господа Нашего». Однажды в замок Грааля приезжает король Артур, и спустя некоторое время к замку подходит шестеро людей в белых балахонах, несущих огромный крест, а следом за ними идет человек с трещоткой и

колокольчиками. Они входят в часовню вместе с Перлесваусом и королем Артуром и начинают «славную и святую» службу. Далее автор сообщает, что Грааль «явился на освящение в пяти образах, но о них не подобает говорить, ибо таинства святого причастия не следует открывать никому, кому Бог даровал особую милость. Но король Артур узрел все перемены, и последним был явлен потир. И отшельник, совершавший мессу, обнаружил на покрове, покрывавшем чашу, таинственную надпись. Ее буквы гласили, что сам Бог желает, чтобы Тело Его было принесено в жертву в такой чаше в воспоминание о Нем». Отшельники, оказывается, пришли в замок Грааля потому, что в лесу появился злой Черный Отшельник и справиться с ним может только Перлесваус, что он и делает. После того как лес освобожден, Перлесваусу дается откровение, что теперь святые отшельники могут возвращаться, но каждый должен взять себе по одной святыне из замка. Голос сообщает ему, что больше Грааль не появится в замке, но очень скоро ему дадут весточку, где он находится, и пришлют ладью. Именно так все и происходит. Перлесваус уплывает на ладье, а над замком Грааля водят хоровод ангелы.

Таким образом, сугубо богословский спор стал поэмой о Пресуществлении.

Во всех изложенных выше историях о Граале, чем бы он ни был, речь идет о чаше и только о ней. Но проходит буквально несколько лет, и появляется еще одна великая поэма о Граале. И ней он внезапно предстает в иной форме. Теперь наш Грааль — камень.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАМЕНЬ. ЗАМОК. КОВЧЕГ

По направлению к Гиоту

———

Теперь из области кельтской мифологии и апокрифического Востока переместимся на южные земли Франции. Именно там стоит искать корни поэмы Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Считается, что она написана немногим позже Перлесвауса, между 1205 и 1220 годами. И написана она не французом, а немцем. Причем, что очень интересно, немец изо всех сил стремится вернуться к первоначальному тексту «Персиваля», то есть даже не к тексту самого основоположника этой суеты вокруг Грааля, а источникам этого текста, дополнив его своими сведениями. Здесь речь идет не еще об одном сюжете Грааля, а о структуризации сюжетов как таковых: ко времени Вольфрама сказаний о чаше появилось столько, что стала теряться, как он считал, подлинная история Грааля. Вольфрам был остроумным, веселым и искренним человеком, и вряд ли его устраивало то дидактическое направление, которое стали принимать поэмы о Граале. К тому же, зачтем ему это как высшее из средневековых достоинств, он не был фанатиком. Скорее наоборот: к любому фанатизму он относился с крайним неприятием. Так что превращение Граали и песни о Евхаристии было противно этой бурной и честной душе. Совсем не случайно его современники, видевшие в истории о Граале отличный дидактический материал дли полной христианизации Грааля, называли его текст темным и предлагали искать разъяснения в книгах по черной магии — они чувствовали, что поиски Вольфрамом истоков легенд о Граале уводят его в совершенно нежелательную сторону. Куда же вели его эти поиски?

На землю Прованса. Ведь Вольфрам сам считал себя миннезингером, а родные братья миннезингеров — трубадуры — были родом из Южной Франции: Лангедока, Аквитании, Прованса. Если учесть, что эти южные корни были у Кретьена де Труа, то вполне понятно, почему Вольфрам несколько раз уточняет, что рассказанная им история ближе всего к оригиналу, вся беда — незавершенная. Так что спустя сорок лет после рождения первого литературного Грааля немецкий поэт Вольфрам фон Эшенбах написал книгу с завершенным сюжетом о Граале. В ней есть все: и мотивация поступков героев, и введение в сам сюжет, и размышления автора о его времени (нелестные, однако), и волшебные приключения, и описание придворной жизни, и тайны Грааля, и такое отношение к вопросам веры, что диву даешься, как все это могло родиться во времена Крестовых походов. Неортодоксальные, скажем, отношение. А по тому, как он описывает вымышленные земли Юга и таковые же Севера, ясно: Юг он знал, зато с Севером было хуже. Так что Грааль Вольфрама — Грааль Юга. Среди своих источником — помимо Кретьена — он упоминает некоего знаменитого поэта Гиота или Гюйота, якобы все им писано именно с его слов и достоверных текстов, выполненных арабской вязью или же на языке Прованса. Какие тексты могли стать основой для Вольфрама? Есть ли то, чего мы не знаем?

Да, есть, если иметь в виду арабские тексты суфиев. Да, были, если иметь и виду тексты Прованса на языке ок. Но что касается последних — о них мы никогда и не узнаем, а почему — история еще впереди. Пока же скажем проще: текстов не сохранилось, как нет больше и того языка, на котором говорила Южная Франция. Но во времена Вольфрама это был настоящий, прекрасный, живой язык. На нем шутили, слагали стихи и оплакивали погибших. XI–XII века для Южной Франции в эстетическом контексте были золотыми. О Вольфраме мы знаем, что он умер где-то около 1220 года, так что он еще мог слышать и читать настоящие тексты Юга. Но почему тогда мы ничего не можем сказать о его источнике — Гюйоте? Почему до нас не дошли его тексты? И кто был этот Гюйот? Личность разыскиваемого, как говорится, не была установлена. Свидетелей нет. Настолько нет, что исследователи нередко даже считают, что его придумал сам Вольфрам… для пущей убедительности. Я так не думаю. Вольфрам, когда говорит о современниках-литераторах, ничего не выдумывает, у него с этими творцами прекрасного свои счеты. И только Гюйота и Кретьена он указывает в качестве своих литературных источников в плане Грааля, и если был Кретьен, был и Гюйот. Наверно, стоит иногда доверять поэту, а не делать поспешных выводов. Вольфрам отмечает, что имя Гюйота было отлично известно его современникам, что он прославленный поэт, что его уважали и ценили. Вряд ли это мистификация. Гиот — был. И была история Грааля, рассказанная Гюйотом, а если шире — тем самым волшебным Югом, где явно побывал сам Вольфрам. Ведь Вольфрам, прежде всего, был немецким рыцарем, а если еще точнее — рыцарем-тамплиером. Учитывая, где могли находиться рыцари-тамплиеры в конце XII — начале XIII века, можно делать и какие-то выводы об источниках Вольфрама. Это либо земли Палестины (а Восток он знает!), либо земли Юга — почему бы не Прованс, Аквитания или Испания? На землях последней, кстати, рыцари много и успешно воевали, а прямое указание на книги из Толедо, которые поэт считает одним из источников легенды, вполне с этим выводом согласуются. Вольфрам путался в языке Прованса, он сам об этом говорит честно, но он не придумал легенд Прованса. Он там — бывал, это уж точно, а если еще точнее — какое-то время и жил. Очевидно, этот южный мир был для него совершенно родным. По духу, конечно, не по языку. Но что такое этот Юг?

Еретический Юг

Немец Вольфрам, оказавшись в южных землях, конечно, не мог не заметить, что там жизнь — другая. Там не было такой жесткой церковной догматики, какай существовала в

немецких землях, там не было заметно и власти Рима. Юг был свободомыслящим, насмешливым, остроумным. Юг был героическим и чистым. Вольфрам не мог его не полюбить всей душой.

Трудно сегодня даже представить, как отличался этот Юг от всего, что существовало рядом. В начале XIII века это было удивительное место. Если остальная часть Европы благодаря церкви пребывала во тьме, то тут расцветали науки, рождались литература и музыка. Именно в Лангедоке, а не в Италии, вспыхнула и погасла звезда эпохи Возрождения. Тут были школы, где обучали математике и астрономии, философии и медицине. Туг рождалась идея платонической любви и творили трубадуры. Тут воедино сплавлялось иудейское и арабское знание с античным наследством. Здешние города управлялись по римскому праву, как в золотом веке Римский империи. Города тут все примечательные — Нарбонна, Авиньон, Монпелье, Безье. И тут абсолютно торжествовали катары. Настолько, что в 1167 году в Тулузе прошел съезд альбигойцев, приехал болгарский епископ-еретик Никита и был создан устав новой веры для всей Южной Франции! Каким-то невероятным образом идея другого Бога и идея процветающей земли соединились, порождая свободомыслие, чего больше нигде вокруг не существовало.

Здесь было, собственно, то, что так хотели построить рыцари Храма на Святой Земле — свободное государство, богатое, счастливое, с настоящей, правильной, не католической верой! Южане считали себя истинными христианами, а Рим — той вавилонской блудницей, которая впервые была обличена в Апокалипсисе. Если Апокалипсис удалось как-то втащить в эсхатологическую пишу и сделать практически безвредным, намекнув, что речь там идет о языческом Риме и о конце мира язычников, которые служат Сатане, вообще, и недавно приобщенные к духовным ценностям северяне эту баланду скушали, то южане с их смешанным культурным наследием знали точно: речь о том самом Риме и той самой Церкви, извратившей учение подлинного Иисуса Христа. Именно на Юге пышным цветом расцвело то, что Римская церковь поспешила обозначить ересью манихеев.

Манихейство было основано в III веке нашей эры персом Сураиком из Ктезифона (218–276), которого называли Мани или Майес, в переводе — дух. Манихеи были дуалистами и рассматривали мир как битву между силами добра и зла. По этому учению Христос был духом света, и манихеи стремились добиться совершенства, чтобы уподобиться Христу. Тело в этом случае выступало как сила зла, с которой необходимо бороться. На основе ереси Майеса выросли еретические течения богомилов, а также катаров и альбигойцев, которые очень похожи и о которых речь пойдет ниже. Как писал Ч. Геккертон, «Майес, выкупленный из рабства богатой персидской вдовой, отчего его прозвали «сыном вдовы», а учеников его — соответственно «сынами вдовы», привлекательной наружности, сведущий в александрийской философии, посвященный в Митраические мистерии, проехал Индию, доезжал до границ Китая, изучил евангельское учение и таким образом жил среди религиозных систем, извлекая свет из всех и не оставаясь доволен ни одной. Он родился в благоприятную минуту, и его темперамент делал его способным к трудным и фантастическим предприятиям и планам. Обладая большой проницательностью и непреклонном волей, он понял обширную силу христианства и решился воспользоваться ею, скрыв гностические и каббалистические идеи под христианскими названиями и обрядами. Дня того чтобы придать этому учению вид христианского откровения, он назвался Параклетом, возвещенным Христом своим ученикам, приписывая себе, гностическим способом, превосходство над апостолами, отвергая Ветхий Завет и приписывая языческим мудрецам философию выше иудейской. Печальные умозрения дуализма, чистого и простого, вечность и абсолютное зло вещества, вечная смерть тела, неизменность принципа зла — вот что господствует в смеси, принявшей от Майеса свое название и смешивающей магизм с иудаизмом. Неведомый Отец, Предвечное Существо Зороастра, совершенно отвергается Манесом, который разделяет вселенную на две несогласуемые области: света и тьмы одну выше другой; но между ними большая разница: первый, вместо того чтобы склонить последнюю к добру, доводит ее до бессилия, побеждает, но не подчиняет и не убеждает ее.

Бог света имеет бесчисленные легионы воинов (эонов), во главе которых находятся двенадцать высших ангелов, соответствующих двенадцати знакам Зодиака. Сатанинское вещество окружено подобной же ратью, которая, будучи пленена прелестями света, старается завоевать его, поэтому глава небесного царства, для отвращения этой опасности, вливает Жизнь в новую силу и поручает ей стеречь границы неба. Эта власть называется «Мать Жизни», она и есть душа мира, «божественная*, первобытная мысль высшего существа, небесная «София» гностиков. Как прямое истечение из вечного, она слишком чиста, чтобы сливаться *с* материей, но у нее родится сын, первый человек, начинающий великую борьбу с демонами. Когда у человека недостает сил, «Живой Дух» является к нему на помощь и, отведя обратно в царство света, возносит выше мира ту часть небесной души, которая не заражена прикосновением к демонам — совершенно чистую душу, Искупителя, который привлекает к себе и освобождает от материн свет и душу первого человека. В этих темных доктринах кроется митраическое поклонение солнцу. Последователи Манеса разделялись на «избранников» и «слушателей»; первые должны были отказаться от всяких телесных наслаждений, от всего, что может помрачить в нас небесный свет; со вторыми обращались не так сурово. Оба могли достигнуть бессмертия посредством очищения в обширном озере, находившемся на луне (крещение небесной водой), и освящения солнечным огнем (крещение небесным огнем), где витают Искупитель и блаженные духи. Карьера Майеса была неудачной и бурной — предвестие бурь, которые должны были возникнуть против его секты. Пользуясь непостоянной милостью двора и приобретя славу искусного врача, он не мог спасти жизнь одного из сыновей царя. Оп был изгнан и странствовал по Туркестану, Индостану и Китайской империи. Год он прожил в пещере, питаясь травами, а в это время его последователи, не получая известий, говорили, что он вознесся на небо, и им верили не только «слушатели», но и народ. Новый царь призвал его ко двору, осыпал почестями. воздвиг для него пышный дворец и советовался с ним обо всех государственных делах. Но преемник этого второго царя заставил его дорого поплатиться за это короткое счастье, потому что подверг его жестокой смерти. Таким образом, Майес (Мани) стал мучеником, и многие верили, что он не погиб, а вознесся на небо. Поскольку один прецедент уже имелся — Иисус, то и Майеса многие стали считать еще одним воплощением бога. Сведения в ту пору, сами понимаете, доходили нерегулярно и за время путешествия сильно видоизменялись, так что появилось множество учеников Мани, которые свидетельствовали и о последующем чуде воскресения. Наиболее подверженными такому восприятию оказались южные части Европы, Малая Азия и север Африки. В Болгарии появились богомилы, в Ломбардии — патерийцы, манихейство имело огромный успех в Испании и даже в самой Италии, а на юге Франции, смешавшись с уже известным нам иудейским миросозерцанием ессеев, оно приобрело еще более сложную форму и стало называться альбигойством и катаризмом. Между прочим, сколько церковь с последователями Мани ни боролась, по именно благодаря манихеям началась европейская реформация, и уж точно и хорошо всем известно, что манихеями были воины-гуситы, и шли они в бой, возглавляемые Яном Гусом и Яном Жижкой под знаменем Мани, изображавшим Чашу, и девизом Мани — «Бог есть любовь».

Ничего не напоминает?

Девиз тамплиеров был именно тиков: «Да здравствует Бог Святая Любовь». Откуда он у тамплиеров? Как откуда? С их южной родины. Именно юг Франции — Лангедок, Гасконь, Прованс, — откуда родом первые рыцари Храма, был охвачен ересями катаров и альбигойцев. Рыцарь Вольфрам дружил с этими мятежными храмовниками. Он упоминает их в своей поэме, правда, под измененным именем, но почему? Тут не нужно обладать сообразительностью, нужно всего-то знать историю. Связать тамплиеров и еретиков Юга даже в литературном произведении было нельзя, приходилось… играть словами, О, наш Вольфрам умел это делать лучше всего! У него были в этом плане волшебные учителя — южные трубадуры, которые искусно зашифровывали свои религиозные песни, используя синонимические ряды. И тогда стихи о Прекрасном Даме звучали совсем не так безобидно,

как на первый взгляд. Потому что Прекрасной Дамой трубадуров была Катарская церковь. Конечно, не все стихи шифровались, и о прекрасных женщинах тоже написано немало, ведь на Юге женщина была свободным человеком, в ней видели личность. Прочтите Эшенбаха, и вы сами все поймете.

Катарский Грааль

Сами катары катарами себя не называли. «В течение долгого времени считалось, — говорит историк катаризма М. Рокеберт, — что термин «катары» происходит от греческого «Katharos», что означает «чистый». Сегодня нет сомнений, что сами катары никогда себя так не называли. Этот термин по отношению к ним употреблялся только их врагами, и, как мы можем судить, использовался в оскорбительном смысле немецким монахом Экбертом из Шонау, впервые упомянувшим его и своих проповедях в 1163 году. Через тридцать пять лет католический критик Алан Лилльский пишет, что им давали такое прозвище от латинского слова «catus» — кот, потому что, «как о них говорят, когда Люцифер является им в образе кота, они целуют его в зад…» Это оскорбление объяснялось тем, что катары приписывали творение видимого мира принципу Зла, а во многих средневековых традициях, особенно в Германии, кот был символическим животным Дьявола. Распространялись слухи, что если катары считают, будто мир создан Дьяволом, то они и поклоняются ему в образе кота, — хотя на самом деле катары как никто были далеки от поклонения Дьяволу. Следует заметить, что средневековое немецкое слово Ketter, означающее «еретик», происходит от слова Katte — «Кот» (в современном немецком языке Ketzer и Katze). Дуалистам также давали и другие прозвища: если в Германии их называли «катарами», то во Фландрии «попликанами» и «пифлами», в Италии и Боснии «патаренамн», на Севере Франции — «буграми» млн «булграми» — особенно оскорбительное выражение, которое означало не только «болгары», но часто являлось синонимом слова «содомиты». Но им давали также и необидные прозвища. Например, в регионе Ок их часто называли «ткачами», потому что они предпочитали эту профессию. Использовали также региональные обозначения: «еретики из Ажена, Тулузы, Альби…» Последнее слово, вместе со словом «катары», приобрело огромную популярность, и с течением времени слово «альбигойцы» стали эквивалентом слова «катары», и им стали называть людей, проживающих далеко от региона Альбижуа… Однако сами себя катары называли «христиане» и «добрые христиане». Обычные верующие иногда называли их «совершенными», «добрыми людьми», но особенно часто употреблялось слово «друзья Божьи», о чем очень много свидетельств в Лангедоке XIII столетия. Это был буквальный перевод славянского слова «богумил». Так что будет абсолютно справедливо и в соответствии со словарем того времени называть эту дуалистическую Церковь, известную как «богомилы» на Балканах и «катары» на Западе, «Церковью Друзей Божьих».

В целом учение катаров и альбигойцев весьма простое. Они считали, что земная жизнь служит только для подготовки для вступления в Царство Божие и душа человека, заключенная в телесную оболочку, должна достигнуть очищения, чтобы Бог позволил ей вернуться на небеса. Способ достижения этой цели — простая жизнь, уединение, чистота мыслей и поступков, по возможности отказ от плотских радостей. Конечно, простая жизнь была строгой и аскетической, а уединение было более похоже на отшельничество, нередко с обетом молчания, но если учесть, насколько развращенной и непривлекательной была в то время официальная церковь, то вполне понятно, почему жители французского Юга отдавали предпочтение учению катаров — искреннему и одухотворенному. Бог, а которого верили катары, не был тем странным триединым божеством, которое изобрела в ходе долгих дебатов в раннем Средневековье христианская церковь. Это был бог Света, который не посылал своего сына умирать на кресте. Для катаров сам крест не был священным символом,

поскольку использовался как орудие пытки. Бог катаров был добрым Богом, а тот Бог, которым бы допустил смерть своего сына на кресте, — Сатана. Просветление, которого добивались катары, не обреталось молитвами кресту и распятому сыну, его можно было достичь только собственными силами, раскрывай свою душу навстречу Единому Богу (а не Троице), путем индивидуального общения с этим Богом-Абсолютом. В этом плане вера катаров напоминает веру ессеев, которые тоже говорили об индивидуальном пути к Богу и считали, что «чистая» жизнь способствует просветлению души. И те и другие излагали свое учение в аллегорической форме, почему можно предполагать, что источником для такого мировоззрения служили какие-то древние еврейские тексты. И тут важно вспомнить, что юг Франции долгое время был тем местом, куда бежали еврейские эмигранты, и особенно — члены кумранской общины ессеев, которая была известна в I веке как община Дамаска (так называлось местечко, где ессеи жили). Если верить даже каноническим Евангелиям, подчищенным церковью до предела, то в них упоминается брат Христа Иаков. Считается, что именно Иаков был руководителем общины ессеев. И тогда совсем не случайно один из первых рыцарских орденов получил название Ордена Святого Иакова. Это имя для жителей Ближнего Востока и неортодоксальных христиан значило очень много. Многие ессеи вынуждены были из-за гонений переселиться на юг Франции — вот вам и корни катаров… и первых рыцарей-монахов. Вполне вероятно, из последователей ессеев вырос Орден Сиона, который и вырастил рыцарей-тамплиеров, яковитов и рыцарей Гроба Господня. На протяжении тысячелетия потомки есссев хранили свою истинную веру и помнили свою истинную историю.

Но вернемся к катарам и альбигойцам.

Катары считали, что церковь сознательно извратила христианство, и уподобляли ее синагоге Сатаны. По их мнению, между Богом и человеком не должно быть посредника, и все церковные таинства — только способ заморочить разум человека и владеть его душой, отвратить ее от истинного пути просветленных. Они не верили, что души умерших попадают в чистилище, считали ненужными и вредными существование икон и крестов, потому что в них нет ничего святого и они не помогут человеку стать лучше и чище. А уж о взимаемой церковью десятине и речи не шло, поскольку это явное доказательство того, что церковь — власть Сатаны. От зла и греха не может защитить святая вода, потому что она всего лишь вода и нет в ней никакой святой силы. Индульгенции не могут отпустить человеку грехи, потому что он пытается купить чистоту за деньги, а ее нельзя купить, ее можно только достичь. Они выступали против крещения водой, считая, что этого явно недостаточно, а крещение детей и вовсе отрицали, поскольку принятие веры — акт осознанный: «Злобная Церковь Римская, распространяя обман и выдумки, говорит о том, что Христос учил крестить материальной водой, как это делал Иоанн Креститель до того, как Христос начал проповедовать. Но это можно опровергнуть по многим пунктам; ибо если крещение, практикуемое Римской церковью — это то крещение, которому Христос научил их Церковь, тогда все те, кто не получил их крещения, будут осуждены. Ведь они крестят маленьких детей, которые не могут еще ни верить, ни видеть разницу между добром и злом, но и они без крещения, по их словам. будут осуждены. Кроме того, если крещение преходящей водой приносит спасение, тогда Христос пришел и погиб впустую, ибо еще до Него совершали крещение водой…. Что же касается двух крещений, Святой Павел ясно указывает, что только одно приносит спасение, говоря (Еф. 4,5): «Одна вера, один Господь, одно крещение», и Святой Лука в Деяниях Апостолов описывает, каково крещение, практикуемое Церковью Божьей, и хорошо показывает, какую цену доводилось платить апостолам, соглашаясь на крещение водой, говоря (Деян. 19,1–6): «Когда Павел прибыл в Эфес, то нашедши там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Духа Святого, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святой. И Павел сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть в Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и когда Павел возложил на них

руки, низошел на них Дух Святой». Они верили, что крещение, совершенное недостойным человеком, не дает никакой благости (а учитывая моральное разложение современных им отцов церкви, приходилось признавать их правоту — не дает). Они отрицали церковное таинство брака, поскольку брак — это совершенно земное мероприятие и к жизни души отношения не имеет. Но основное разногласие было в признании-непризнании Евхаристии. Римская церковь утверждала, что повторение обряда Тайной вечери даст каждому причащающемуся «пресуществление» души. Катары в такую глупость не верили. Да, они освящали хлеб перед едой и разламывали его на части, чтобы достался каждому, но при этом они не нарекали хлеб плотью Христовой, они вообще избегали употреблять в пищу любую плоть, даже и символическую. Вместо всего изобилия церковных таинств они практиковали только крещение Огнем и святым Духом, разного рода такие крещения проводились простым наложением рук. Во власти церкви катары видели то, что и было на самом деле, — огромную машину, стремившуюся подчинить себе всех людей, которые имели несчастье получить крещение. Они воспринимали власть церкви как насилие. В XII–XIII веках вера катаров была первым мощным сопротивлением власти церкви, когда в еретиках внезапно оказалось население огромной территории, причем люди самых разных сословий — крестьяне, горожане, рыцари и даже крупные феодалы. Поскольку официальная церковь заклеймила катаров как еретиков, то они создали систему управления своими сторонниками и систему тайных храмов.

Одетые в белые одежды, со светящимися глазами и одухотворенными лицами, «совершенные» настолько напоминали монахов первого века христианства. что их обаянию поддались цистерианцы и бенедиктинцы. Недаром они — немногие из монахов — носили под черным одеянием белую рясу с капюшоном. Белый цвет — цвет чистоты. Этот же цвет избрали для себя тамплиеры, правда, увенчав грудь или левое плечо алым крестом — чего бы никогда не сделал ни один катар. Тамплиерское стремление к совершенству многим напоминает аналогичное устремление катаров. Только, в отличие от рыцарей в белых плащах, катары бы никогда не взяли в руки оружие, предпочитая быть с убитыми, но не с убивающими. В тексте под условным названием «Апология», написанном на окситанском языке, об убийстве говорится следующее: «Эта Церковь (катарская — *авт.)* остерегается убийств и не воспринимает убийства ни в каком виде. Истинно сказал Господь наш Иисус Христос (Мт 5, 21–22): «Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюдай заповеди». И еще Он сказал (Мт. 5, 21–22): «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай», «кто же убьет, подлежит суду», а Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». И Святой Павел сказал: «не убивай*. И Святой Иоанн писал апостолам (1Ио 3,15): «Вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной.» И в Апокалипсисе сказано (Апок. 22,15): «Убийцы за воротами святого города». И еще сказано (Апок. 21,8): «Убийц участь в озере, горящем огнем и серою». И Святой Павел писал римлянам об одержимых жаждой убийства, противоречащих, обманывающих и злобствующих (Рим. 1,32): «Они знают, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но и делающих одобряют». Поэтому не стоит видеть в тамплиерах переодетых катаров. Впрочем, разделять какие-то катарские воззрения на религию тамплиеры могли, и, скорее всего, разделяли. Дело в другом — с мечом и руке они просто не могли быть «совершенными»!

«Число «совершенных» (perfecti) еретиков — писал Отто Ран в «Крестовом походе против Грааля», — вероятно, было небольшим. Ко времени Первого крестового похода (в период расцвета катаризма) их насчитывалось не более семи-восьми сотен. Это не должно вызывать удивление, поскольку их доктрина требовала отказа от всего земного и длительных аскетических занятий, приводящих к подрыву телесного здоровья даже самых физически крепких людей. Намного больше было число «верующих» (credentes). Вместе с вальденсами (последователями лионского купца XII века Петра Вальдо, желавшего возродить первобытную чистоту христианских нравов) их было больше, чем правоверных католиков, принадлежавших почти исключительно Римско-католической церкви. Конечно же, все

сказанное относится только к Южной Франции. Верующих катаров называли также просто «христиане». Подобно друидам, катары жили в лесах и пещерах, проводя почти все время в богослужениях. Стол, покрытый белой тканью, служил алтарем. На нем лежал Новый Завет на провансальском наречии, открытый на первой главе Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Служба отличалась такой же простотой. Она начиналась чтением мест из Нового Завета. Потом следовало «благословение». Присутствующие на службе «верующие» складывали руки, опускались на колени, трижды кланялись и говорили «совершенным»: — Благословите нас. В третий раз они прибавляли: — Молите Бога за нас, грешных, чтобы сделал нас добрыми христианами и привел к благой кончине. «Совершенные» каждый раз протягивали руки для благословения и отвечали: — Diaus Vos benesiga («Да благословит вас Бог! Да сделает нас добрыми христианами и приведет вас к благой кончине»). После благословения все читали вслух «Отче наш» — единственную молитву, признаваемую в Церкви Любви. Вместо «Хлеб наш насущный дашь нам днесь» они говорили: «Хлеб наш духовный…», потому что просьбу о хлебе земном в молитве они считали недопустимой».

/…/ — Нет одного бога, — считали катары, — есть два, которые оспаривают господство над миром. Бог Любви и Князь Мира Сего. По духу, составляющему его величие, человек принадлежит первому, по бренному телу он подчиняется второму…»

/…/ — Мир существует вечно, — утверждали катары, — он не имеет ни начала, ни конца… Земля не могла быть сотворена богом, ибо это значило бы, что бог сотворил порочное… Христос никогда не умирал на кресте, евангельский рассказ о Христе является выдумкой попов… Крещение бесполезно, ибо оно проводится над младенцами, не имеющими разума, и никак не предохраняет человека от грядущих грехов… Крест не символ веры, а орудие пытки, на нем распинали людей…»

К Иисусу у них было какое-то глубоко личное отношение. По словам Анны Бретон, «Отец отправил Своего Сына на землю не для страданий и смерти на кресте, а как посланца, принявшего образ человека, но не в отягощенной злом плоти. Словом Евангелия, «Благой Вестью», пришел Христос напомнить падшим ангелам о потерянном рае и о любви Отчей. И задачей апостолов было нести и распространять это послание пробуждения, адресованное всем людям. Кроме того, перед тем как вознестись, Христос научил апостолов правилам «закона жизни», то есть, «дороги справедливости и правды». Добрых людей, отказавшихся от насилия, лжи и клятв, — таинству, обеспечивающему спасение. Прямые наследники апостолов, Добрые Христиане, в свою очередь, претендовали на то, что они являются хранителями дара связывать и развязывать и отпускать грехи, который Христос передал Своей Церкви. Именно это является главным признаком христианской Церкви, и они демонстрировали это наследие, произнося «Отче Наш», благословляя и преломляя за своим столом хлеб Слова Божьего в память о Христе. Как и протестанты, они не верили в его реальное превращение в тело Христово».

Как пишет Генри Ли в книге «История инквизиции в Средние века», «…не было ничего привлекательного в учении катаров для людей чувственных, скорее, оно должно было отталкивать их, и если катаризм мог распространиться с поразительной быстротой, то объяснение этому факту нужно искать в недовольстве массы церковью за ее нравственное ничтожество и за ее тиранию. Хотя аскетизм, возводимый катарами в закон, и был совершенно неприменим в действительной жизни огромной массы людей, но нравственная сторона этого учения была поистине удивительна; и в общем основные его положения соблюдались в жизни строго, и остававшиеся верными церкви с чувством стыда в сожалении сознавались, что в этом отношении еретики стояли много выше их. Но, с другой стороны, осуждение брака, учение, что сношение между мужчиной и женщиной равносильно кровосмешению, и другие подобные преувеличения вызывали толки, что кровосмешение среди еретиков было обычным явлением; рассказывались небывалые истории о ночных оргиях, на которых сразу гасились все огни, а люди продавались свальному греху; а если после этого рождался ребенок, то его держали над огнем, пока он не испускал дух, а потом

из тела этого ребенка делали адские дары, обладавшие такой силой, что всякий, вкусивший их, не мог более выйти из секты».

Катары, конечно, никаких оргий не устраивали и младенцев над огнем не коптили, они были скорее аскетичны, как первые христиане или отцы-пустынники — отказывались от мяса, яиц. рыбы, молока, стремясь питаться только растительной пищей, или соблюдали очень строгий пост, если получали аналогичное крещению наложение рук (обряд посвящения), то стремились даже избегать прикосновения к женщине, чтобы не оскверниться грехом, молодым людям разрешалось в катарских общинах только однажды зачать и родить ребенка (грех, но мера вынужденная — иначе род человеческий угаснет), а потом друг к другу они не прикасались. Смерть в этом учении воспринималась как освобождение от оков плоти и приветствовалась, вот почему, когда начались гонения на катаров, то их мучителей ужасала готовность этих людей терпеть страдания и умереть, но не предать веры.

«Мы с трудом можем представить себе, — добавляет Ли, — что, собственно, в учении катаров порождало энтузиазм и ревностное искание мученической смерти; но никакое другое вероучение не может дать нам такого длинного списка людей, которые предпочитали бы ужасную смерть на костре вероотступничеству. Если бы было верно, что из крови мучеников родятся семена церкви, то манихеизм был бы в настоящее время господствующей религией Европы. Во время первого преследования, о котором сохранились известия, а именно — во время преследования в Орлеане в 1017 году, тринадцать катаров из пятнадцати остались непоколебимы пред пылающими кострами — они отказались отречься от своих заблуждений, несмотря на то, что им было обещано прощение, и их твердость вызвала удивление зрителей. Когда в 1040 году были обнаружены еретики в Монфорте, и миланский архиепископ призвал к себе их главу Джерардо, то последний не замедлил явиться и добровольно изложил свое учение, счастливый, что ему представился случай запечатлеть свою веру ценой жизни».

От той замечательной эпохи до нас дошли очень немногие катарские тексты. Наиболее известен документ из Каркассона под названием «Тайная книга альбигойцев». Датируется этот текст X–XII веками, он был очень популярен в то время и сохранился, к великому счастью, без искажений. О чем же в нем говорится? О поисках Пути. Текст имеет второе название: «Вопросы Иоанна на тайной трапезе Царя Небесного». Имеется в виду любимый катарами Иоанн Богослов.

Вопросы Иоанна, Апостола и Евангелиста, на тайной трапезе Царя Небесного: об устройстве этого мира, и о Творце, и об Адаме.

I *. Я, Иоанн, брат ваш, имеющий долю в несчастье и дали в Царствии Небесном чающий, сказал, когда возлежал я на груди Господа нашего Иисуса Христа: «Господи, кто предаст Тебя?» И отвечая, сказал Он: «Тот, кто вместе со Мною омочил руку в чаше. Тогда вошел в него Сатана и потребовал, чтобы он предал Меня».*

II *. И сказал я: «Господи, прежде чем пал Сатана, в какой славе пребывал он у Отца Твоего?» И сказал Он мне: «В такой славе был, что управлял силами небесными; Я же сидел возле Отца Моего. Он (Сатана) управлял всеми, следовавшими за Отцом, и нисходил с небес в преисподнюю, и восходил от низших до самого престола невидимого Отца. Он оберегал славу, что приводит в движение небеса, и замыслил поставить трон свой за облаками небесными, и пожелал уподобиться Вышнему. И когда низошел он в воздух, сказал ангелу воздуха: «Открой мне врата воздушные», и тот открыл ему врата воздушные. Стремясь вниз, он увидел ангела, который держал воды, и сказал ему: «Открой мне врата водные», и открыл ему. И, проходя сквозь пределы, увидел весь облик земли, покрытой водами. Проходя под землею, увидел он двух рыб, лежащих под водами; как быки, впряженные в плуг, они держали всю землю, повелением невидимого Отца, от захода до самого восхода солнца. А когда спустился еще ниже, увидел преисподнюю, которая есть род огня, и дальше не смог нисходить из-за пламени огня пылающего. И возвратился Сатана назад, исполнился злобы, подступил к ангелу воздуха и к тому, который был над водами, и сказал им: «Все это мое;*

если послушаете меня, поставлю трон свой над облаками и уподоблюсь Вышнему; удаляя воды с высоты этой тверди, заполню прочие места морями и потом не будет воды на лице земли, и воцарюсь, вместе с вами на веки веков». И, сказав это ангелам, взошел к другим ангелам, до пятого неба, и так говорил каждому из них: «Сколько ты должен Господу своему!» Тот сказал: «Сто мер пшеницы». И сказал ему Сатана: «Возьми перо и чернила и напиши: шестьдесят». И другому сказал: «А ты сколько должен Господу своему?» Тот ответил: «Сто кувшинов елея». И сказал Сатина: «Сядь и напиши: пятьдесят». И восходя на все небеса, вплоть до пятого неба, так говорил, прельщая ангелов невидимого Отца.

***III** . И раздался голос от престола Отца: «Что делаешь, отрицатель Отца, отвращающий ангелов? Делатель греха, быстро делай то, что задумал». Тогда повелел Отец ангелам своим: «Совлеките с них одежды». И совлекли одежды их и короны их-всех ангелов, которые, его (Сатану) слушали.*

И спросил я Господа: «Когда пал Сатана, в каком месте он стал обитать?» И ответил Он мне: «Отец Мой преобразил его за гордыню его, и отнят был от него свет, и стал облик его, как железо раскаленное, и как у человека, стал весь облик его: и увлек он хвостом своим третью часть ангелов Божиих, и был изгнан от трона Божия и от устроения небесного. И низойдя в эту твердь, не мог Сатана создать никакого покоя ни себе, ни тем, кто был с ним. И он попросил Отца: «Имей ко мне снисхождение, и все верну Тебе». И сжалился над ним Отец, и дал покой ему и тем, кто с ним был, насколько он пожелает, вплоть до семи дней.

***IV** . Тогда воссел Сатана на тверди и повелел ангелу, который был над воздухом, и тому, который был над водами, и подняли они вверх, в воздух, две части вод, а из третьей части создали пятьдесят морей, и свершилось разделение вод по предначертанию невидимого Отца. И вновь повелел Сатана ангелу, который был над водами: «Встань на двух рыб», и встал он, и подия. головой своей третью, и она явилась сухой. Когда принял Сатана корону от ангела, который был над воздухом, из половины ее создал трон свой, а из половины — свет солнца. Приняв же корону от ангела, который был над водами, из половины создал свет луны, а из половины — свет дня. Из камней создал он огонь, а из огня — все воинство и звезды. Из них создал он ангелов ветра, служителей своих, по образу Вышнего устроителя, и создал громы, дожди, град и снег, и послал на них ангелов — служителей своих. Земле же повелел, чтобы она произвола все живое; животных, деревья и травы. А морю повелел, чтобы произвело оно рыб и птиц небесных.*

***V** . Затем придумал Сатана и сотворил человека по своему подобию, и повелел ангелу третьего неба войти в глиняное тело. И взял от него часть, и сделал другое тело, в образе женщины, и повелел ангелу второго неба войти в тело женщины. Ангелы же горько возрыдали, увидев в себе смертный образ и будучи не сходного с ним образа. И повелел Сатана сотворить плотское дело в глиняных телах, и не поняли они, как сотворить грех. Тогда возбудитель зла умом своим задумал сотворить рай, ввести туда людей и запретить им выходить из него. И посадил диавол тростник в середине рая, и так скрыл свою выдумку негодный диавол, чтобы они не поняли его обман. И входил он, и так говорил с ними: «Вкушайте от всякого плода, который есть в раю, от плода же познания добра и зла не вкушайте». Диавол же вошел в змея негодного и обманул ангела, который был в образе женщины, и преисполнился брат его (Адам) желания греха с Евой в прославление змея. Потому называют сыновьями диавола и сыновьими змея тех, кто совершает желание диавола, отца своего, вплоть до скончания этого века. И вновь диавол излил в ангела, который был в Адаме, яд свой и желание, порождающее сыновей змея и сыновей диавола, вплоть до скончания этого века.*

***VI** . И затем я, Иоанн, спросил Господа: «Почему говорят люди, что Адам и Ева богом сотворены и помещены в раю, чтобы соблюдать предначертания Отца, и в то же время утверждают, что они смертны?» И сказал мне Господь: «Слушай, любезнейший Иоанн: неразумные люди так говорят, что Отец Мой лицемерно сотворил глиняные тела; но все силы небесные сотворил Он из Духа Святого, эти же два ангела по их вине были явлены с*

глиняными телами, и их называют смертными». И вновь я, Иоанн, спросил Господа: «Как же человек начинает бытие свое от духа, пребывая в теле из плоти?» И сказал мне Господь: «От падших ангелов небесных зачинаются в женских телах и получают плоть от желания плоти, и рождается дух от духа, а плоть от плоти; так осуществляется власть Сатаны в этом мире и во всех родах».

***VII** . И спросил я Господа: «Доколе Сатана будет властвовать в этом мире над сущностью людской?» И сказах мне Господь: «Отец Мой предоставил ему властвовать семь дней, которые суть семь веков». И спросил я Господа, и сказал: «Сколько это будет по времени?» И сказал Он мне: «Когда отпал диавол от славы Отца и от славы своей отказался, воссел он над облаками и послал своих служителей ангелов — огонь палящий — к людям, внизу пребывающим, от Адама и до Еноха, служителя своего. Вознес он Еноха на твердь небесную и показал величие свое, и повелел дать ему перо и чернила, и сев, написал Енох шестьдесят семь книг. И повелел Сатана, чтобы Енох отнес их на землю и передал сыновьям. И поместил Енох книги на землю, и передал их сыновьям своим, и начал обучать их, как совершать жертвоприношения и таинства противозаконные, и так сокрылось перед людьми Царство Небесное». И говорил мне Господь: «Узрите, что Я — Бог ваш, и нет другого Бога кроме Меня. Потому послал Меня Отец Мой в этот мир, чтобы Я объяснил людям и поняли бы они злую природу диавола. На то время, когда узнал диавол, что Я низошел с неба в мир, послал ангела, взял древесину от трех деревьев для распятия Моего и дал ее Моисею, и доныне она для Меня сохраняемся. Он же Моисей тогда предвозвещал о Божестве народу своему и повелел дать закон сынам Израиля, и вывел их посуху через море.*

***VIII** . Когда помыслил Отец Мой послать Меня о мир, послал передо Мной ангела Своего, по имени Мария, чтобы Она приняла Меня. Я же, нисходя, пошел в Нее через слух и через слух вышел. И узнал Сатана, властелин мира сего, что нисхожу Я разыскивать и спасать погибающих, и послал ангела-Илию-пророка, которого называют Иоанн Креститель, крестящего водой. Илия же спросил властелина мира сего: «Как смогу я Его узнать?» Тогда Сам Господь сказал: «Над кем увидишь ты Духа, нисходящего подобно голубю и на Нем пребывающего, Тот будет крестить Духом Святым во избавление от грехов. Тот имеет власть уничтожать и спасать».*

***IX** . И снова я, Иоанн, спросил Господа: «Может ли человек спастись через крещение Иоанново, без Твоего крещения?' И ответил мне Господь: «Если Я не окрещу во избавление от грехов, через крещение водное никто не сможет увидеть Царство небесное, ибо Я — хлеб жизни, нисшедший с седьмого неба, и те, кто едят плоть Мою и пьют кровь Мою, те назовутся детьми Божьими». И спросил я Господа, и сказал: «Что значит «есть плоть Мою и пить кровь Мою?» И сказал мне Господь: «Прежде чем отпал диавол со всем его воинством от славы Отца, они в молитвах своих прославляли Отца такими словами: «Отче наш, который на небесах», — и все их песнопения восходили к престолу Отца. А когда пали они, уже не могли славить Бога этой молитвой». И спросил я Господа: «Почему все принимают Иоанново крещение. Твое же крещение принимают не все?» И ответил Господь: «Ибо дела их злы и не проходят они к свету. Ученики Иоанна вступают в брак и организуют браки. Мои же ученики не делают ни того, ни другого, но пребывают как ангелы Божии на небе». Я же сказал: «Ведь если от женщины грех, то человеку нет пользы от брака». Господь же сказал мне: «Не все вмещают эти слова, только те, кому дано, ведь есть скопцы, которые тиковыми рождаются из материнского лона; есть скопцы, которых оскопили люди; и есть скопцы, которые сами себя очистили для Царствия Небесного. Кто может вместить, да вместит».*

***X** . Я же спросил Господа о дне судном: «Каким будет знамение пришествия Твоего?» И, отвечая, сказал Он мне: «Когда составится число праведных, то есть праведных бренных царей, тогда будет выпущен из темницы своей Сатана, гнев великий имеющий, и начнет борьбу с праведниками, и воззовут они ко Господу великим гласим. И тотчас повелит Господь ангелу, чтобы запела труба. Трубный глас архангела небесного будет услышан до преисподней. Тогда затмится солнце, и луна не даст свой свет, звезды падут,*

сорвутся четыре ветра с оснований своих и заставят одновременно трепетать землю и море, горы и холмы. Тотчас затрепещет и небо, и затмится солнце, которое будет светить до четвертого часа. Тогда явится знамение Сына Человеческого и с Ним все святые ангелы, и утвердит престол Свой над облаками, и воссядет над семью славами величия Своего с двенадцатью апостолами на двенадцати престолах славы Своей. И явятся книги, и будет судить Христос весь мир, и исполнится то, что было предсказано. Тогда пошлет Сын Человеческий ангелов Своих, и соберут они избранников Его от четырех ветров, от высших небес, вплоть до пределов их, и низойдут ангелы, чтобы их искать, и вознесут с собою на воздух над облаками. Тогда пошлет Сын Божий злых демонов, чтобы прислали они к Нему все народы, и скажет им: «Придите те, кто говорил: будем есть и пить, и стяжаем блага мира сего». И потом вновь они будут позваны, и предстанут все перед судом — все народы, объятые страхом. Явятся книги жизни, и станет явным бесчестие всех народов. И прославит Христос справедливых за их терпение и добрые дела, славу, честь и непорочность, когда окружали их гнев и возмущение, несчастье и нужда. И выведет Сын Божий избранных Своих из средоточия греховного и скажет им: «Придите, блаженные Отца Моего, владейте Царством, уготованным для вас от основания мира». Затем грешникам скажет: «Отойдите от Меня, злоречивые, в вечный огонь, уготованный диаволу и ангелам его». А остальные, видевшие последнее разделение людей, прогонят грешников в преисподнюю по велению невидимого Отца. Тогда выйдут духи из темниц неимоверных и будет услышан голос Мой, и станет одна овчарня и один Пастырь. Выйдет из недр земных мрачная тьма-тьма геенны огненной, и выгорит Вселенная от недр до воздуха тверди небесной. И Господь пребудет в тверди вплоть до недр земных. Глубина же бездны огненной, где будут обитать грешники, такова: если человек тридцати лет от роду поднимет камень и бросит вниз, он едва через два года достигнет дна.

XI *. И тогда будут связаны Сатана и все воинство его и посланы в бездну огненную. И сойдет Сын Божий с тверди небесной, и заключит Сатану, сковав его крепкими оковами, не разрываемыми. Тогда грешники в рыдании и скорби скажут: «Поглоти нас, земля, укрой нас, смерть», праведники же воссияют как солнце и Царстве Отца своего. Приведет их Христос к престолу невидимого Отца и скажет: «Вот Я и дети Мои, которых дал Мне Бог. О Праведный! Мир Тебя не познал: Я же познал тебя воистину, ибо Ты послал Меня». Тогда ответит Отец Сыну Своему: «Сын Мой возлюбленный! Сядь одесную Меня, пока не повергну врагов Твоих к подножию Твоему, тех, кто отвергал Меня и говорил: «Мы — боги, и нет другого Бога, кроме нас»; тех, кто пророков Твоих убивал и преследовал праведников Твоих; и Ты прогонишь их во тьму внешнюю. Там будет плач и скрежет зубов». Тогда воссядет Сын Божий одесную Отца Своего, и Отец даст повеление ангелам Своим, поведет их и расположит их хорами ангельскими, чтобы одеть их одеянием непорочным, и даст им неувядаемые венцы и престолы непоколебимые, а Бог посередине пребудет. И не будут они испытывать ни голод, ни жажду, солнце не зайдет над ними и никакой зной не будет их мучить. Бог осушит каждую слезу на их глазах, и Сын воцарится с Отцом на веки веков».*

Как видите, это совершенно иное, неортодоксальное понимание веры: и рождается дух от духа и плоть от плоти, и плоть и этом контексте — то, что мешает духу достичь совершенства. Настоящее крещение дается не водой, а светом. Ради достижения света человек может полностью отказаться от своего греховного тела. По катарскому или альбигойскому убеждению, в безвыходной ситуации самоубийство — тоже путь к свету. Поэтому и мученическая смерть на костре воспринималась ими не как смерть, а как освобождение. Они шли в этот свет, где будут рядом с Богом, с радостью, как на праздник. Примерно так же, как современные шахиды выбирают путь к богу, разрывающий их тела на части, чтобы потом, исполнив долг веры, они оказались там, где нет ни голода, ни жажды, ни зноя, ни тьмы, а есть только свет, свет, свет. Единение в вечном свете.

Еще один интересный документ прошлого, оставленный нам катарами, — так

называемый *Лионский ритуал,* своего рода катехизис катаров, и котором расписано, что и как нужно выполнять, чтобы таинства совершались правильно. Этот документ был написан на окситанском языке — ныне, увы, таком же мертвом, как язык хеттов.

Простыми словами исповеди обращались катары к Богу:

«Предстали мы пред Господом, и перед вами, и перед орденом Святой Церкви, чтобы принести покаяние и получить прощение всех грехов наших, совершенных на деле, и на словах, в мыслях и поступках, с рождения, и до дня сегодняшнего, и просим милости Божьей и вашей, дабы вы молили за нас святого Отца милосердного простить нас.

Поклонимся же Господу и покаемся в прегрешениях наших многих и тяжких перед Отцом, и Сыном и почитаемым Святым Духом, и почитаемыми нами святыми Евангелиями, и почитаемыми святыми апостолами, с молитвою, верою, и с упованием на спасение, кое ожидает христиан добродетельных и достославных, и блаженных усопших предков, и братьев, здесь присутствующих, и молим Тебя, святой Господь, дабы Ты простил нам все грехи паши.

Benedicite, parcite nobis.

Ибо велики грехи паши, кои совершали мы ежедневно и еженощно, велики каждодневные прегрешения паши, содеянные и на деле, и на словах, и в мыслях, вольно или невольно, а более всего по собственной воле, кою злые духи внушали плоти нашей, в которую мы облечены.

Benedicite, parcite nobis.

Господь святым словом Своим наставляет нас, а также святые апостолы и братья наши духовные: они говорят нам, чтобы отбросили мы всяческие желания плоти, и очистились от всякой скверны, и исполняли бы волю Господа, и творили бы благо и добро; но мы, служители нерадивые, не только не исполняем наставлений сих, как подобает исполнять, по часто потакаем желаниям плоти нашей и мирским заботам предаемся, нанося тем самым вред духу нашему.

Benedicite, parcite nobis.

В миру мы ходим имеете с людьми разными, и пребываем вместе с ними, и разговариваем, и едим, и прегрешений совершаем множество, чем причиняем пред братьям нашим и душе нашей.

Benedicite, parcite nobis.

Слова наши суетны, беседы пусты, и мы смеемся, шутим и злословим о братьях и сестрах, коих ни судить, ни осуждать мы недостойны, и грехи братьев и сестер не дано осуждать нам, ибо среди христиан доподлинно мы являемся грешниками.

Benedicite, parcite nobis.

Служение, кое было нам заповедано, мы не исполняли так, как его следовало исполнять, не соблюдали ни пост, ни молитву днями, отведенными нам для дел благочестивых, мы пренебрегли, и часов, для молитв предназначенных, не соблюдали; когда мы творим святую молитву, чувства наши заняты плотским, а мысли исполнены мирских забот, и до того поглощены мы мирским, что уже не знаем, какое слово возносим мы к Отцу всех праведных.

Benedicite, parcite nobis.

О благой и милосердный Господь, во всем, в чем повинны чувства и мысли наши, мы исповедуемся Тебе, святый Боже; премного согрешили мы, но уповаем на милость Господню, и на святую молитву, и на святое Евангелие. Ибо тяжки грехи наши.

Benedicite, parcite nobis.

О Господи, осуди и покарай пороки плоти нашей, обреченной на тлен и разрушение. Но возымей сострадание к душе, заключенной в темнице плоти, и дай нам дни и часы, и коленопреклонения, и посты и молитвы и проповеди, как это заведено у добрых христиан, дабы мы не были осуждены в Судный День как нечестивые и предатели.

Benedicite, parcite nobis».

Для нас, людей XXI столетня, исповедь катаров не отличима от исповеди любого иного

правильного христианина. Но в XIII веке она звучала как вызов Римской церкви. Разве что духовное крещение кажется нам сегодня странным обрядом, не похожим на традиционный, но и то потому, что некоторым образом похоже на ритуал вступления в тайное общество. Но то общество, куда принимается таким образом неофит, — это не секта, а церковь, и неофит в ней становится не любопытствующим, а полноправным членом. Такое крещение у катаров называлось *Consolament.*

«Если настало ему (неофиту) время получить духовное крещение, он должен совершить melihorier и принять Книгу из рук Старшего. Старший же должен прочесть ему наставление и назидание согласно ритуалу, как это пристало делать при крещении духовном. Должен же Старший сказать так:

«Господин Пейре (предположительное имя неофита), желаете ли Вы получить духовное крещение и Святое Слово через возложение рук добрых людей, посредством которого в Божьей Церкви нисходит Святой Дух? О крещении этом Господь наш Иисус Христос говорит своим ученикам в Евангелии от Матфея (28:19–20): «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Снятого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». Также говорит Он в Евангелии от Марка (16:15): «И сказал им: идите по всему миру, и проповедуйте Евангелие всей твари». И в Евангелии от Иоанна (3:5) сказал Он Никодиму: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие». И святой Иоанн Креститель (Ио. I: 26,27) говорил об этом святом крещении, когда сказал: «Я крещу в воде, но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то, идущий за мною, но Который стал впереди меня; я недостоин развязать ремень у обуви Его». И в Деяниях апостолов (1:5) Иисус Христос говорит: «Ибо Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым». Это святое крещение, получаемое посредством наложения рук, было установлено самим Иисусом Христом; так говорит об этом святой Лука; и святой Марк тоже говорит об этом, когда пишет, что друзья его станут делать так же: «Возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16:18). И Анания дал таковое крещение святому Павлу, когда тот обратился. А потом Павел и Варнава делали так во многих местах. Святой Петр и святой Иоанн дали святое крещение самарянам. Святой Лука так говорит об этом в Деяниях Апостолов (8: 11,17): «Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышавши, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, пришедши, помолились о них, и они приняли Духа Святого, ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого». Таковое святое крещение, при коем даруется Святой Дух, Церковь Божья сохранила со времен апостолов до наших дней, и оно до сих пор переходит от одних добрых людей к другим, и так будет до скончания веков. Также знать Вам надо, что власть дана Церкви Божьей связывать и развязывать, и прощать грехи, и оставлять их, как сказано об этом в Евангелии от Иоанна (20:21–23): «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся». И в Евангелии от Матфея (16: 18–19) говорит Господь Симону Петру: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата Ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». В другом месте (Мт. 18, 18–20) также говорит Он Своим ученикам: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы не попросили, то будет им от Отца Моего Небесного. Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». А еще в другом месте говорит Он: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов нагоняйте» (Мт. 10:8). И в Евангелии от Марка (16:17,18) говорит Христос: «Уверовавших же будут сопровождать эти знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не

повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». И в Евангелии от Луки говорит Он (10:19): «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов, и на всю силу вражию, и ничто не повредит вам». А Вы, если хотите получить таковую власть и таковую силу, должны соблюдать все заповеди Христа и Нового Завета, приложив для этого все свои силы. И знайте, что заповедал Господь человеку не совершать ни прелюбодеяния, ни убийства, ни лжи, не давать клятв, не красть и не брать чужого, и не делать другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали ему самому, и прощать того, кто причинил ему зло, и любить врагов своих, и молиться за хулителей своих и благословлять их, и если его ударят по одной щеке, подставить другую щеку, и если отнимут у него рубашку, отдать весь плащ, и не судить, и не осуждать, и многие другие заповеди, которые дал Господь Своей Церкви. И должны Вы презреть этот мир, и дела его, и все, что принадлежит миру. Святой Иоанн говорит в своем Первом Послании (2: 15–17): «Не любите ни мира, ни того, что есть в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что есть в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек». И Иисус Христос говорит разным народам: «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что я свидетельствую о том, что дела его злы» — (Ио. 7: 7). И в книге царя Соломона написано: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!» (Ек, 1:14). И Иуда, брат Иакова, говорит нам в Послании своем, дабы мы знали: «Гнушайтесь даже одеждою, которая осквернена плотию» (Иуд. 23). Многие примеры мы привели, и можно привести еще множество, а потому надобно Вам исполнять заповеди Господни, и не любить этот мир. И если Вы станете соблюдать все, что я говорю Вам, мы можем надеяться, что душа Ваша обретет вечную жизнь». На это неофит должен ответить: «Да, на то моя воля, молите за меня Господа, чтобы Он дал мне Свою силу». Затем добрый человек, который представляет неофита, совершает melihorier перед Старшим и говорит: «Parcite nobis. Добрые христиане, просим вас во имя любви к Господу даровать Добро, полученное от Него, нашему другу, присутствующему здесь». Затем верующий совершает melihorier и говорит: «Parcite nobis. За все грехи, кои я мог сотворить, или сказать, или помыслить, или совершить, я прошу прощения у Бога, у всех вас и у Церкви». И тогда христиане должны ответить: «От имени Бога, и нашего, и Церкви, пусть грехи будут Вам прощены, а мы станем молить Бога, чтобы простил их Вам». Затем они должны дать ему духовное крещение. Старший должен взять Книгу и возложить ее неофиту на голову, а другие добрые люди должны возложить на Евангелие правые руки и произнести Parcias, трижды Adoremus и затем сказать: «Pater sancte, susciper servum tuum in tua iusticia et mite gratiam tuam e spiritum sanctum tuum super eum» («Отче Святый, прими слугу Своего в справедливости Своей и ниспошли на него благодать Твою и Духа Святого»). Затем все обращаются к Господу с молитвою, а тот, кто руководит обрядом, шепотом шестикратно читает Pater noster (sezena). А когда sezena будет прочитана, все должны трижды произнести: «Adoremus, gratia и parcias». Далее все должны совершить обряд примирения друг с другом (поцелуй мира) и с Евангелием (поцеловать Евангелие). Этот же обряд совершают и простые верующие, если они присутствуют, а если среди них есть женщины, то и они также обмениваются «поцелуем мира» друг с другом и целуют Евангелие. И затем все христиане опять обращаются к Господу, дважды повторив Снятое Слово (dobla) и совершают veniae (коленопреклонение и поклон). И неофит уже может молиться имеете с ними».

Ритуал духовного крещения, между прочим, выдержан в лучших традициях апостольской катакомбной церкви! Это своего рода передача Снятого Духа от тех, кто уже приобщен, тому, кто только начинает духовный путь. Откуда это у катаров? И не забывайте, где они живут. Духовное крещение — это наследие иудейской древности, принесенное переселенцами, имевшими в предках жрецов Иерусалимского храма. Кстати, к иному пониманию христианства приходили не только на юге Франции. В 1210 году случился скандал и Парижском университете (ох, правы были короли и Папы: университеты — они всегда рассадники ереси и вольнодумства!). Современный французский историк Ашиль

Люшер передает этот инцидент так: «В 1210 г. Парижский университет пережил один из самых серьезных кризисов. То, чего опасались подозрительные умы и противники научного прогресса, произошло. Под сенью монастыря Богоматери в университет постепенно просочилась ересь. Магистр искусств, ставший теологом, Амальрик Венский, или Шартрский, открыто поучал, что каждый христианин есть частица Христа, а следовательно — часть Божества, и доходил до крайности в своем пантеизме. Теологи, верные ортодоксальному учению, взволновались. Амальрик, подвергшийся нападкам и осужденный всеми своими коллегами, по требованию университета, пожаловавшегося в Рим, вынужден был поехать объясняться с Папой. Иннокентий III, услыхав изложение его доктрины и противного мнения, которого придерживались посланники университета, в свою очередь осудил еретика. Последний возвращается в Париж, и там перед собравшимся университетом его принуждают отречься. Заболев от огорчения и унижения, он вскоре умер, внешне примирившись с Церковью. Но его идеи пережили его самого. Пантеизм Амальрика Шартрского, распространяемый и развиваемый его учениками, положил начало новой религии, религии Святого Духа. Ветхий Запет был вытеснен Новым; но и время последнего миновало, и начинается воцарение Духа. Поскольку каждый христианин есть воплощение Святого Духа, частица Бога, таинства становятся не нужны, ибо достаточно милости Святого Духа, чтобы спасти весь мир. У этой доктрины, зародившейся в университетских теологических штудиях, были свои апостолы и мученики — университетские преподаватели. Ловкий маневр епископа Парижского и канцлера Филиппа Августа, брата Гарена, привел к разоблачению этих сект. В них почти все были магистрами, студентами теологии, дьяконами или священниками. Одному из них, Давиду Динанскому, составившему учебник доктрины, удалось вовремя бежать. Другие же были схвачены и предстали перед судом на Парижском соборе под председательством Пьера де Корбея, архиепископа Сансского. У нас есть текст постановления, вынесенного собором 1210 г. Было решено вырыть и выбросить с церковного кладбища тело магистра Амальрика, основоположника ереси, а память о нем уничтожить во всех приходах провинции. Из задержанных сектантов одни будут отрешены от должности и переданы в руки светских властей, двенадцать из них сожгут 20 декабря на равнине Шампо, прочие будут осуждены на пожизненное заточение. Пощадили только женщин и простолюдинов — убогие души, виновные лишь в том, что попали под влияние теологов. Наказание распространилось и на книги. Записки магистра Давида Динанского были публично сожжены. От инцидента пострадал даже Аристотель — в школах университета было запрещено под страхом отлучения изучать его естественную философию и комментарии к ней Аверроэса. Наконец, собор постановил считать еретиками всех, у кого обнаружат «Символ веры» и «Отче наш» в переводе на французский язык».

Если уж за столь малое прегрешение пострадали парижские теологи, то ересь катаров считалась гораздо более серьезной провинностью. Так что катаров сразу отправляли на костер. Но что гонителям казалось «уроком страха» для населения, — чего оно может ожидать в результате инакомыслия, то для самих катаров смерть от гонителя вызывала совсем иные чувства.

Катары, сожженные в Кёльне в 1163 году, произвели на всех глубокое впечатление тем радостным мужеством, с которым они встретили ужасную смерть. Когда они были уже в предсмертной агонии, то их глава Арнольд, по словам очевидцев, уже наполовину обгоревший, освободил руку и, протянув ее к своим ученикам, с невероятной кротостью сказал им: «Будьте тверды в вере вашей. Сегодня будете вы со святым Лаврентием». Среди этих еретиков была одна девушка поразительной красоты, возбудившая жалость даже у палачей; ее сняли с пылающего костра и обещали выдать замуж или поместить в монастырь; она сделала вид, что принимает предложение, и спокойно стояла, пока все ее товарищи не умерли мученической смертью; тогда она попросила своих сторожей показать ей прах «совратителя душ». Они указали ей тело Арнольда; тогда она вырвалась из их рук и, накрыв лицо платьем, бросилась на догоравшие останки своего учителя, чтобы вместе с ним сойти в преисподнюю.

А еретики, открытые в это же время в Оксфорде, решительно отказались покаяться, повторяя слова Спасителя: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Осужденные на медленную и позорную смерть, они, предшествуемые своим вождем Герардом, весело шли к месту казни и громко пели: «Будьте благословенны, ибо люди гонят вас!»

Во время крестового похода против альбигойцев, когда был взят замок Минервы, крестоносцы предложили своим пленным на выбор — отречение или костер; нашлось до 180 человек, которые предпочли смерть, по поводу чего монах, повествующий об этом, замечает: «Без сомнения, все эти мученики диавола перешли из временного огня в огнь вечный». Один хорошо осведомленный инквизитор XIV века говорит, что катары, если они не отдавались добровольно в руки инквизиции, всегда были готовы умереть за свою веру, и противоположность вальденсам, которые ради сохранения жизни не останавливались перед притворным отречением от ереси. Католические писатели изо всех сил стараются уверить нас, что непоколебимая твердость в убеждениях у этих несчастных не имела ничего общего с твердостью христианских мучеников, но была просто ожесточением сердца, внушенным Сатаной; Фридрих II ставит катарам в вину их упорство, так как благодаря ему наказание, наложенное на виновных, не устрашало других». Такая же жертвенность и аскетичность была свойственна и еврейским ессеям.

Но при чем вся эта катарская история и роман о Граале? О, при многом! Начиная с того, что Грааль, или греаль в переводе с окситанского — каменная чаша. Камень Вольфрама фон Эшенбаха.

Камень Вольфрама фон Эшенбаха

Свой рассказ о Парцифале Вольфрам ведет из далекого прошлого, именно от него-то мы и узнаем предысторию семьи Парцифаля. И оказывается, однако, что отец его был неугомонным рыцарем, который воевал в Палестине, а сам Парцифаль имеет к тому же брата-язычника, поскольку любвеобильный батюшка умудрился там жениться на «неверной», и ребенок уродился пятнистым — то есть черно-белым, как знаменитый стяг тамплиеров «боссан». Однако рыцарь-папа скоро соскучился на богатом и прекрасном Востоке и страсть к битвам потянула его на север, где он обрел и вторую жену и сына Парцифаля, только увидеть его ему не удалось — во время одного из походов славный рыцарь погиб. А матушка, точно по Кретьену, забрала свое чадо в лесную глушь, воспитала пацифистом (хоть это не мешало ему охотиться на все живое), полностью отгородила от мира и научила вере, но, судя по всему, очень странной. Далее мы узнаем, как Парцифаль вырос и случайно наткнулся на рыцаря. С воплем «Ты — Бог?» он приземлился на колени, но рыцарь только злобно посмеялся, зато и пяти минут не прошло, появились другие рыцари, которых приветствовали тем же способом, но эти оказались рыцарями добрыми, они мальчику все о своей профессии пояснили. Само собой, Парцифаль решил отправиться в путь к рекомендованному проезжими королю Артуру, а мать, поняв, что справиться с ним не сможет, пошила в отчаянии дурацкий наряд — с бубенчиками на колпаке, чтобы и сомнений не оставалось. Перед отправкой в большой мир она дала ему соответствующие наставления об этикете и смысле веры. Эта вера в ее изложении сама собой довольно оригинальна, во всяком случае, имени Христа и ней мы не находим:

«Он, сущий и небесах от века,
Принявши облик человека.
Сошел на землю, чтобы нас
Спасти, когда настанет час,

Светлее он дневного света.
И ты послушайся совета:
Будь верным богу одному,
Люби его, служи ему.
Укажет он тебе дорогу.
Окажет он тебе подмогу.
Мой добрый мальчик дорогой.
Но помни: есть еще другой.
Се — черный повелитель ада.
Его всегда страшиться надо.
Предстанет он и обличьях разных.
Чтоб ты погряз о его соблазнах.
Убойся их! От них беги!
И верность богу сбереги!
Так отличишь ты с юных лет
От адской тьмы небесный свет».

Ни креста, ни распятия, ни евхаристии. Два бога — светлый и темный. Собственно, именно в такой вере она его и воспитывала. Ничего не напоминает? Наш Парцифаль — неортодоксальный христианин или вовсе не христианин. Также она сообщает ему некоторые сведения личного характера, что, может быть, в гораздо большей степени объясняет ее желание жить в глуши:

«Похитил гордый Леелин
Два княжества твоих великих.
Виновен он и бесчинствах диких:
Убит отважный Туркентальс,
Горит Валезия, Норгалье
Войсками вражьими захвачен.
Сей счет кровавый не оплачен.
И и рабстве стонет твой народ
Под гнетом пришлых воевод!..»

С крохотным багажом сведений о большом мире мальчик пускается и путь. Приключения Парцифаля как начинающего рыцаря не отличаются в целом от версии Кретьена, поэтому не стоит о них рассказывать. Единственное отличие, они все поданы в комедийном плане, ибо наш юный герой с обыденной точки зрения кажется настоящим идиотом. Но он быстро обучается, совершает подвиги, которых от него пс ждут, и даже женится. А потом — потом наступает время похода к Граалю, конечно, случайного, но предначертанного судьбой. Словом, юноша оказывается в замке Грааля.

Там он видит в общей зале каких-то важных паладинов, его удивляет богатая обстановка, а затем в залу вносят больного хозяина дома, который сквозь муку приветливо предлагает ему присесть. Далее же случается то, что должно было случиться: вносят Грааль.

«Дверь — настежь. Свет свечей мигает.
Оруженосец в зал вбегает.
И крови красная струя
С копья струится, с острия
По рукаву его стекая.
И, не смолкли, не стихая.
Разносится со всех сторон
Истошный вопль, протяжный стон».

Следом входит прекрасная графиня со служанкой, за ними — две красивые девушки в праздничных веночках, а потом еще восемь юных дев:

«Четыре девы и платьях темных
Несли в светильниках огромных
Громады свеч: их свет светил
Светлей надоблачных светил.
У четырех других был камень,
Ярко пылающий, как пламень:
Струилось солнце сквозь него.
Яхонт, гранат зовут его…»

Но это еще не Грааль; настоящий Грааль вносит королева, он лежит на зеленом бархате и освещает все ярчайшим светом — «райский дар, преизбыток земного блаженства, воплощенье совершенства, вожделеннейший камень Грааль». По Вольфраму, видеть этот камень и владеть им может только «чистый, честный, кто сердцем кроток и беззлобен».

Этот волшебный камень питает весь замок, для чего существует особый ритуал: слуги во главе с гофмаршалом и с полотенцами льняными наперевес (100 полотенец, а следовательно, и 100 слуг) подходят к Граалю, который оделяет их хлебом и любыми яствами, потому что «Грааль был воплощеньем совершенства и преизбытком земного блаженства, и был основою основ ему пресветлый рай Христов». Во время пира к Парцифалю подошел оруженосец и вручил тому прекрасный меч, который ранее принадлежал самому Королю-Рыбаку и который он теперь уже не может держать в руках. Парцифаля все тут поражает, но спросить он не может, так научил его посвятивший в рыцари Гуннеманц. Так что юноша молчит. И организованное в надежде на нужный вопрос пиршество завершается, правда, перед отходом ко сну юного героя потчуют девы какими-то райскими плодами. Утром он, как и в предыдущих версиях, просыпается в пустом замке, седлает коня, выезжает через мост, но тут к нему обращается со словами проклятия страж ворот, так Парцифаль узнает, что должен был задать какой-то вопрос: всего один вопрос. «Что за вопрос? Кому? Зачем?..» Ответа ему не дают.

В лесу, отъехав от замка, он встречает девушку с мертвым рыцарем на руках, и спрашивает ее, что это за такой странный замок, где он только что побывал. Она отвечает, что тут и на 30 верст нет никакого жилья, разве что замок Мунсальвеш, но туда просто так попасть невозможно:

«Чтоб в замок этот попасть
Не нужны ни усердье, ни власть.
Ни удача, ни разум могучий, —
Лишь судьбой уготованный случай.
В неведенье с священном
Приходят к этим стенам».

Судя по всему, святое неведение и привело сюда Парцифаля. Однако, узнав, что Парцифаль не задал нужного вопроса, дева ему говорит так: «Ты рыцарство покрыл позором!» Теперь Парцифаль до некоторой степени начинает постигать тайну замка, ему становится известным и имя короля — Анфортас, но он не понимает, что ему нужно делать. Нам рассказывают, что он скитается в поисках подвигов, встречается с королем Артуром и рыцарем Гаваном (Говейном), видит странную уродливую деву-пророчицу, которая обвиняет его в затянувшейся болезни Анфортаса. Затем Парцифаль обещает себе отыскать Грааль, а Гаван вынужден отправиться на поединок чести, поскольку его обвинили в подлом убийстве, которого он не совершал. При прощании Гавае сердечно целует Парцифаля и

просит его во всем положиться на Бога. Бог милостив, хотя и строг. И тут же получает гневную отповедь:

«Бог?! Бог?! Но что такое — Бог?! —
Воскликнул валезиец гневно. —
Не наши ль судьбы так плачевны.
Чтоб мы не поняли того.
Сколь бесполезна власть Его.
Сколь слаб и немощен Всевышний!..
Служить Ему? Нет! Труд излишний!
Я верен был Ему и предан.
И я обманут им и предан.
Кто на Него усердье тратит.
Тому Он ненавистью платит.
Я ненависть Его приму,
Но боле — не служу Ему!..
О, есть иной предмет служенья!..
Эх, друг Гаван! В разгар сраженья
На помощь Бога не зови.
Взывай к спасительной Любви,
Хранительнице нашей верной!
Прощай, мой друг нелицемерный,
И да хранит тебя Любовь!»

Итак, наш Парцифаль с точки зрения церкви — полный и законченный еретик. Его бог — Снятая Любовь. Вот оно: «Бог сеть Любовь» катаров и «Да здравствует Бог Святая Любовь» тамплиеров. На долгое время мы теряем Парцифаля из вида, зато нам показывают подвиги Гавана, который тоже в результате случая получает в дар странного копя — красноухого Грингульеса, пылающего, как огонь. Это конь из Мунсальвеша, по описанию — конь иного мира, как помните, из древних кельтских легенд. Благодаря этому коню Гаван выходит победителем из страшных схваток. А Парцифаль? Тот ищет Мунсальвеш и Святой Грааль, и всех плененных в бою рыцарей пытается отправить на эти же поиски, только не находит желающих. Наконец ему удается добраться до замка, но на его пути встает тамплиер, охраняющий замок, завязывается бои, конь нашего героя срывается в пропасть, храмовник от удара падает на землю, а Парцифаль на коне тамплиера уносится прочь, к Мунсальвешу. Но находясь вроде бы рядом с замком, он так его не находит, зато после нескольких недель скитаний натыкается на кающихся паломников — рыцаря и дам. И те в ужасе ему говорят, что он нарушает все церковные законы, поскольку в этот день нельзя ни проливать кровь, ни быть вооруженным и на коне. На это Парцифаль объясняет, почему он ненавидит Бога и почему ему до этого Бога нет никакого дела. Паломник от него отшатывается, но, тем не менее, просит хотя бы посетить святого отшельника. Непреклонный Париифаль уезжает, но тут же спохватывается и просит паломников указать дорогу, потому что он понял сейчас: «Бог есть Любовь. Любовь есть Сила». С этим катарским девизом он и отправляется в пещеру к отшельнику.

Он сразу же признается, что уже пятый год стремится объезжать окольными дорогами все святые храмы, только бы не видеть лица того бога, который над ним издевается. На что ему отшельник Треврицент просто говорит, что бог не может не помочь, и он это постиг своим умом, изучив Святое писание.

«Бог — это Верность… Посему
Будь верен Богу своему.
Бог — Истина… К безбожью

Идут, спознавшись с ложью…
Бог есть — Добро. А суть Добра
В том, чтоб душа была добра.
Что ни произошло бы —
Все восприми без злобы.
Свой разум злобой осквернишь, —
Тем самым Бога очернишь —
Терпение Господне,
Как сделал ты сегодня!
Добро — есть свет, а зло — есть тьма.
И коль ты не сошел с ума.
Внемли сему сонету:
Вернись к Добру и к Свету!»

Парцифаль, так и не убежденный этими словами, пытается что-то сказать о Граале, на что Треврицент очень удивляется:

«Каким путем ты, грешник.
Мог прознать о нем?
Лишь и небесах определяли.
Кто смеет ведать о Граале.
За что б тебе такая честь —
Знать, что Грааль священный есть?!»

Тут наш герой понимает, что будет умнее прямо сейчас все выспросить о Граале, а не говорить самому. И отшельник, успокоившись, начинает такой рассказ: замок Мунсальвеш — священный замок, его охраняют избранные из избранных рыцари-храмовники, а сам Грааль —

«Грааль — эти камень особой породы:
Lapsit exillis— перевода
На наш язык пока что нет…
Он излучает волшебный свет,
Пламя, и котором, раскинув крыла,
Птица Феникс сгорает дотла,
Чтобы из пепла воспрянуть снова,
Ущерба не претерпев никакого.
А только прекраснее становясь…

Вот она — взаимосвязь
Меж умираньем и обновленьем!
Все это схоже с одним явленьем,
Известным у птиц под названьем линька.
А ну, мозгами пораскинь-ка —
И ты проникнешь в сущность дива!..
…Слушай дальше терпеливо.
Грааль, он тем и знаменит.
Что человечью жизнь хранит.
Тот, кто на камень глянет,
Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят.
Семь дней уж точно он не умрет!
Это известно наперед.

Достаточно лишь посмотреть —
И невозможно умереть
И течение недели!
Диво, и самом деле!..
...Исполнен к людям доброты.
Грааль сохраняет их черты
До самой старости молодыми.
Нот только делает седыми
С теченьем лет их волоса —
Знать, здесь бессильны все чудеса!..
В ночь на пятницу страстную
Грааль, о косм повествую,
Из-под заоблачных высот
Белоснежного голубя на землю ждет.
По заведенному порядку
На камень дивную облатку
Небесный голубь сей кладет.
Так повторяется из году в год...
Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается,
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда.
Ни сокровища недр, ни сокровища вод.
Ни что на суше, в реке или в море живет».

Камень охраняет Братство Граали. Временами на поверхности камня появляются письмена, в которых указано имя человека, призванного в Братство, его род, племя, пол, и вся жизнь этих людей — служение Граалю, за это они после смерти попадают и рай. По преданию, когда небеса сотрясла война сынов света и сынов тьмы, ангелы сберегли камень «для лучших, избранных чад земли». Сам Анфортас тяжело болен, но когда в юности он был отважным и честолюбивым рыцарем, страстным человеком, но позже научился смирению. И все, кто приходит служить Граалю, — все они отважные воины. Одного, говорит печально отшельник, недавно убил какой-то проезжий рыцарь Леелин, украл его коня. Затем он уже спрашивает: не ты ли этот рыцарь Леелин? На седле твоего коня вышит голубь — а это знак Мунсальвеша. Впервые эмблемой Мунсальвеша голубь стал три поколения назад — при деде нынешнего владельца замка Титуреле.

Голубь, сразу отметим, любимый знак катаров. Они нередко делали в стенах изображения летящих голубей, замечательные, сквозные изображения в мощных стенах. Они расшивали голубями одежду, они рисовали голубей. Голубь был для них знаком Святого Духа, сходящего с небес и касающегося крыльями веры человека.

Но Парцифаль неповинен хотя бы в смерти тамплиера. Он наконец-то называет свое имя.

И признается, что убил своего родственника Итера Красного, чтобы завладеть его доспехом. Отшельник оказывается его дядей, и он приносит Парцифалю и другие плохие вести: кроме крови Итера на нем лежит и смерть его матери. Это известие вызывает море страдании и нежелание в это поверить: ведь, когда юноша покидал дом, мать была жива. Однако тот лишь вынужден заметить, что умерла она от страдания сразу же после отъезда сына. Однако признание юноши заставляет отшельника изложить некоторые факты из семьи хранителей Грааля, к которой Парцифаль, как выяснилось, принадлежит по рождению. Ему открывают тайну болезни короля Анфортаса: свою рану он получил в молодости во время рыцарского турнира за какую-то из прекрасных дам, и рана эта постоянно гноится и сочится кровью, потому что копье было напитано ядом. Сам отшельник в юности тоже был рыцарем,

но после ранения брата отказался от военных забав и дал обет уйти от мира. Все это время он молил небо, чтобы ему открылся секрет, как вылечить короля. И однажды на Граале проступили буквы:

«Он будет лишь тогда здоров,
Когда вопрос, исполнясь ласки.
Задаст приезжий без подсказки
И чьих-то просьб, а целиком
Лишь состраданием влеком!..
Тогда с одра Анфортас встанет…
И… королем быть перестанет.
Грядут иные времена!
Так возвещали письмена…»

Что же касается Братства Грааля, то по описанию Вольфрама оно больше напоминает военно-монашеский орден со строгим уставом. Один такой мы знаем — тамплиеры, второго такого не было. Все братья Грааля, кроме короля, не имеют права жениться, исключение составляют лишь те из братьев, которые принимают земную корону в какой-либо стране. Они не имеют права воевать ради забавы или славы, только защищая права обездоленных. В замке Грааля воспитываются двадцать пять чистых дев, которые должны стать женами монархов, прославившихся в боях под знаком рыцарского креста. Иными словами — братья и девы Грааля служат ему, чтобы мир становился лучше.

Получив эти сведения, наш Парцифаль отправляется в дальнейшие странствия уже очищенным от своей печали. А Вольфрам далее приступает к рассказу о подвигах Гавана, который захватывает замок злобного Клингсора — Шатель Марвей, где томятся в заключении несчастные пленницы. К Граалю этот замок не имеет отношения, однако, в нем тоже существуют особые чудеса. Одно из них — волшебная башня из драгоценных камней, показывающая картины мира: «увидел он моря и горы, разливы рек, полей просторы, луга и тучные стада, затем увидел города, где улицы, дома и люди…» И в этой волшебной конструкции Парцифаль также увидел, что поделывает сейчас его возлюбленная дева. Затем в освобожденный Шатель Марвей приезжает сам король Артур с рыцарями Круглого стола, обретая давным-давно украденных мать и сестру.

Парцифаль за это время неожиданно находит своего сводного брата-язычника, потом к нему является девица Кундри в платье с белыми голубями, несущая пророчество, что он избран править Граалем вместе со своей женой и своими детьми. И уже приглашенный и наставленный должным образом наш Парцифаль вместе с братом отправляются в замок Грааля. На этот раз стража их не только не задерживает, а напротив — храмовники обнажают перед ними головы. Они входят в замок, и Парцифаль, учтиво поклонившись дяде, просто его спрашивает: «О, дядя! Молви, что с тобой?!»

Все замечательно преобразилось — Анфортас исцелился. По случаю такой радости устроили праздник и снова вынесли Грааль. И только язычник Фейрефиц смотрел ошалелыми глазами, как сами собой наполняются кубки и появляется смена блюд, и не мог понять, кто всем этим управляет. Оказалось, это потому — что он некрещеный. Так что тот предпочел поскорее креститься, и тогда — тоже увидел Грааль! А Парцифаль, как и было обещано, стал королем Грааля.

Конечно, приключения приключениями, но что стоит за приключениями?

И если паше предположение хотя бы отчасти верно, что такое описанный Вольфрамом Грааль? Особенности верований катаров мы уже знаем. Но что могло связывать катарских «совершенных» с тамплиерами, а катарскую голубку — с восьмиконечным крестом? И почему кроме одновременно с «Парцифалем» сведенного из разных книг текста «Вульгаты» или датируемых 1230–1250 годами «Романа о Граале» и «Венца» практически до середины XV века эта тема оказалась прочно забытой? Такой бурный всплеск интереса, а затем такое

глухое забвение? Лишь позднее за «Артуров цикл» возьмется талантливый Томас Мэлори, но это будет уже потом.

Думается, дело в том, что современники слишком хорошо понимали, о чем эти книжки написаны. И что за сокровище этот Грааль — будь он хоть чашей, хоть вазой, хоть камнем. После 1250 года, когда с югом Франции все было кончено, об этом сокровище предпочитали молчать. А после 1314 года, когда было копчено и с теми, кто сокровищу сочувствовал, — тем более.

Но что ж тогда случилось?

Как убивали Грааль

Давайте соотнесем некоторые даты. Первый роман о Граале относится к 1180–1190 годам. Почему именно к этому времени? Его не связать ни с началом Крестовых походов, ни с какими-то иными важными для Палестины событиями. Конечно, вполне вероятно, что литература «запаздывает». Литература вообще-то не должна буквально копировать жизнь, она — творчество. Но существуют неодолимые законы времени. Как не могли появиться песни о Крестовых походах без Крестовых походов, так и не мог появиться роман о Граале без самого Грааля. Это закон. И он работает непреложно, потому что автор и заказчик живут в своей эпохе, а не где-то в мире без времени. Так что объяснение внезапной вспышки интереса и внезапного его спада нужно искать в чем-то совершенно понятном для живших в средневековье людей. Пожалуй, нам ничего не открывает роман Кретьена де Труа, но кое-что приоткрывает роман Вольфрама фон Эшенбаха. Эти странные храмовники, стекающиеся в замок со всей земли, это странное Братство Грааля, эти голуби на одежде, на седле, в виде эмблемы, это противоборство Парцифаля с официальным богом… Пожалуй, ответ стоит поискать в истории церкви. Кое-что мы уже знаем: катары. Но 1180–1190 годы? События, о которых мы будем вести речь, произошли, как известно, позже… Какие события? Альбигойские войны…

Да, Крестовый поход, затеянный Римской церковью против катаров, начался в 1209 году. Но был еще один поход, так сказать, неучтенный, хотя туда же, на прекрасный Юг. И вот он-то относится к 1185 году. Эта акция для церкви оказалась крайне неудачной: хотя еретиков и уничтожали, но люди Юга восприняли такое вмешательство с ненавистью и яростью. И тогда рыцари Юга встали на защиту своей земли. И это действительно была их земля, а Тулузский граф — их королем. Даже наследное имя графов Тулузских говорит о многом: Раймонд, что в переводе означает Король Мира. Графы тулузские хотели лишь одного: нейтралитета церкви. Они очень хорошо понимали, что северные короли Франции давно мечтают прибрать к себе земли Юга. Раймонд Пятый, надеясь получить от Рима поддержку против королей, даже пошел на некое сотрудничество. Он лично писал в Рим, что «еретики заполонили все… церкви никто не посещает, и они лежат в руинах». Это, скорее всего, была попытка остановить неизбежное. Но тулузские графы просчитались! Для Рима они были такими же еретиками, как и многочисленные катары. Папа Иннокентий Третий, и так не благоволивший к своевольному Югу, после докладов посланных туда для инспекции клириков откровенно призывал уничтожить катаров. «Эти еретики, — говорил он, — гораздо опаснее сарацинов, уничтожайте их без пощады». Именно благодаря этому воззванию после двадцатипятилетнего перерыва начался тот кошмар, который и называется альбигойскими войнами. А завершился этот кошмар не в 1244 году, когда пал Монсегюр, а в 1255 голу, когда пал Кернбюс. Если Монсегюр можно считать условным Мунсальвешем, то Кернбюс — условным Корбеником — замком короля Артура, последним оплотом. После этого Грааля больше не было. Были воспоминания о Граале.

Если тамплиеры среди пьяного сброда рыцарей поражали целеустремленностью, верой,

отвагой и честью, то и катарская церковь по сравнению с официальной была Непорочной Девой (так они называли ее сами). На фоне общего безобразия катары выглядели просто ангелами. К Римской церкви и особенно к немыслимой роскоши соборов он тоже относился с большой неприязнью, считая, что не гигантские храмы с лепниной и позолотой, а чистая вера определяет близость к Богу, и в одном из своих сочинений он говорит открыто: «Вместо того чтобы украшать себя позолотой, церковь лучше бы прикрыла наготу своих бедняков: ведь деньги, растрачиваемые на храмы, украдены у несчастных». В Нарбонне, где власть Папы была ничтожной, епископ Беренгарий Второй, по словам самого папы Иннокентия Третьего «не знал иного Бога, кроме денег, а вместо сердца имел кошелек». Вполне понятно, что искренность и простота катаров импонировали Бернарду гораздо больше, чем помпезность и официоз современной ему церкви. Но Бернард к тому времени уже умер, успев однако, сказать пару нелицеприятных слов о Втором крестовом походе. Об этом вспоминает его биограф Готфрид: «При этом кстати будет поместить здесь собственные слова Бернарда, которые он писал в том же году (1153, в котором Бернард и умер — *авт.)* одному знаменитому рыцарю ордена Храма, своему дяде, бывшему в то время только на службе, а ныне Великому магистру воинства Храма (тамплиеров): «Горе нашим князьям, — говорил он, — они не сделали ничего хорошего в Господней земле, и в своих землях, куда они поспешно возвратились, обнаружили непреодолимую злобу, не умея сострадать бедствиям Иосифа. Однако я надеюсь, что Господь не отвергнет свой народ и не оставит своего наследия. Но что я говорю! Десница Божья будет силой того народа и рука его доставит ему помощь, дабы все познали, что лучше возлагать надежды на Всевышнего, чем на сильных земли». Правда, Бернарду и в голову бы не пришло собирать рыцарей-крестоносцев против богатых южных земель Франции.

Между тем, церковь, весьма обеспокоенная увеличением еретиков на Юге, призвала крестоносцев навсегда задушить очаг свободомыслия. Что ж это был за поход? Стоит посмотреть, на какую часть Франции он был ориентирован, — Лангедок и Прованс, главный город — Тулуза. Славные свободные города, древние земли, на которых каким-то чудом удалось сохраниться не только настоящему христианству, но и жреческому друидизму. Вот в этот средневековый земной рай и отправил крестоносное войско римский папа в союзе с французским королем. Но сначала Папа отправил в эту землю обетованную, смущающую его тем, что церкви пустуют, а прихожане отсутствуют, своего посланника Пьера де Кастельно, монаха-цистерианца, который не обладал ни терпением, ни сдержанностью, ни умом, ни навыками дипломатии при сложных диспутах с инакомыслящими. Над посланником катары откровенно смеялись, а когда он в отчаянии обратился к местным феодалам, чтобы послать рыцарей для искоренения ереси, те попросту ему отказали. Осознав, что и феодалы тут катары, взбешенный посланник возвратился в Рим, пообещав напоследок графу Тулузы, что «тот, кто лишит вас ваших владений, сделает благое дело, а убивший вас будет благословен». Но до Рима легат не доехал: его нашли окровавленным и мертвым.

Эта смерть папского легата и послужила поводом для альбигойского похода крестоносцев. Ибо по городам и селам севера Франции на протяжении всего 1208 года ходят папские агитаторы с вскинутой на древко как знамя окровавленной рубахой почившего легата. Они рассказывают о нехорошем Юге и вербуют рыцарей в войско. Этим всадникам придется убивать не сарацин, не иудеев, а своих же французов. Крестоносцы дают обет сорок дней, не щадя своей жизни, искоренять огнем и мечом ересь в Тулузском графстве и всей Южной Франции. И только тамплиеры отказываются участвовать в братоубийственной войне. Почему? Думаю, вы и так все поняли. Южные рыцари практически все были тамплиерами. Как же они могли убивать «своих»? При вступлении в Орден тамплиеры давали клятву защищать христиан ценой собственной жизни. А катары… Катары были христианами. Для рыцарей они были настоящими христианами.

Огромное войско готовится в поход. А летом 1209 года, понимая, что эти люди могут сделать с его страной, тулузский граф Раймонд Шестой отдастся на милость Папы. Его раздевают до пояса и с веревкой на шее ведут к собору в Сен-Жиле, нещадно хлеща розгами.

После чего, наказанный за поддержку ереси, он подписывает акт о передаче графства под власть церкви. Если таким образом он думал спасти свой народ от уничтожения — не получилось. Еще через полгода граф нашивает на свою одежду орденский крест и вступает в ряды тех самых крестоносцев, которые идут убивать его подданных. Если он думал так смягчить сердца Христова воинства — тоже не получилось. Его поступок пугает и поражает всех сторонников. А армия, под командованием Симона де Монфора, состоящая из конницы, пеших воинов и просто босых и свирепых людей, вооруженных одними ножами, между тем подходит к первому на ее пути городу в долине Роны — Безье.

Симон де Монфор был известен своим жестким и неколебимым нравом. Упоминая его, Ашиль Люшер пишет следующее: «Один из военных товарищей Симона де Монфора, рыцарь Фуко, даже возмущался жестокостям, творимыми воинами. Всякий пленник, не имевший средств заплатить сто су за свой выкуп, был обречен на смерть. Его бросали в подземелье и оставляли погибать от голода. Иногда Симон де Монфор повелевал притаскивать их полумертвых и бросал на глазах у всех в выгребную яму. Рассказывают, что из одной из своих последних экспедиции он возвратился с двумя пленными, отцом и сыном. Он заставил отца собственными руками повесить сына». Пожалуй, достаточно было знать особенности графа, чтобы понять, как этот изверг станет поступать с завоеванными городами.

Епископ Безье пытается вести переговоры с войском, но условия сдачи города — выдать всех катаров — для него неприемлемы. За гордым отказом следует недолгая осада и штурм. Город Безье остается за спиной крестоносцев. В нем не осталось ни единого выжившего — ни старика, ни женщины, ни ребенка. Тридцать тысяч человек… Именно в этом городе папский легат Арно Амори, аббат Сито, произнес оставшуюся в веках фразу. Когда его спросили, не стоит ли пощадить невиновных, тот сказал: «Убивайте всех, Господь распознает своих!»

Следующий на очереди — Каркассон. Это мощная крепость с двойным кольцом стен и тридцатью шестью башнями. В крепости укрылся от воинов Христа виконт Раймонд Роже граф Транкевель — владелец этой земли. Это совсем еще юный рыцарь, но под его командованием город две недели выдерживает постоянные атаки. И только когда в крепости кончается вода (а стоит жаркий месяц август, и стены плавятся от зноя), защитники сдаются. Сам он вскоре умирает в тюрьме от дизентерии (любезный Монфор запер его как еретика в родовом каркассонском замке). А города Безье и Каркассон передают в собственность Симона де Монфора — просто больше никто из рыцарей крестоносного войска не согласился стать владельцем этих земель при живом четырехлетием наследнике графа. Да и сорок дней, отведенные на альбигойский поход, завершились. Войско покидает границы графства, но тут остается Монфор. Вместе с 26 рыцарями он продолжает войну с еретиками.

1210 год, июль. Монфор осаждает и захватывает Минерву. Сожжены 150 катаров. Об этом сохранились записи средневекового хрониста:

«Аббат приказал, чтобы сеньор укрепленного замка и все, кто находился внутри, даже посвященные еретики, если они желают примириться с Церковью и отдать себя в ее руки, вышли наружу и оставили замок на попечение графа; даже «совершенные» члены секты, число которых было весьма велико, могли выйти, если они согласны были обратиться в католическую веру. При этих словах один благородный рыцарь из ревностных католиков, по имени Робер Мовуазен, узнав, что еретики, ради чьей погибели и пришли сюда паломники, могут быть отпущены, и опасаясь, как бы страх не заставил их выполнить то, что от них требовали наши, — ведь они были уже пленниками — принялся возражать аббату. Он сказал, что наши ни в коем случае не последуют за ним, на что аббат ответил: «Ни о чем не беспокойтесь, я думаю, что очень немногие обратятся». После того как это было сказано, наши, неся впереди процессии крест, а позади — знамя графа, вошли в город с пением Te Deum Loudomus и направились к церкви; освятив ее по католическому обряду, они воздвигли на ее вершине крест Господа, а в другом месте подняли знамя графа: ведь это

Христом был взят город, и по справедливости его символ должно было установить на самом высоком месте, в ознаменование победы христианской веры. Граф же еще не вошел в город.

Свершив это, почтенный аббат из Во де Серне, бывший вместе с графом во главе осаждавших и с великим рвением служивший делу Иисуса Христа, узнав, что в одном из домов собралось множество еретиков, направился туда со словами мира и спасения и с желанием обратить их к добру; те, однако, оборвали обращенную к ним речь, вскричав как один человек: «Что вы нам проповедуете? Мы не принимаем вашей веры. Мы не признаем Римской Церкви. Ваши старания напрасны. Мы верны братству, от которого нас не отторгнет ни жизнь, ни смерть». Услышав это, досточтимый аббат тотчас покинул этот дом и пошел к женщинам, собравшимся в другом жилище, дабы обратиться к ним со словом проповеди. Но как ни были тверды и упрямы в своем заблуждении еретики-мужчины, он нашел женщин еще более упрямыми и еще глубже погрязшими в ереси. Затем в укрепленный город вошел наш граф и, как добрый католик, желающий, чтобы каждый получил спасение и приобщился к знанию истины, он пошел туда, где были собраны еретики, и принялся уговаривать их обратиться в католическую веру; но поскольку не последовало никакого ответа, он приказал вывести их за укрепления; там было сто сорок еретиков в сане «совершенных», если не больше. Был разведен большой костер, и их всех в него побросали; нашим не было даже необходимости их туда бросать, ибо закоренелые в своей ереси, они сами в него бросались. Лишь три женщины избегли огня, спасенные одной благородной дамой, матерью Бушара де Марли, которая вернула их в лоно Церкви».

1210 год, август. Крепость Терм. Четыре месяца осады, защитники не сдались. Погибли от болезней и голода.

1211 год, май. Замок Лавор. В нем укрылись рыцари-катары. Два месяца осады. 80 рыцарей повешены и заколоты кинжалами. 400 жителей сожжены. Мать защитника крепости Аймерика де Монреаля, совершенная Бланка де Лорак, брошена в колодец и забита камнями.

1213 год, январь. Монфор и посланник Папы Римского Армаури подходят к Тулузскому графству. И тут случается невероятное. Свояк Раймонда Шестого, арагонский король Педро Второй, сначала пытавшийся объяснить Папе, что крестовый поход, которым идут его воины, — это поход против христиан в христианской стране, и не нашедший понимания, переходит Пиренеи и с цветом испанского рыцарства присоединяется к Раймонду Шестому. Момент очень удачный: враг Монфор заперт в Кастельнодари. Перевес сил у совместного испано-французского войска в битве при Мюре большой. Беда только, что во время боя испанский король погибает, а его рыцари, не связанные клятвой, оставляют тулузского графа наедине со своей судьбой.

В этом же 1213 году граф-каратель де Монфор впервые в средневековой французской истории проводит некоторую акцию, дабы показать истинное соотношение сил — феодалов и церкви. «В тот момент, во время праздника св. Иоанна, — рассказывает Люшер, — он находится в Кастельнодари с двумя епископами — Орлеанским и Осерским. Монфор просит епископа Орлеанского: не будет ли тому угодно даровать его сыну рыцарское достоинство, опоясав его мечом. Епископ долго отказывается от этого, говорит хронист Петр из Во де Серне: он знал, что это значит — пойти против обычая, ибо, как правило, только рыцарь мог посвящать в рыцари. Тем не менее, под конец он согласился, покоренный настойчивостью графа и его друзей. Стояла сильная жара. Симон де Монфор повелел поставить просторные шатры на равнине за городом, слишком маленьким, чтобы вместить множество людей, присутствовавших на церемонии. В назначенный день епископ Орлеанский отслужил мессу в шатре. Молодой Амори, которого держит за одну руку отец, а за другую — мать, подходит к алтарю; его родители обращаются к Господу и просят епископа посвятить рыцаря служению Христу. Тотчас же два прелата, стоя на коленях перед алтарем, опоясывают Амори мечом и начинают с великой набожностью петь гимн «Veni Creator».

Хронист добавляет знаменательные слова: «Что за новая и необычная манера даровать рыцарство! Кто бы мог удержать слезы?» Этот обряд, возможно, не был таким необычным,

как думал Петр из Во де Серне, ибо в одном ритуале Римской церкви, записанном в начале XI в., уже присутствуют формулы епископской молитвы при посвящении в рыцари. Однако сами выражения хрониста хорошо доказывают, что во Франции посвящение епископом было не в обычае. Симон де Монфор ввел новшество: он положил начало чисто церковной традиции, приглашая Церковь завладеть рыцарством и сделать из него род священства. Весьма возможно, что подобный пример, поданный героем крестового похода против альбигойцев, подтолкнул великое множество благочестивейших семей воспользоваться таким способом». Зачем бы это ему? О, все просто. В это время, далеко от осажденной Тулузы, решается будущее южных земель. Поскольку Раймонд Шестой считается еретиком, то Святой престол озабочен лишением его и его потомства права на собственность. Однако хоть Монфор и показывает всеми своими действиями небывалую верноподданность, с мятежным Раймондом у него выходит осечка. Этот вопрос, весьма щекотливый, приходится решать папе Иннокентию Третьему. Как пишет Люшер, «папа, прежде чем ответить прелатам, требующим от него лишить наследства графа Тулузского в пользу Монфоров, просит подождать минуту: «Бароны, — говорит он, — подождите, пожалуйста, пока я обращусь за советом». Он открывает книгу и при помощи гадания узнает, что графа Тулузского ждет не самая плохая участь. И он старается защитить его дело перед враждебно настроенным собранием».

Книга, которая вопрос о Тулузе до некоторой степени разрешила, была Библия. Наисвятейшие отцы, не видя ничего еретического в подобном занятии, пытались заглянуть в будущее при помощи библиомантии! А еретики в этом 1213 году распевали такую песню:

«Смерть, смерть французам!
Дорогой удачи вперед!
Да славится Бог,
Раймонд мае ведет.
Еретик из Тулузы.
Он наши сердца направил на правильный путь!»

1215 год, нюнь. Тулуза. Монфор берег ее через полтора года без единого убитого со своей стороны. Латернский собор объявил Симона де Монфора графом Тулузским. Граф Раймонд Шестой с сыном вынужден искать убежища в Англии. Но проходит недолгий срок, и Тулуза восстает, а спустя еще какое-то время погибает граф де Монфор. Смерть его, как поговаривали втайне, была похожа на вмешательство Всевышнего. Во всяком случае, именно таковой виделась эта смерть несчастным его современникам. Во время осады города одно из ядер, заложенных в нутро собственной пушки войска Монфора, неожиданно попадает не в неприятеля, а слегка подлетев, падает точно на стоящего неподалеку Монфора. После того как ядро оттащили, предстала неприятная картина: голова Монфора превратилась в сплошное кровавое месиво. Но — несмотря на все это — Тулуза снова была взята…

Правда, на этом альбигойские войны не завершаются. Еще 30 лет длятся эти войны. За это время убито около миллиона жителей южной Франции, земля лежит в руинах и пожарищах. Но ни один рыцарь-тамплиер не выступил на стороне папы.

Земли Тренкавеля, графа Тулузского и их вассалов Амори де Монфор в 1226 году передал французскому королю, который давно мечтал прибрать к рукам этот прекрасный и плодоносный край. Вот таким вот способом и оказался бедный Лангедок включенным в границы французского королевства. С 1226 по 1229 год шла ожесточенная война, особенно сопротивлялись чужому королю Лиму и Кабарет. Но тулузский граф Раймонд Седьмой войну проиграл. В Париже он вынужден был подписать мирный договор и передать свои владении ненавистным французам. Как пишет Анна Бретон, «военно-политические последствия войны оказались очень тяжелыми: династия Тренкавелей была уничтожена,

один королевский сенешаль управлял регионом Каркассон-Безье, а второй — Беакур-Ним, местностью, ранее принадлежавшей графам Тулузским. Раймонд VII Тулузский обязался собственными руками уничтожать ересь, срыть укрепленные замки и передать свое графство единственной дочери Жанне, которая была замужем за капетингским принцем. А представители тех феодальных династий, которые были скомпрометированы ересью, лишились своих владений и имущества, превратившись в фаидитов». К этому времени прекрасный Лангедок напоминал больше выжженную пустыню. «Не без ужаса аббат монастыря св. Женевьевы, — сообщает Люшер, — рассказывает своим монахам о перипетиях путешествия из Парижа в Тулузу, о «долгой дороге, об опасностях переправы через реки, об угрозе воров и наемников, арагонцев и басков». Он держал путь через разоренные и пустынные равнины, и перед его глазами вставало лишь зрелище скорби и мрачные картины сожженных деревень, дома в руинах. Полуобвалившиеся стены церквей, разрушенных чуть ли не до основания, человеческое жилище, ставшее логовом диких зверей. «Я заклинаю моих братьев, — пишет в заключение путешественник, — молить за меня Бога и блаженную Деву. Ежели они сочтут меня достойным, пусть окажут мне милость добраться до Парижа здоровым и невредимым».

Результатом альбигойских войн стало рождение инквизиции. Появились законы о еретиках, возникла опасность попасть под подозрение в сочувствии еретикам. Появились тулузские постановления по борьбе с альбигойской ересью. Вот некоторые пункты из этого давнего документа:

«В каждом приходе епископы назначают священника и трех мирян (или же больше, ежели возникнет необходимость) с безупречной репутацией, которые обязуются неутомимо и неусыпно выискивать живущих в приходе еретиков. Они будут тщательно обыскивать подозрительные дома, комнаты, подвалы и даже самые сокровенные тайники. Обнаружив еретиков или же лиц, оказывающих таковым поддержку, предоставляющих жилье либо опеку, они обязаны предпринять необходимые меры, дабы не допустить бегства подозреваемых, и одновременно как можно скорей оповестить епископа, сеньора или его представителя».

«Сеньоры обязаны старательно выискивать еретиков в городах, домах и лесах, где оные встречаются, и уничтожать их укрытия».

«Тот, кто позволит еретику пребывать на своей земле — будь то за деньги или по какой другой причине, — навсегда утратит свою землю и будет покаран сеньором в зависимости от степени вины».

«Равно покаран будет и тот, на чьей земле часто встречаются еретики, даже если это происходит без его ведома, а лишь вследствие нерадивости».

«Дом, в котором обнаружат еретика, будет разрушен, а земля конфискована».

«Представитель сеньора, ежели он усердно не обыскивает места, на которые пало подозрение, что в них обитают еретики, утратит свою должность без всякого возмещения».

«Каждый может искать еретиков на землях своего соседа. Также король Франции может преследовать еретиков на землях графа Тулузского и наоборот».

«Скрытый еретик, который сам отойдет от ереси, не может оставаться жить в том же самом городе или селении, если места эти почитаются пораженными ересью Он и ему подобные переселяются в местность, которая известна как католическая. Обращенные эти будут носить на одежде два креста — один с правой, другой с левой стороны — иного цвета, нежели одежда. Им не дозволяется отправлять общественные должности и заключать правовые акты вплоть до восстановления в правах, полученного из рук папы или его легата, после соответствующего наказания».

«Еретик, желающий вернуться в католическую общину не по убеждению, а из страха смерти либо по кокой другой причине, будет заключен епископом в тюрьму, дабы отбыть там наказание (со всеми мерами предосторожности, дабы он не смог склонить других к

ереси)».

«Все совершеннолетние прихожане обязуются под присягой епископу блюсти католическую веру и всеми доступными им средствами выискивать еретиков. Присяга возобновляется каждые два года».

«Подозреваемый в ереси не может быть врачом. Когда больной получит от священника Святое причастие. следует старательно стеречь его и не допускать, чтобы к нему приблизился еретик либо подозреваемый в ереси, поскольку подобные визиты влекут за собой печальные последствия».

Спустя десятилетие после тулузских постановлений Григорий Девятый и Иннокентий Четвертый издадут эдикт об отлучении еретиков от церкви и две буллы, которыми предоставят Ордену доминиканцев (Псов Господних) право арестовывать и судить еретиков. Опорным пунктом инквизиции станет лангедокский Каркассон, туда в 1233 году были направлены доминиканские «следователи» и «судьи». Очень скоро доминиканский монах-инквизитор Давид разработает наставление, по каким признакам можно выявить еретика:

«ПЕРВОЕ. Те, которые тайно навещают их, когда они содержатся в тюрьме, и перешептываются с ними, и снабжают их пищей, берутся на подозрение как последователи их и соучастники.

ВТОРОЕ. Те, которые сильно плачутся о задержании их или смерти, были, очевидно, особые их друзья при жизни; ибо быть долго в дружбе с еретиком и не видеть, его ереси едва ли вероятно.

ТРЕТЬЕ Если кто распространяет слух, что те несправедливо осуждены, тогда как на самом деле они были явно уличены или даже сами сознались в ереси, тот, очевидно, одобряет их учение и допускает ошибку церкви, их осудившей.

ЧЕТВЕРТОЕ. Если кто станет со скорбным лицом смотреть на преследователей еретиков и на успешных их обличителей, так что при желании можно подметить это по глазам, носу и по выражению лица, и не сможет глядеть им прямо в глаза, тот берется нарочито на подозрение, что он питает ненависть к тем, кто огорчил его сердце, настолько, что это отражается даже на лице, и, значит, любит тех, о гибели коих столь скорбит.

ПЯТОЕ. Если кто-либо попадется в том. что тайно собирает ночью, как реликвии, кости сожженных еретиков, — ибо они, несомненно, почитают святыми тех, чьи кости собирают, как святыню, то такие лица — еретики, как и те. Эти признаки дают значительное право заподозрить их в ереси, хотя еще и не вполне достаточны для осуждения, если не присоединяются другие доказательства, из которых совершенно явствует, что они совершали все это во славу ереси. И если будут такие, которые сумеют и захотят мудро проследить их и с благословения епископа прикинутся сторонниками и друзьями еретиков и сумеют поговорить с ними осторожно, без лжи, и которые не внушают опасения, что они заразятся от них, — такие могли бы проникать во все их тайны, узнавать обычаи и речи, устанавливать личности еретиков и их сторонников, выслеживать их притоны и сходбища и отчетливо замечать и записывать все, чем отдельные лица могут быть уличены в ереси, выведывать также, когда присутствуют их учителя или когда они собираются вместе, с тем, чтобы своевременно указывать это и многое другое инквизиторам и давать их схватить и выступать по закону свидетелями против них, что много поможет церкви в искоренении еретической мерзости…

Кормят еретика впроголодь, так чтобы страх совсем его ослабил, и не допускают к нему никого из его товарищей, чтобы тот не крепил его и не научил хитро отвечать и никого не выдавать; и вообще никого к нему не пускать, только изредка двух надежных и

испытанных людей, которые осторожно, кок бы сочувствуя, станут увещевать его избавиться от смерти и чистосердечно сознаться, в чем и как согрешил, и пообещают ему, что, сделав это, он может избегнуть сожжения. Ибо страх смерти и жажда жизни смягчают сердца, ничем иным но смягчаемые.

Говорить же надо вкрадчиво: не бойся и спокойно сознайся, если ты, быть может, считая их за добрых людей, которые учат тому-то и тому-то, доверился им, охотно слушал их, поддерживал их из своею имущества, порой принимал их в своем доме и даже исповедовался у них, делая это по простоте своей и из любви к ним, считая их добрыми и ничего дурного про них не зная; а обмануться в этом ведь могут люди значительно помудрее тебя.

Если после этого он начнет поддаваться, размякать и захочет кое-что сказать, что он иногда от подобных учителей и укромных местах слышал о Евангелии, Посланиях или тому подобном, то тут же, по горячим следам, спросить его, учили ли эти учителя тому-то и тому-то, а именно, что чистилищного огня нет, что молитвы за умерших не помогают, что дурной священник, сам погрязший во грехе, не может и другим отпустить грехи, и вообще о таинствах церкви, А потом осторожно выспросить, считает ли он сам учение их хорошим и истинным; если да, то уже сознался в исповедании ереси… Если же ты прямо спросишь его, верит ли он сам всему вышеуказанному, он отвечать не будет, боясь, что ты хочешь изловить его и обвинить и еретичестве, почему и следует ловить его осторожно, иным путем, как я сказал; ибо хитрую лису надо ловить лисьей же хитростью».

Альбигойские войны будут тянуться практически до первых десятилетий XIV века. Воевать родные города станут дети тех феодалов, у которых их владения были отняты в Первом альбигойском походе. Останутся и незавоеванные крепости, такие как Монсегюр — последняя крепость катаров. Во главе защитников стоял комендант крепости Пьер-Роже де Мирпуа, родственник Раймонда де Перейля, ему подчинялось около полусотни солдат гарнизона и с десяток рыцарей. Остальное население крепости было катарами — около двухсот мужчин и женщин, добрые люди, «совершенные». В мае 1212 года Тулузский граф, мечтавший вернуть назад родные земли, подговорил защитников Монсегюра сделать несколько вылазок, чтобы уничтожить инквизиторов, находившихся тогда в Авиньоне (эти судьи дли ускорения процедуры уничтожения еретиков перемещались из города в город, как цыганский табор). И вот из Монсегюра спустились ночью около пятидесяти человек — рыцари, оруженосцы и осужденные за неявку в инквизиционный трибунал фаидиты. Имена некоторых известны — Гийом де Лахиль, Брезильяк де Каильявель, Жордан дю Ма, Арно-Роже де Мирпуа и его оруженосец Альзю де Массабрак, Жиро и Раймонд де Рабат, Гайлард и Бернард де Конгост. В лесу Гайя де Сельве они соединялись с воинами Пьера де Мазероля. Ночью с 27 на 28 мая 1242 года эти отважные мстители ворвались в дом, где остановились доминиканец Гийом-Арно и францисканец Этьен де Сент-Тьибери со своей свитой. Инквизиторов убили, а все их бумаги сожгли. Этот поступок воодушевил людей, многие готовы были сражаться с врагами. Но граф не рассчитал соотношение сил. Его временные союзники испугались конфронтации с Папой и королем, английский король, двоюродный брат графа Раймонда, и граф де ла Марш были разбиты в Аквитании, они бросили Тулузского графа на произвол судьбы. Графу ничего не оставалось, как снова молить короля о пощаде. Слабый он был человек, что тут скажешь. Не герой. И защитники Монсегюра оказались один на один с хорошо организованным королевским войском. А графу Тулузскому пришлось сделать вид, что он берет Монсегюр и кольцо осады. Он ничем не мог помочь защитникам, пытался только тянуть время. Но всем было ясно, что это конец.

«Дна войска незримо стояли тогда друг против друга, — пишет Жак Мадоль, — с одной стороны — инквизиторы и их подручные, с другой — еретики, укрывшиеся в крепости Монсегюр. Этот замок зависел от графов де Фуа и располагался на крутой скале,

охваченной кольцом гор: позиция, делавшая его если не совсем неприступным, то, по крайней мере, трудным для захвата. Атака с ходу была почти невозможна, равно как и полное окружение такой большой горы. Поэтому королевское войско в 1234 г. не осмелилось его осадить. Замок принадлежа сестре графа де Фуа, знаменитой Эсклармонде, которая сама была «облаченной» еретичкой и смело предоставила его в качестве убежища всем своим братьям и сестрам. Возвращаясь из своих опасных и изнурительных поездок по стране, растоптанной слугами инквизиции, Добрые Мужи и Жены находили в Монсегюре спокойное и тихое пристанище. И пока держался Монсегюр, дело катаров не было окончательно проиграно. После смерти Гилабера де Кастра, одной из самых великих личностей среди катарского духовенства, судьбами своей гонимой церкви с высот крепости стал руководить епископ Бертран Марти. Тут он принимал посланцев со всех частей Европы. Он поддерживал тесные связи с укрывшимися в Ломбардии, так как Добрые Люди и верующие обрели и Северной Италии край, где могли свободнее исповедовать свою веру, и именно туда во множестве они и отправлялись. Монсегюр не был ни городом, ни даже поселением: этот странный замок представлялся тогда святым ковчегом, недоступным бурям, победно возвышавшимся над бушующими волнами. Он походил на духовное царство, куда в минуты самой тяжкой тоски и отчаяния обращались взоры южан. Несокрушимая, невзирая на унижение своего сеньора, Тулуза да Монсегюр — вот и все, что оставалось у попранного народа».

Сначала падет Тулуза, потом — Монсегюр. Его смогут взять только после двенадцатимесячной осады в 1244 году.

«Совершенные» не имели права держать в руках оружия, они просто готовились к смерти. Замок защищали горожане и рыцари, и они держались до последнего. Когда стало ясно, что конец неизбежен, несколько «совершенных» со священными предметами спустились ночью на веревках с высоких замковых стен. Что они успели спрятать от крестоносцев — не ведает никто. По некоторым сведениям, сокровище катаров было помещено в тайные пещеры, по другим — передано друзьям и защитникам тамплиерам. 16 марта 1244 года 257 защитников Монсегюра погибли на костре. Огненную смерть приняли на этом костре и епископы катарской церкви — Бертран Марти и Раймонд Агульер. Вместо с ними на костер взошли и те, кто принял Огненное крещение Святым Духом за несколько дней до сдачи крепости Монсегюр — рыцари, их жены, сестры, дети. Имена некоторых известны — госпожа Корба, жена сеньора Раймонда де Перейль, Эсклармонда, одна из ее младших дочерей, рыцари Гийом де Лахиль, Раймонд де Марсейль, Брезильяк де Каильявель. Самым страшным грехом катары считали трусость, и тот, кто прошел однажды Огненное крещение, не имел права отрекаться от своей веры, то есть он не мог избежать пылающего костра. Этот экзамен, последний и их жизни, они выдержали с честью — все до единого! На костер инквизиции они шли с улыбками. И дымом поднялись к своему Богу.

В 1255 году пала крепость Керибюс, стоявшая в горах на границе между Руссильоном и Арагоном. Последняя крепость. Но даже и на этом катарский процесс не подошел к концу. Пока жив хоть один катар, говорили сами катары, вера наша не умрет. Последний катар умер, а точнее, был казнен, уже после гибели Ордена. Когда одного жителя графства Фуа привели в 1320 году на суд инквизиции и спросили, сам ли он додумался до ереси или кто его научил, тот честно ответил: «Никто, я сам додумался до этого, размышляя над этой жизнью. Потому что, когда я смотрю на то, что происходит в мире, и особенно, когда я смотрю на вас, я понимаю, что Бог не мог всего этого создать».

Последнего окситанского «совершенного» звали Гийом Белибаст, он родился около 1280 года в богатой крестьянской семье. Селение, в котором прошло его детство, славилось тем, что туда иногда забредали «совершенные», которые знали лично прославленных катарских учителей — Пьера Отье и Филиппа д'Алайрака. Старшие братья Гийома прятали этих посланников истинной церкви и провожали их в безопасные укрытия. Однако сам Гийом в катарскую тайную церковь пришел вынужденно: он недавно женился, у него родился ребенок, и в порыве ссоры ему случилось убить человека. Естественно, было

возбуждено уголовное дело, Белибаста лишили имущества, и он стал бояться, что следующим лишением окажется его жизнь, поэтому, недолго думая, он сбежал в одно из тайных укрытии, к «совершенным». Там ему разъяснили греховность таких поступков и в качестве искупления предложили пройти крещение, то есть влиться в ряды «совершенных». Поскольку это было куда лучше, чем петля палача, Белибаст прошел катарское крещение. Но новому «совершенному» не повезло, вместе с тем, кто его крестил, он угодил в лапы инквизиции. Правда, из заключения удалось бежать. Но, оказавшись в Испании, Белибаст наотрез отказался возвращаться в опасную Францию, чтобы нести свет истины. Он предпочел изгнание, даже имя сменил. Теперь его звали Пьер Пенченье. Он жил в Морелле и делал ткацкие гребни, а иногда нанимался на сезонные работы. В Валенсии, где находится Морелла, была община катаров. С этими людьми Белибаст свел знакомство, стал проповедовать, но «совершенной» жизнью не жил: он, чтобы не вызывать подозрение, поселился у вдовы с ребенком, и так получилось, что она стала его любовницей и даже родила ему сына, а ведь он давал обет безбрачия. И это его сильно смущало. Чтобы «учителя» не подставлять, на этой прекрасной вдове фиктивно женился его друг, но тут Белибастом овладела ревность, и он отношения разорвал. Проповеди, которые Белибаст произносил, были простыми, в чем-то похожими на те, что он слышал в далеком детстве. «Враг Бога, Сатана, — объяснял он, — создал тела людей и заключил в них их души… Эти души, одетые в свои плащи, то есть тела, пытаются спастись, напуганные преходящестью своей жизни. И как только такая душа покидает тело, например где-нибудь в Валенсии, она немедленно попадает в другое тело, скажем, в графстве Фуа, и так далее. И когда души оглядываются на пройденный ими путь, они видят, что их наказание, которое они уже понесли, это всего лишь три капли из бесконечного океана страдании. Напуганные своим осуждением, они пытаются выскользнуть через первую же щель, которую видят перед собой, и таким образом попадают в тела зародышей животных и входят в новую жизнь: собаки, кролика, лошади или какого-то иного животного, или же могут вновь попасть в утробу женщины. И это зависит, сколько человек сделал в своей предыдущей жизни зла — если много, он попадает в утробу грубого животного, если не очень — в утробу женщины. И таким образом души меняют одно одеяние плоти на другое, пока они не получают воистину благое тело, то есть тело мужчины или женщины, устремленных к добру (то есть верующих катаров). И в этом теле они имеют возможность спастись, ибо, если они выйдут из этого доброго тела, то вернутся прямо к нашему Отцу небесному». В общину катаров внедрился тем временем предатель по имени Арно Сикре, тайный агент инквизиторов, он-то и донес на проповедника. Белибаста взяли по дороге в родимый Лангедок, в графстве Фуа, куда он шел, в надежде увидеть родные лица, а главное — найти еще одного «совершенного», покаяться и пройти повторное крещение, или reconsolatio. Была весна 1321 года. Белибаста и доносчика сковали одной цепью и посадили в замковую башню. Глядя в незарешеченное окно, он уговаривал своего предателя броситься вниз на мощеный двор и выпустить душу на свободу, но тот умирать не желал. Через несколько дней, когда все данные подтвердились, Арно расковали и выпустили, а Белибаста продержали до осени в тюрьме, а потом сожгли во дворе замка Виллеруж-Термене, резиденции архиепископа Нарбонны. И хотя этот последний катар не совершил ничего великого, только сумел мужественно умереть, о нем сложили множество песен и легенд. Ведь после его гибели мало-помалу умирает и вера катаров. Так считают ученые. Но — погибает ли? А Грааль?

Некогда Сухраварди записал такую притчу:

«У Кей-Хосрова была чаша, в которой можно было увидеть весь мир. С помощью ее он узнавал все, что хотел, проникал в мир сокровенного, и получал известия обо всем, что происходило на свете. Говорят, что эта чаша имела конусообразный чехол из дубленой кожи, который завязывался десятью веревочками. Когда Кей-Хосров хотел увидеть что-либо из сокровенного, он ставил этот чехол на станок. Если все веревочки были развязаны, то чашу нельзя было вынуть из чехла; но если их связывали, то чаша вынималась легко. Потом, когда

Солнце поднималось на точку весеннего равноденствии, (Кей-Хосров) ставил чашу напротив себя, так что, когда яркий солнечный свет падал на нее, на ней ясно были видны все линии и начертания — «Когда земля расширилась, и не утаилось вами ничто тайное», «повинуясь своему Господу, и очистилась от лжи», «тогда ты. о человек, который с трудом приближался ко Господу своему, вдруг предстал перед Ним», «и не утаилось вами ничто тайное», «тогда душа увидела, что сделала она прежде и что уготовила себе (на будущее)».

«Когда наставник описал мне чашу Джама,
(Оказалось, что) чаша, показывающая (весь) мир, — это я сам.
Когда вспоминают о чаше, показывающей мир, (знай)
Эта скрытая чаша — наш старый шерстяной халат.
Джунайд сказал:
Вспышки светов блистают, когда приходит (секина);
(Она) появляется как сокрытие и познается как единство».

Ни веру, ни знание нельзя предать мечу и огню. Убили катаров — остались тамплиеры, недаром они защищают братство Грааля у Вольфрама фон Эшенбаха. А когда покончили с тамплиерами, наша чаша или наш камень, словом, наш Грааль обрел других хранителей. А тех, кто над ними эту расправу учинил, великий поэт Данте в своей «Божественной комедии» отправил прямиком и ад.

Алхимический Грааль

—

Средневековые философы восприняли явление Грааля, наверно, правильно — не как чашу, или камень, или некий иной сосуд, а как «наш старый шерстяной халат». Они соединили восточное и европейское восприятие мира и получили новый мир и новую веру, где не было места ни инквизиторам с их особым пониманием святости, ни безжалостным деяниям рода человеческого. Это новое восприятие они назвали «иллюминацией души», то есть просто другими словами записали то, что чувствовал каждый суфий или катар, и то, что не умели чувствовать те, кто создал институт церкви. Этой «иллюминации» были посвящены целые трактаты. Я приведу лишь выдержки из одного из них, принадлежащего перу Якова Беме «Путь из тьмы к истинной иллюминации». Трактат построен как разговор между Душой и Дьяволом и его alter ego Иисусом Христом. Первая стремится к совершенству, второй всеми способами пытается сбить несчастную с дороги, а третий предлагает дорогу к спасению.

«Была бедная Душа, которая ушла из Рая и пришла в царство мира сего, где Дьявол встретил ее и сказал ей:

— Камо грядеши ты, душа, которая наполовину слепа?

Душа сказала:

— Я хотела бы видеть и узнать творения мира сего, кои создал Творец.

Дьявол сказал:

— Как ты увидишь и узнаешь их, когда ты не знаешь их сущности и свойства? Ты будешь смотреть только на их внешнюю поверхность, как на выгравированный образ, и не узнаешь их насквозь.

Душа сказало:

— Как я могу узнать их сущность и свойство?

Дьявол сказал:

— Твои глаза открылись бы, дабы видеть их насквозь, если бы ты только вкусила то, от чего творения сами приходят к добру и злу. Тогда ты была бы как сам Бог, и знала, что есть

Творение.

Душа сказала:

— Сейчас я благородное и святое творение, но если соделаю я то — Творец сказал, что я умру.

Дьявол сказал:

— Нет, ты вовсе не умрешь, но твои глаза открылись бы, и ты стола бы как сам Бог, и познала бы добро и зло. А еще ты стала бы сильной, могущественной и великой весьма, как я; все тонкости, что есть в творениях, стали бы известны тебе».

Тут Душа призадумалась, потому что ей очень хотелось стать сильной и управлять всем миром. А Дьявол быстро понял, что Душа находится в раздумьях, и стал ее учить, что не нужно слушаться Бога, потому что все знания заключены в ней самой. Правда, самой по себе Душе действовать тоже нельзя, нужно кому-то подчиниться. И стал предлагать себя в качестве господина.

«Так Дьявол представил Душе Вулкан в Меркурии (силу, которая находится в огненном корне Творения), то есть огненное колесо сущности или субстанции, в форме змея. На что Душа сказала:

— Вот, это сила, которая может сделать все. Что должна я сделать, чтобы получить ее?

Дьявол сказал:

— Ты сама являешься таким огненным Меркурием. Если ты оторвешь свою волю от Бога и принесешь ее этим силе и умению, тогда твое скрытое основание проявится в тебе, и ты сможешь действовать так же. Но ты должна съесть тот плод в котором каждый из четырех элементов сам по себе правит другими и борется: жар борется с холодом, а холод — с жаром, и так все свойства природы действуют в возбуждении. И тогда ты тотчас же станешь подобна огненному колесу и получишь все вещи и свою власть, и будешь владеть ими, как своей собственностью.

Душа сделала так, и что из того вышло

Теперь, когда Душа так оторвала свою волю от Бога и принесла ее к Меркурию или огненному колесу (которое есть корень жизни и силы), тотчас же восстало в ней страстное желание вкусить от древа познания добра и зло, и Душа вкусила от него. Как только она это сделала, Вулкан (или действующий в огне) тотчас же породил огненное колесо из своей субстанции, и после этого все свойства природы пробудились в Душе, и каждое начало проявлять свою страсть и желание.

Во-первых, восстала гордыня, желание быть великой, сильной и могущественной, сделать все вещи подвластными себе, и таким образом быть самой себе госпожой без всякого ограничения, презря всякое смирение и равенство, почтя себя единственной рассудительной, умной и хитрой, и почтя всякую вещь за глупость, то есть не соответствующей ее склонности и симпатии.

Во-вторых, восстала алчность, желание получать, стяжать все вещи себе, в свое владение. Ибо когда гордыня отвернула волю от Бога, тогда жизнь Души не могла больше полагаться на Бога, но начала теперь заботиться о себе сама, а потому направила свое желание на творения, а именно на землю, металлы, деревья и другие творения. Так порожденная огненная жизнь стала жаждущей и алчущей, когда она оторвала себя от единства, любви и кротости Бога и привлекла к себе четыре элемента и их сущность, и ввергла себя в состояние зверья, и так жизнь стала мрачной, пустой и гневной: а небесные силы и цвета удалились подобно погасшей свече.

В-третьих, пробудилась в этой огненной жизни жалящая колючая зависть — адский яд, свойство, коим наделены все дьяволы, и мучение, которое делает жизнь сущей враждой с Богом и всеми творениями. Коя зависть свирепствовала неистово в алчности, как ядовитое

жало в теле. Зависть не может утерпеть, чтобы не ненавидеть и не пытаться уничтожить то, что алчность не может заполучить себе, через кою адскую страсть благородная любовь Души была задушена.

В-четвертых, пробудилось в этой огненной жизни мучение, подобное огню, а именно гнев, который желал бы убить и убрать с дороги все, что не подчинилось бы гордыне. Так основа и фундамент ада, который назван гневом Божьим, полностью проявились в Душе… Ни праведности, ни добродетели в ней совсем не осталось, но что бы злого и неправедного она ни собрала, она все прятала лукаво и искусно под покровом своего могущества и законной власти, и называла это именем права и справедливости, и считала это благом.

Дьявол пришел к Душе

При этом Дьявол приблизился к Душе и повлек ее от одного порока к другому, ибо он пленил ее в своей сущности, и поставил там перед ней радость и наслаждение. так говоря ей.

— Вот, теперь ты могущественно, сильно и благородна, старайся по-прежнему быть еще более великой, еще более богатой и еще более могущественной. Покажи свое знание, ум и искусность, чтобы всякий боялся тебя и трепетал перед тобой, и так ты будешь почитаема, и приобретешь великое имя в мире сем.

Душа же совершенно не знало сущности своего советчика, она совершенно не думала, что это может быть Дьявол. Так что ей на помощь, как совершенно заблудшей, отправился Христос. Он объяснил Душе, что оно поддалась искушению, и стал наставлять ее на правильный путь. Христос пообещал испуганной Душе, что Бог ее все равно любит и позволит ей возвратиться в рай, но прежде всего ей нужно покаяться. Далее происходит противоборство между Дьяволом и Христом, поскольку Душа так запуталась, что перестала понимать, кто ей желает блага.

Что сказала Душа

Тогда Душа в своем безобразном уродливом образе с оскверненным покровом суетности предстала перед Богом и умоляла о милости и прощении ее грехов, и крепко уверовала в себе, что искупление грехов и заступничество нашего Господа Иисуса Христа принадлежало ей. Но злые свойства змея, сформированные в астральном духе или разуме внешнего человека, не позволили воле Души предстать перед Богом, но возбудили свои страстные желания и склонности в ней. Ибо те злые свойства не умерли для своих страстных желаний, не оставили мир сей, ибо они выходят из мира сего, и потому они боялись позора в случае, если им придется лишиться их мирских почестей и славы.

Но бедная Душа обратила свое лицо к Богу и возжелала милости Его, и даже чтобы Он пожаловал ей Свою любовь.

Дьявол снова пришел к ней

Но когда Дьявол увидел, что Душа так молила Бога и готова была прийти к покаянию, он приблизился к ней и всунул влечения земных свойств в ее мольбы, и нарушил ее благие мысли и желания, которые были устремлены к Богу, и приблизил ее мысли обратно к земным вещам, дабы у них не было доступа к Нему.

Душа вздохнула

Главная воля Души действительно вздохнула о Боге, но восстающие в уме мысли о том, что нужно прорваться к Нему, были отвлечены, рассеяны и уничтожены, так что они не могли достичь силы Бога…. Бедная Душа с радостью устремилась бы своей волей к Богу, и поэтому прилагала все свои силы, но ее мысли постоянно убегали от Бога к земным вещам, и не могли стремиться к Нему.

…И после того Душа впала в столь великие тягость и печаль, что она стала тяготиться всеми мирскими вещами, кои прежде были ее главной радостью и удовольствием.

Но Душа нашла себя находящейся далеко оттуда, в великом страдании и нужде, и не

знала, что делать, и все же решила углубиться в себя и попробовать молиться еще более ревностно.

Дьяволово противодействие

Но Дьявол противился этому и удерживал ее так, что она не могла привести себя ни к какому большему рвению в покаянии.

Он пробудил старые земные страстные желания в ее сердце, чтобы они могли по-прежнему сохранять свою злую природу и ложное право в ней, и поставил их в противоречие с народившимися волей и желанием Души.

Еще Дьявол получил доступ к ней и вошел в огненный Меркурий или огненное колесо ее жизни, смешав свои желания с земными плотскими страстями, и искушал бедную Душу, говоря ей в земных мыслях:

— Зачем ты молишься? Ты думаешь, Бог знает тебя или Ему есть дело до тебя? Решила, что мысли приведут тебя пред Его лицо, а не злы ли они все? У тебя совсем нет веры в Бога, так как же Он тебя услышит? Оставь, Он тебя не слышит, к чему ты бесполезно мучаешь и изводишь себя? У тебя довольно времени, чтобы сокрушаться на досуге. Ты хочешь сойти с ума? Молю тебя, лишь взгляни на сей мир, разве не живет он в веселии и радости? Он и дальше будет таким. Не заплатил ли Христос выкуп и не искупил ли всех людей? Тебе лишь нужно убедить себя и утешиться том, что это сделано для тебя, и тогда ты будешь спасена. В любом случае, ты не сможешь в этом мире прийти ни к какому ощущению Бога, поэтому отступись и позаботься о своем теле, и ищи мирской славы. Ты думаешь, что с тобой будет, если ты станешь столь глупой и меланхоличной? Ты будешь всеми презираема, и они будут смеяться над твоей глупостью, и так ты проведешь дни свои в совершенной печали и горести, что не мило ни Богу, ни природе. Я молю тебя, взгляни на прелесть мира сего, ибо Бог сотворил и поместил тебя сюда, чтобы быть госпожой над всеми творениями и править ими. Заранее собери запас мирских благ, чтобы не быть тебе обязанной миру или быть потом в нужде. И когда придет старость, или когда ты приблизишься к своему концу, тогда будет достаточно времени, чтобы подготовить себя к покаянию. Бог спасет тебя и примет тебя в небесном жилище Своем. Нет нужды в таких хлопотах, мучениях, сетованиях и волнениях, в каковых ты пребываешь.

Состояние Души

В таких и подобных мыслях Душа было уловлена Дьяволом и ввергнута в плотские страсти и земные желания, и так была связана, как будто это были путы или крепкие цепи, так что она не знала, что делать. Она бросила легкий взгляд назад на мир сей и наслаждения его, но по-прежнему ощущала в себе жажду Божественной милости, и все хотела бы прийти к покаянию и благоволению Божьему. Ибо длань Божья коснулась и ушибла Душу, и потому она нигде не могла обрасти покой, но всегда вздыхала про себя в печали о совершенных грехах, и стремилась очиститься от них. Однако она не могла достичь истинного покаяния или даже знания греха, хотя она испытывала сильную жажду и страстно желала такой искупительной печали.

Душа, будучи столь тяжко печалящейся и грустной и не находящей никакого лекарства или покоя, начала раскидывать умом, где бы ей найти подходящее место, в котором она могла бы истинно покоиться, где бы она могла быть свободной от дел, препонов и забот мира сего, а еще каким путем она могла бы снискать благоволение Бога. И наконец она решила удалиться в какое-нибудь закрытое уединенное место, и оставить все мирские занятия и преходящие вещи, и надеялась, что, будучи щедрой и сострадательной к бедному, она обретет Божье прощение. Так она придумывала все виды путей к достижению покоя и обретению вновь любви, благоволения и милости Бога. Но все ее попытки оставались безрезультатными, ибо ее мирские дела по-прежнему приводили ее к плотским страстям, и оно была уловлена в сети Дьявола так же, как и прежде, и не могла обрести покой. Она не знала, что сама была чудовищем и носила образ змея, в котором у Дьявола была такая сила и

доступ к ней, и запуталась во всех своих добрых желаниях, мыслях и побуждениях, и продолжала получать их от Бога и блага, о чем сам Христос сказал: «Дьявол украл сей мир из их сердец, чтобы они не верили и не были спасены».

Просвещенная и обновленная Душа встретила страдающую Душу

Провидением Божьим просвещенная и обновленная Душа встретила эту бедную, сокрушенную и страдающую Душу и сказала:

— Что томишься ты, страдающая Душа, так, что ты столь беспокойна и расстроена?

Страдающая Душа ответила:

— Творец скрыл Свой лик от меня, так что я не могу обрести в Нем покой, поэтому я так беспокойна и не знаю, что мне делать, чтобы вновь обрести Его нежную заботу. Ибо я чувствую как-то, что великие утесы и скалы лежат на моем пути к Его милости, так и то, что я не могу прийти к Нему. Хотя я всегда вздыхаю о Нем и стремлюсь к нему столь сильно, однако я удерживаема так, что не могу отведать власть Его, добродетель и силу.

Просвещенная Душа сказала:

— Ты несешь чудовищный образ Дьявола и одета им, через что, являющееся его собственным свойством и принципом, у него есть доступ или власть входить в тебя, и тем удерживать твою волю от проникновения в Бога. Ибо если бы твоя воля могла проникнуть в Бога, она была бы помазана наивысочайшей властью и силой Божьей в Воскресении нашего Господа Иисуса Христа; и то помазание разбило бы на куски то чудовище, которое ты носишь в себе, и твой первозданный райский образ возродился бы в центре, что уничтожило бы власть Дьявола там, и ты могла бы снова стать подобной ангелу. А потому что Дьявол завидует этому твоему счастью, он держит тебя узницей в своем желании плотских страстей, от чего если ты не освободишься, то будешь отделена от Бога и никогда не сможешь войти в наше сообщество.

Страдающая Душа устрашилась

При речи этой страдающая Душа была столь испугана и изумлена, что не могла вымолвить ни слова. Когда она обнаружила, что пребывает в форме и состоянии змея, который вводил злые мысли в волю Души и потому обладал столь большой властью над ней, что она была близка быть осужденной на вечные муки и быстро падающей в бездну или бездонную пропасть ада, в гнев Божий, она даже могла бы потерять всякую надежду на милосердие Божье, если бы не власть, добродетель и сила первого движения милости Бога, которое до того ушибло Душу — это удержало и сохранило ее от полного отчаяния. Но по-прежнему в ней боролись надежда и сомнение: что бы надежда не построила, было разрушаемо сомнением. И так была взволнована этой постоянной борьбой, что, наконец, мир сей и вся слава его стали ей отвратительны, и не могла она более наслаждаться мирскими удовольствиями, и вот из-за всею этого не могла обрести она покой.

Снова пришла просвещенная Душа и *сказана беспокойной Душе*

Однажды просвещенная Душа опять пришло к этой Душе и, найдя ее все еще пребывающей в столь великом умственном беспокойство, мучении и горе, сказала ей:

— Что ты делаешь? Жаждешь ли ты уничтожить себя в своем мучении и печали? Почто ты мучаешь себя по своей собственной воле, коя лишь чернь, зрящий твое мучение, возрастающий через это все больше и больше? Даже если бы ты утопила себя в море или могла бы улететь к самому дальнему краю утренней зари, или подняться выше звезд ты бы не освободилась. Ибо чем больше ты убиваешься, изводишься и страдаешь, тем мучительнее будет твоя природа, и ты не сможешь обрести никакого покоя. Ибо сила твоя совершенно пропала, и как высохшая ветка, пылающая на угольях, не может зазеленеть и дать свежие побеги своей собственной силой, и не может наполниться живительным соком, чтобы вновь расцвести вместе с другими деревьями и растениями, так и ты не можешь достичь места Бога

своей собственной силой и властью и преобразить себя в тот ангельский образ, который был у тебя изначально. Ибо в отношении Бога ты увядшая и сухая, подобно мертвому растению, которое лишилось своих соков и силы и стало сухим, мучимым жаждой. Твои свойства подобны жару и холоду, которые постоянно борются друг с другом и никогда не смогут соединиться.

Страдающая Душа сказала:

— Что же мне теперь делать, чтобы расцвести вновь и обрести изначальную жизнь, в коей был у меня покой, прежде чем я стала этим образом?

Просвещенная Душа сказала:

— Ты совсем ничего не должно делать, кроме как оставить свою собственную волю, которую ты называешь «я» или «собой». Через что все твои злые свойства ослабнут, уменьшатся и будут готовы умереть, а затем ты снова погрузишься в ту единую вещь, из которой ты изначально возникла. Ибо сейчас ты находишься в плену творений, но если ты оставишь их, творения, которые сейчас стоят и мешают тебе прийти к Богу, с их злыми влечениями умрут в тебе. А если ты встанешь на путь сей, твой Бог встретит тебя со Своей бесконечной любовью, которую Он явил в Иисусе Христе в роде людском или человеческой природе. И это наделит тебя соком, жизнью и силой, из-за чего ты снова сможешь рост, зеленеть и расцветать, и радоваться в Боге Живом, как ветвь, растущая на Его истинной лозе. И так ты полностью восстановишь образ Божий, и будешь избавлена от образа и свойства змея. Тогда ты станешь моей сестрой и будешь принята среди ангелов.

Бедная Душа сказала:

— Как могу я оставить свою волю, так чтоб творения, которые приютились там, могли умереть, видя, что я принуждена пребывать в мире сем, а также нуждаюсь в нем, пока я жива?

Просвещенная Душа сказала:

— Теперь у тебя есть мирские власть и богатства, коими ты владеешь, как своей собственностью, делаешь с ними, что пожелаешь, и тебе дела нет до того, как ты их получаешь и как ты ими пользуешься, заставляя их служить и потворствовать твоим плотским и суетным желаниям. Мало того, хотя ты видишь несчастного и нуждающегося беднягу, который хочет помощи от тебя, и который тебе брат, но ты не помогаешь ему, а наваливаешь на него тяжкую ношу, требуя от него больше, чем он способен вынести, и притесняешь его, заставляя работать и потеть ради тебя и ради удовлетворения твоей сластолюбивой воли. Ты к тому же спесива и набрасываешься на него, и ведешь себя с ним грубо и жестоко, возвышая себя над ним, мало ценя его по сравнению с собой. Теперь тот бедный притесняемый брат твой идет и со вздохами жалуется Богу на то, что он не может пожать благо трудов и работ своих, но принужден тобой жить в нищете…

Ты должна серьезно обдумать то, что на пути сей мирской жизни ты идешь в гнев Божий и в основание ада, и что это не твоя истинная родная страна; но что истинному христианину следует, и он должен жить во Христе, и в своем пути истинно следовать Ему, и что он но может быть истинным христианином, если только дух и сила Христа не будут жить в нем так, что он станет полностью подчинен им. Теперь взгляни — Царствие Христово не от мира сего, но на Небесах, поэтому ты должна всегда пребывать в постоянном восхождении на Небеса, если ты будешь следовать Христу, хотя телу должно обитать среди творений и пользоваться ими.

Узкий путь, на котором беспрестанное восхождение на Небеса и подражание Христу, таков: ты должна отчаяться во всякой своей собственной власти и силе, ибо и через свою собственную силу ты не сможешь достичь врат Божьих, и твердо вознамериться и решиться целиком отдать себя в руки милосердия Божьего, и всем своим умом и разумением погрузиться в страсти и смерть нашего Господа Иисуса Христа, всегда желая пребывать в том и умереть в том для всех творений. Также ты должна решить беречь и охранять свой ум, мысли и влечения, дабы не впустить в них никакого зла, и не должна ты давать себя захватить преходящим почестям или выгодам. Ты также должна решить отринуть от себя

всякое нечестие и все остальное, что может препятствовать твоему свободному движению. Твоя воля должна быть совершенно чиста и пребывать в твердом решении никогда больше не возвращаться к ее старым кумирам, но чтобы ты оставила их в тот же миг, как только узнала их, и отделило свой ум от них, и вступила на прямой путь истины и праведности, согласно ясному и полному учению Христа…. Далее, если потребуется, ты должна быть согласна и готова оставить все свои преходящие почести и выгоды ради Христа, и не заботиться ни о чем земном. не отдавать земному свое сердце и привязанности, но чтить себя в любых положении, должности и состоянии, в каких бы ты ни была, в отношении мирских звания и богатств — быть лишь слугой Бога и своих собратьев-христиан, или как управляющий на той службе, на которую твой господин поставил тебя….

Когда твоя воля таким образом приготовлена и полна решимости, тогда она пробилась сквозь свои собственные творения и чиста в присутствии Бога, и одета качествами Иисуса Христа. Можно тогда свободно идти к Отцу с чудесным Сыном, и оказаться в Его присутствии, и извергнуть свои молитвы, и пустить в ход всю свою силу в этой божественной работе, исповедать свои грехи и ослушание, и сколь далеко это отдалило от Бога. Это должно быть сделано не в виде пустых слов, но со всей своей силой, которая в действительности равносильно лишь твердому решению и намерению, ибо Душа сама по себе не имеет силы или могущества, чтобы выполнить какую-либо добрую работу.

….Так твои воля и ум будут восходить на Небеса день за днем, а твои творения постепенно исчезнут. Ты получишь совершенно новый ум и станешь новым творением, и очистишься от звериного уродство, возвратишь божественный образ. Так будешь ты освобождена от твоего настоящего страдания и возвратишься в изначальный покой.

Действия бедной Души

Тогда бедная Душа начало действовать так столь ревностно, что вообразила, будто сразу же победила, но обнаружила, что врата Небес захлопнулись перед ней своей силой и могуществом, и было то, будто бы она была отвергнута и оставлена Богом, и вовсе не получила то, что мелькнуло и выглядело милостью Его. На что она сказала себе: «Конечно, ты искренне не подчинила себя Богу. Не желай от Него ничего, а лишь предоставь себя Его суду и приговору, чтобы Он мог убить твои злые влечения. Погрузись в Него без ограничений природы и творения, и предай себя Ему, дабы мог Он делать с тобой то, что Он хочет, ибо ты недостойна говорить с Ним».

Таким образом Душа приняла решение погрузиться и оставить свою собственную волю, и когда она сделала так, тут же пало на нее наивеличайшее покаяние в ее грехах, какое только может быть, и она восскорбела горько о своем уродливом виде, и истинно и глубоко сожалела о том, что злые творения обитали в ней…. И так вздыхая и стеная, она приблизилась к бездне или пропасти ужаса и как бы предложила себя вратам ада, чтобы сгинуть там.

При этом бедная страдающая Душа была как бы лишившейся разума и совершенно покинутой, так что она таким образом забыла все свои деяния и с охотой предала бы себя смерти и перестала бы быть творением. Поэтому оно предала себя смерти и не желала ничего, кроме как умереть и сгинуть в смерти ее Искупителя Иисуса Христа, принявшего такие мучения и смерть ради нее. И в гибели сей она стала вздыхать и молить затворившись внутри себя о божественной доброте и о погружении в сущее милосердие Божье.

При этом внезапно явился ей приятный лик любви Божьей, который пронизал ее подобно великому свету и соделал ее чрезвычайно счастливой. Она тогда начала верно молиться и благодарить Всевышнего за такую милость, и возрадовалась чрезвычайно, что была она избавлена от смерти и мучения адского. Теперь она вкусила сладость Бога и обещанной Им истины, и теперь все злые духи, которые изнуряли ее прежде и удерживали от милости, любви и внутреннего присутствия Бога, были принуждены отступить от нее. Свадьба Агнца была теперь совершена и отпразднована, то есть благородная София вышла замуж или обручилась с Душой и печать Христовой победы была оттиснута на ее сущности,

и она вновь была принята в чада и наследники Бога.

Когда свершилось сие, Душа стала весьма радостна и начала действовать в этой новой власти и воспевать хвалу чудесам Божьим, и думала с тех пор все время ходить в тех свете, силе и радости. Но вскоре была атакована снаружи позором и срамом мира сего, а изнутри — великим искушением, так что она начала сомневаться, было ли ее основание воистину от Бога и действительно ли она вкусила Его милость.

Ибо проклятый Сатана пришел к ней и был готов сбить ее с этого пути и заставить ее усомниться, был ли это истинный путь…. Но все же она не могла прекратить борьбу, ибо пылающий огонь любви был посеян в нее, который поднял в ней неистощимое и постоянное томление и алкание божественной сладости. Так что, в конце концов, она начала правильно молиться и смирять себя в присутствии Бога, и проверять и пытать свои злые влечения и мысли и избавляться от них…

Теперь, когда земной разум нашел себя таким образом оставленным, а бедная Душа увидела, что она была презираема извне и осмеяна миром сим, ибо она не могла более ходить путем греха и тщеты, а также что она изнутри атакована проклятым Сатаной, который издевался над ней и постоянно помещал перед ней прелесть, богатства и славу мира сего, и называл ее дурой, ибо не заключала их в объятия, она начала размышлять и сказала внутри себя так: «О, вечный Боже! Что мне теперь делать, чтоб обрести покой?»

Просвещенная Душа снова встретила ее и говорила с ней

Пока она размышляла, просвещенная Душа снова встретила ее и сказала:

— О чем ты томишься, сестра моя, что ты столь мрачна и печальна?

Страдающая Душа сказала:

— Я последовала твоему совету и потому получила луч или эманацию божественной сладости, но это опять ушло от меня, и теперь я покинута. К тому же у меня очень сильные внешние переживания и бедствия в миро сем, ибо все мои добрые друзья покидают и презирают меня, а также я внутри атакована болью и сомнением и но знаю, что делать.

Просвещенная Душа сказала:

— Теперь ты нравишься мне весьма, ибо теперь наш любимый Господь Иисус Христос осуществил с тобой и в тебе то самое странствие или дело, которое Он сам соделал, когда Он был в мире сем, и Который постоянно был оскорбляем, презираем и поносим и у Которого не было здесь ничего своего, и теперь ты несешь Его отметину или знак. Но не удивляйся сему и не считай странным, ибо так должно, чтобы ты могла быть испытана, улучшена и очищена. В сих боли и страдании ты неизбежно будешь алкать и стенать об избавлении, и этим алканием и молитвой ты привлечешь к себе милость и изнутри, и снаружи.

Ибо ты должна расти сверху и снизу, чтобы вновь быть образом Божьим. Точно как молодое растение потрясаемо ветром и должно стоять на своем основании и жару и стужу, приводя через сие потрясение силу к нему сверху и снизу, и должно выдержать многие бури и испытать многие опасности прежде, чем станет деревом и принесет плод. Ибо через то потрясение сила Солнца движется в растении, посредством чего его дикие свойства пропитываются и окрашиваются силой Солнца, и через это растет.

И это то время, когда ты должно играть роль храброго солдата в духе Христовом и объединить себя с этим. Ибо теперь вечный Отец силой Своей огненной порождает в тебе Своего Сына, Который пресуществляет огонь Отца, то есть первый принцип или гневное свойство души в пламень любви, так что из огня и света (а именно гнева и любви) появляется одна сущность, бытие или субстанция, коя есть истинный храм Бога. И теперь ты станешь побегом лозы Христовой в винограднике Бога и принесешь плод в жизни твоей, и при помощи и наставлении других проявишь в изобилии любовь, подобно доброму дереву. Ибо должен так расцвести вновь в тебе Рай через гнев Божий, а ад в тебе пресуществится в Небеса.

Поэтому не пугайся соблазнов Дьявола, который ищет и силится восстановить то царство, которое у него уже однажды было в тебе, а теперь потерял его, он должен быть

проклят и удален от тебя. И он покрывает тебя снаружи стыдом и срамом мира сего, чтобы его собственный стыд не был узнан, и чтобы ты могла быть спрятана в мире сем.

Ибо через новое рождение или обновленную природу ты будешь в Божественной гармонии на Небесах. Поэтому будь терпелива и сопутствуй Господу, и что бы ни выпало тебе, все прими из рук Его, как назначенное Им тебе всевышнее благо.

И с тем просвещенная Душа удалилась от нее.

Путь страдающей Души

Страдающая Душа начала теперь свой путь с претерпением страдания Христа, и положилась в этом единственно на силу и власть Бога, обретя надежду.

С тех пор она становилась сильнее с каждым днем, а ее злые влечения отмирали в ней все больше и больше. Так что она, наконец, достигла высокого положения или степени милости, и врата Божественного Откровения и Царствия Небесного распахнулись перед ней и проявились в ней.

И так Душа через покаяние, веру и молитву вернулась к своему источнику и истинному покою и снова стала истинным и любимом сыном Бога, в чем Он мажет нам всем помочь Своим бесконечным милосердием. Аминь».

Иными словами, здесь просвещение, или иллюминация, души идет через сугубо христианское миросозерцание. Оно, скажем сразу, не считалось правильным, потому что было окрашено той мистикой, которая считалась неприемлемой для Римской церкви. Но и время уже было иное. Тем более, что сам Беме истинности существования Христа не отрицал, и у него нет пояснений, чем был для него этот древний образ — материальной или имматериальной сущностью. Христос Беме — это всего лишь светлое, истинное состояние Души, а Дьявол — ее темная, отвратительная суть.

Другое направление развития темы Грааля проникло в науку, которая счастливо положила начало изучению свойств химических элементов — алхимию. Поскольку это была наука столь же древняя, сколь и учение ессеев, породившее впоследствии христианство, то в ней существовало направление практическое (привычная нам алхимия, занимающаяся производством драгоценных металлов из никудышных субстанций) и герметическое, то есть более занятое поисками Единого Знания. Именно для людей, исповедующих доктрину поисков Философского камня, романы Грааля оказались совершенно мистическим текстом. Там они видели глубинную связь, но уже не с учением катаров, а собственными поисками. Может быть, именно романы о Граале и стали причиной рождения Ордена Розенкрейцеров. На самом деле то, что алхимики называли Великим Деланием, иллюминаты называли Светом: это процесс роста души, который преобразует косную материю в сияющий дух. И когда алхимики писали о Философском камне, то они имели в виду внутреннее перерождение, преображающее внешние свойства (отсюда и сияние, исходящее от лика святых, и нимб — переход материи в иное, духовное качество). В этом плане настоящая алхимии была химией души, а не химией материального мира. Недаром средневековый алхимик Ян Понтанус писал о всеобщем заблуждении касательно Философского камня так:

«Камень Философов уникален и един, но сокрыт и замаскирован множеством различных имен, и прежде, чем ты сможешь узнать его, тебе придется потратить немало сил; с трудом ты найдешь ого силой своего таланта. Он Камень водяной, воздушный, огненный, земной, флегматичный, холеричный, сангвинический и меланхолический. Он — Сульфур и одновременно Быстрое Серебро. Он обладает многими излишками, которые, я клянусь Богом живым, превращаются посредством нашего Огня в истинную и единую Сущность. Тот же, кто отделяет что-либо от нашего предмета, считая, что это необходимо, тот, вне всяких сомнений, ничего не понимает в Философии. Потому что все излишнее, нечистое, скверное, мерзкое и мутное, как и вся субстанция нашего предмета целиком, совершенствуется до состояния фиксированного духовного тела посредством нашего Огня. Этого Мудрецы

никогда не открывали, по каковой причине очень немного людей овладели нашим Искусством, так как обычно считается, что от нечистого и скверного нужно избавляться. Теперь, исходя из сказанного мной, можно увидеть и разобрать свойства нашего Огня, каким образом он взаимодействует с нашей материей и как он преобразуется в ней. Этот Огонь не сжигает материю, он ничего не отделяет от нее, не разделяет и не отдаляет друг от друга части чистые и нечистые, как об этом говорят Философы, но превращает весь предмет Делания в чистую материю… Все, что можно найти у Гебера и других Философов, даже если читать сто миллионов лет, не поможет понять его, так как этот Огонь можно открыть только путем глубокого сосредоточения мысли; только лишь после этого станут понятны книги, и никак иначе. Эксперименты в нашем Искусстве сводятся к поискам этого Огня, который превращает материю в Камень Философов. Таким образом, научись этому Огню, потому что если бы я нашел этот Огонь с самого начала, я бы не совершил две сотни ошибок, обладая правильной материей. Именно по этой причине у меня не вызывает удивления тот факт, что множество людей не смогли довести работу до завершения. Таким образом, всеми силами своего духа ищи этот Огонь, и ты достигнешь поставленной цели, потому что именно он осуществляет все Делание, и он является ключом всех Философов, который они никогда не открывают в своих книгах. Если ты погрузишься глубоко в рассуждения о свойствах вышеописанного Огня, ты узнаешь его, но никак иначе».

Великое Делание рассматриваюсь на духовном плане как перегонка, нагревание и кристаллизация духовных качеств, очищающая и просветляющая работа, приближающая человека к Богу. На этом духовном уровне оперировали понятиями тигля, реторты и перегонного куба. Как пишет современный исследователь Адам Мак Лейн, «…мы должны понять, что символы — это действительно конфигурации энергии… Тигель — это в сущности своей открытый сосуд, чаша, ступка или котел, открытый внешнему миру и способный вмещать материал… Этот процесс часто изображается как происходящий под действием жара. Во внешних терминах, руда помещается в тигель, который затем нагревается, металлические формы извлекаются из руды и различные загрязнения уходят в воздух, или шлак удаляется лопаткой с поверхности металла… Когда мы интернализируем тигель в нашей душе, мы рисуем сосуд внутри нашего существа, который открыт, позволяя загрязнениям или нежелательным продуктам Делания выйти вовне или рассеяться, а также субстанциям и силам из вселенского духовного войти. В этом смысле тигель в нашей душе — это чаша, нижняя часть которого вмещает и удерживает субстанцию или констелляцию сил, в то время как ее верхняя часть открыта для вселенских духовных влияний. Нежелательным энергиям может быть позволено безопасно покинуть наш тигель и раствориться в универсальном потоке, и в другом направлении энергии могут быть собраны из духовной сферы и им позволено спуститься в нижнюю часть нашего внутреннего сосуда… Реторта в этом архетипическом случае — это запечатанная колба. В этом внутреннем делании мы изображаем нашу душу как полностью запечатанную как от внешнего мира, так и от вселенской области духовного. Когда мы выполняем эту практику, мы должны иметь все необходимое нам внутри этой сферы нашей внутренней реторты, и для продолжения этой работы мы полностью самодостаточны и полагаемся на внутреннее изменение, которое имеет место в компонентах или силах, находящихся внутри нас в данное время. Мы работаем, чтобы вызвать трансформацию в этих внутренних конфигурациях без помощи внешних сил… Наиболее распространенный символ этого процесса в алхимических текстах — мужчина и женщина в колбе, соединяющиеся и дающие рождение ребенку. Итак, очевидно, что силы, с которыми мы работаем через эту практику, — это наши мужественные и женственные компоненты. Помещая эти конфигурации символических энергий в нашу внутреннюю реторту и воспроизводя способ, которым они проявляются и резонируют внутри нас, мы можем осуществить встречу с этими психическими компонентами позитивным образом. Другие противоположности, с которыми мы можем постараться работать, — наше логическое мышление и эмоциональные интуитивные компоненты, или

тело и дух, или наше благоговение перед духовным светом и наш страх перед глубокой тьмой материи, или процесс жизни и смерти, роста и упадка… Последний внутренний сосуд из тех, которые я хочу обсудить, — перегонный аппарат. Когда мы пытаемся пережить наш внутренний мир через этот символ, у нас возникает ощущение внутреннего процесса извлечения некоторой сущности, очищения и собирания ее внутри нашего существа, таким образом, что она становится источником, к которому мы можем прикоснуться по своему желанию. Эта алхимическая операция в некотором отношении соответствует в нашем повседневном внешнем сознании пути, которым приходит ощущение, что достижение понимания некоторого аспекта нашего мира может полностью трансформировать способ нашего взаимодействия с ним… Аналогичные процессы происходят в отношении нашей внутренней жизни через практику внутренней дистилляции, хотя это осуществляется на более тонком плане… Конечно, эти практики никогда не могут быть полностью завершены, так же как и мы сами изменяемся все время в ответ на текущие переживания, то работа с нашим внутренним перегонным аппаратом будет ценна тем, что приведет нас в соприкосновение с источником наших положительных качеств. В алхимических терминах процессы, связанные с перегонным аппаратом, включают в себя Дистилляцию, Возгонку, Фиксацию, Проекцию, Умножение, извлечение Квинтэссенции и т. д.».

Достаточно взглянуть на символику цвета в романах о Граале, чтобы понять, почему же так активно за нее ухватились розенкрейцеры и алхимики. Красный рыцарь и госпожа Бланшфлор по этой символике предстоят перед нами Мужчиной и Женщиной на алхимическом ложе Великого Делания. Иными словами, символика XIII века вплетается в символику грядущего, и если учесть алхимическую составляющую, то романы о Граале можно прочесть не как исторический протест против наступающей власти Римской церкви, а как алхимический процесс совершенствования Души. Какая из трактовок более правильная? Если я скажу, что никакая — это будет слишком жестоко? А если я скажу, что обе верны, не окажется ли это несправедливым? Но, тем не менее, — верны обе и никакая из них, потому что литературное творчество — это особое состояние человеческой души. И то, что в романах о Граале отразились реальные события, и то, что в ней же запечатлены поиски некоей духовной (алхимической) основы — все это справедливо. Но Грааль не может быть основоположением веры дли одних или объяснением возгонки духа для других, Грааль — это, прежде всего, некий материальный объект, исходя из существования которого родилось и первое и второе. Вполне вероятно, что изначально этот объект был порождением алхимии.

Рыцари Томаса Мэлори

Тут нам стоит заглянуть в самый поздний — и поэтому самый далекий от оригинала — роман Томаса Мэлори «Смерть короля Артура». Он вновь возвращает нас от идей катаров и идей алхимиков в мир мифов. Ибо этот великий роман написан на основе кельтской мифологии, и он менее всего связан как с катарской, так и с палестинской традициями. Мифы Мэлори гораздо древнее, они таятся в самой истории Британии, и они не связаны с вопросами веры, скорее с символикой древнего общества двух европейских островов — Британии и Ирландии. Мэлори взял за основу тексты французских и немецких романов о Граале, но создал свою эпопею об Артуре как об идеальном правителе Британии. Это весьма показательно: остров в его время стремился к полной независимости от власти Римской церкви. Видите, как интересно? Как только одно государство начинает ощущать желание уйти из-под власти Папы, сразу появляются и книги, воспевающие «истинную старину». Конечно, это не было политическим заказом: это было мироощущением автора. Он мечтал о золотом веке. Золотой век — это время легендарного короля Артура, когда все было чудесно и все было чудесным, и существовали Круглый Стол как принцип равенства и Грааль как

принцип божественного вмешательства, устроившего все по наилучшему образцу.

И этом романс мы сталкиваемся с уже известными из прошлого персонажами. Тут и Говейн, несущий идею секулярного мышления, и Ланселот, нарушивший правила, и прочие действующие лица, собравшиеся вокруг Артура.

В предисловии к изданию XV века издатель Мэлори Кэкстон писал, что было «девять лучших и достойнейших, и это: три язычника, три иудея и три мужа-христианина. Что до язычников, то они жили еще прежде воплощения Христова, имена же им были: Гектор Троянский, об коем повести существуют и в прозе и в стихах; второй — Александр Великий, третий же — Юлий Цезарь, император Римский, об коем истории всякому ведомы и повсеместно имеются. А что до тех иудеев, также прежде воплощения Господа нашего бывших, то из них первый — это Иисус Навин, что вывел сынов Израиля в Землю Обетованную, второй — Давид, царь Иерусалимский, а третий — Иуда Маккавей; и об них троих в Библии излагаются все их благородные дела и подвиги. Со времени же помянутого воплощения Божия было еще три благородных мужа-христианина, восславленных по вселенскому миру и введенных в число девятерых достойнейших и лучших, и из них первый — благородный Артур, чьи благородные деяния я намереваюсь описать в нижеследующей книге. Вторым был Шарлемань, он же Карл Великий, коего жизнеописания имеются во многих местах, и французским языком, и английским изложенные; третьим же, и последним, был Годефрей Болонский, о коего житии и подвигах книгу посвятил я сему достославному властелину и благородной памяти королю — Эдуарду Четвертому».

Таким образом, книга Мэлори о дворе короля Артура имеет точную аналогию: ее настоящий герой протектор Иерусалима Готфрид Бульонский. С ним, очевидно, ассоциировался образ Эдуарда IV. Идея рыцарства к тому времени уже благополучно умерла, идея «божественного правления» прекрасно существовала. И Грааль в этом плане был некоей основой богоизбранности, то есть священной реликвией, которая способна себя проявлять.

Мы ничего не прибавим и ничего не убавим, если будем исследовать приключения рыцарей короля Артура. Однако особенности Артурова Грааля могут нам что-то прояснить. Наставником Артура в этой книге выступает маг Мерлин, что уже показательно — будущий король воспитывается и как светский, и как духовный правитель Британии.

Как-то, когда сенешаль двора Кэй собирался на турнир, он вспомнил, что не захватил с собой меча, юный годами Артур согласился привезти ему меч. Но добравшись до замка, он понял, что не сможет взять меча из кладовых, поэтому решил пройти в церковь, где хранился заветный меч, который, по предсказанию, мог вытащить только король всей Англии. Артур взялся за заговоренный меч… и вытащил его. Это и был меч Эскалибур. Вот так и получилось, что король Артур оказался достойным, избранным, и этот меч отныне принадлежал только ему. Далее происходит много чудесных происшествий, обнаруживается даже копье Лонгина. Артур обретает жену Гвиневеру и вместе с нею Круглый Стол (количество рыцарей этого стола должно было составлять 150 человек). Понемногу Артур собирает всех рыцарей для своего Стола, только Гибельное сидение остается пустым. В конце концов, находится рыцарь и для этого Гибельного сидения — юный сэр Галахад. Поиски Грааля в этом романе названы духовными, а поиски подвигов — мирскими. Лучший рыцарь Британии сэр Ланселот Озерный оказывается недостойным Грааля, поскольку он нарушил законы совести и вступил в любовную связь с королевой Гвиневерой — женой короля Артура. Грааль (согласно роману Мэлори) хранится в замке Пелеса Корбеник.

Подвиги ради Грааля начинаются с явления рыцарям короля Артура плывущего по воде камня, в который воткнут меч. На рукояти меча, украшенной драгоценными камнями, золотом выбита надпись: «Ни один не извлечет меня отсюда, кроме того лишь, у кого на боку назначено мне висеть, и это будет лучший из рыцарей мира». Никто из рыцарей короля Артура не оказывается достойным этого меча — ни Ланселот, ни Говейн, ни Персиваль, — только совсем юный Галахад, у которого есть красивые ножны, но еще нет меча, ему-то он приходится впору! По предсказанию, «он королевской крови и из рода Иосифа

Аримафейского, и через него будут свершены дивные чудеса при этом дворе и в чужих странах». Ко двору Артура его приводит старец, который, очевидно, должен выполнить указании пророчества: именно он подводит Галахада к Гибельному сидению, и на его спинке появляется надпись «Это сидение для сэра Галахада», именно он переодевает сэра Галахада в мантию из горностая (знак королевской власти), а затем он оставляет Галахада при дворе и уходит. Галахад в артурианс считается сыном сэра Ланселота, но в отличие от отца он наделен чистой душой и только ему позволено найти Грааль и освободить Британию от колдовства. Галахад завоевывает себе освященный щит, который принадлежит ему по праву — щит короля Эвелака, сделанный под руководством Иосифа Аримафейского. Некогда, как пишет Мэлори, король Эвелак по совету Иосифа Аримафейского отказался от веры отцов ради веры в Христа, и бился он с завешенным покрывалом щитом, а когда враги стали одолевать и он откинул покрывало — тогда враги, увидав фигуру Распятого на кресте, бросились от щита врассыпную, а позже оказалось, что щит способен творить чудеса. Как только израненный рыцарь прикоснулся со всей верой к этому щиту, его отсеченная рука снова приросла к телу, но в ту же минуту со щита исчез символ креста, и все поле щита стало чистым, белым. Эвелак много сражался, случилось ему спасти из темницы и Иосифа Аримафейского, а когда они расставались, Эвелак попросил у святого хоть что-то себе на память, и тогда тот велел принести щит; тут же хлынула у Иосифа кровь носом и этой кровью он начертал на белоснежном щите алый крест. Рыцаря с таким щитом хранит небесная защита — вера, но он должен быть безгрешен. Но пророчеству, этот щит должен носить последний из рода — то есть сэр Галахад.

Грааль является рыцарям короля Артура на праздник Пятидесятницы, но рыцари оказываются неспособными его увидеть.

«И вдруг послышался треск и грохот грома, так что всем почудилось, что сейчас весь дворец рассыплется и прах. Но еще не смолк громовый раскат, а уже проник к ним туда солнечный луч, в семь раз яснее, чем в самый ясный день, и тех, кто там был, осветила благодать Духа Снятого. И посмотрели рыцари один на другого, и каждый показался остальным словно бы прекраснее видом, чем прежде. Но долгое время ни один из них не мог вымолвить ни слова, и они лишь сидели и смотрели друг на друга, как немые.

Но вот очутилась в зале священная чаша Грааль под белым парчовым покровом, однако никому не дано было видеть ее и ту, что ее внесла. Только наполнилась зала сладостными ароматами, и перед каждым рыцарем оказались яства и напитки, какие были ему всего более по вкусу. И была священная чаша Грааль пронесена через всю залу и исчезла неведомо как и куда.

И тогда все вздохнули и вновь обрели дар речи, и король вознес хвалу Господу за благодать, что была нм ниспослана.

— Воистину, — молвил король, — нам надлежит горячо возблагодарить Господа нашего Иисуса Христа за чудеса, которые он сподобил нас увидеть ныне, в славный день высокого праздника Пятидесятницы.

— Все мы, — сказал сэр Гавейн, вкусили ныне от яств и напитков, каких только душе нашей было угодно. Лишь и одном мы все же обманулись: мы не смогли видеть Святой Грааль, он был скрыт драгоценным покровом. И потому здесь же, не сходя с места, я даю клятву, что завтра, без всякого промедления, отправлюсь на подвиг во имя Святого Грааля и пробуду в отъезде целый год и один день и даже больше, если будет в том нужда, и не возвращусь ко двору, покуда не увижу священную чашу яснее, чем нынче. Ну а если не будет мне удачи, тогда вернусь я назад, ибо не должно человеку оспаривать волю Божию.

Когда услышали рыцари Круглого Стола такие речи сэра Гавейна, они повставали все со своих мест, и каждый повторил клятву, данную сэром Гавейном».

С этой клятвы и начинается поход за Граалем. Грааль взыскуют и сэр Гавейн, и сэр Персиваль, и сэр Ланселот, но Грааль не открывается им, либо они его видят, но не могут подойти.

Однажды, странствуя, Персиваль видит в часовне странную картину: старый уже

человек (по словам Персиваля, тому лет триста), со слезами взыскует Святых Даров и творит молитвы, а затем кладет свою корону на алтарь. Местный монах поведал ему такую старинную историю: Иосиф Аримафейский в городе Саррасе обратил в истинную веру короля Эвелака, и с той поры король все время стремился быть ближе к Иосифу и Святому Граалю, однажды он так приблизился к Граалю, что «Бог поразил его почти полной слепотой. И вскричал этот король: «Господи милостивый, не дай мне умереть, покуда не объявится в девятом поколении из моего рода добрый рыцарь, который сподобится достичь Святого Грааля, чтобы только мог я узреть его и поцеловать!» Когда взмолился так этот король, услышал он голос, произнесший: «Услышана твоя молитва, и ты не умрешь, покуда не поцелуешь его. И когда объявится этот рыцарь, ясность взора к тебе вернется, и ты прозреешь, и раны твои заживут, а до той поры они не закроются». Исцелить короля может только безгрешный рыцарь. И только трое — сэр Борс, сэр Персиваль и сэр Галахад могут взойти на некий священный корабль, который плывет к замку Грааля. Те, кто вступает на этот корабль с нечистыми помыслами, обречены на смерть. Именно на этом корабле сэр Галахад получает посвящение в рыцари, осмелившись наложить руки на Меч-на-Чудесной-Перевязи и вложить его в Ножны, Отворяющие Кровь. Оборотную сторону этого меча не дано увидеть никому из смертных, потому что она сделана из Дерева Жизни. Взыскующие Грааля рыцари и прекрасная дева проходят ряд испытаний, но, и конце концов, они вынуждены разделиться: только одни на один встречаясь с опасностями, они могут обрести Грааль.

Однако первому дано лицезреть Грааль не достойным рыцарям, а греховному Ланселоту. Он попадает в замок, где все двери, кроме одной, оказываются открытыми. И влечет его к этой запертой двери.

«И он протянул руку и хотел открыть ее, но не смог. Тогда навалился он на дверь со всей силою. И прислушался он и услышал голос, который пел столь сладостно, что казался неземным. И голос тот словно бы повторял:

— Славься и радуйся. Отец Небесный!

И опустился тогда сэр Ланселот на колени перед той дверью, ибо он понял, что за ней заключен Святой Грааль. И сказал он так:

— Благий и милосердный Отче Иисусе Христе! Если хоть раз свершил я что-то, чем заслужил Твою милость, сжалься надо мною, Господи, и не наказуй меня за прежние мои прегрешения, подай узреть хоть частицу того, чего я взыскую.

И с тем увидел он, как отворилась дверь и тот покой и оттуда излилась великая ясность и стало сразу так светло, словно все на свете факелы горели за той дверью. Приблизился он к порогу и хотел уже было войти. Но тут прозвучал ему голос:

— Сэр Ланселот, стой и не входи, ибо ты не вправе сюда войти. И если ты войдешь, то горько раскаешься.

И отступил сэр Ланселот в глубокой печали. И взглянул он через порог и увидел там посреди покоя серебряный престол, а на нем священную чашу, покрытую красной парчою, и множество ангелов вокруг, и один из них держал свечу ярого воска, а другой — крест и принадлежности алтаря. А перед священной чашей он увидел блаженного старца в церковном облачении, словно бы творящего молитву. Над воздетыми же ладонями священника привиделись сэру Ланселоту три мужа, и тот, что казался из них моложе, поместился у священника между ладоней, он же воздел его высоко вверх и словно бы показал так всему народу.

Подивился этому сэр Ланселот, ибо ему показалось, что священник под тяжестью той фигуры вот-вот упадет на землю.

И, не видя вокруг никого, кто мог бы поддержать старца, бросился он к двери и сказал:

— Милосердный Отче Иисусе Христе! Не почти за грех мне поддержать этого доброго человека, который так нуждается в помощи!

И с тем шагнул он за порог и устремился к серебряному престолу, но когда он приблизился, то ощутил на себе дыхание, словно бы смешанное с пламенем, и оно ударило

его прямо и лицо и жестоко его опалило. В тот же миг упал он на землю, и не было у него сил подняться, словно у человека, утратившего от потрясения власть над своими членами, и глух, и зрение. И тут он почувствовал, как множество рук его подхватили и вынесли вон из того покоя, и оставили его там за дверью, с виду для всякого — мертвым.

А наутро, при ясном свете дня, поднялись все обитатели замка и нашли сэра Ланселота лежащим перед закрытой дверью. Подивились они, как он там очутился. Они осмотрели его, пощупали ему пульс, чтобы узнать, сохранилась ли в нем жизнь. И оказалось, что он жив, но не в силах ни встать, ни двинуть рукой или ногой».

А затем сэр Ланселот поправился, но услышал голос, что на этом его поиски Грааля завершены. И сэр Ланселот понял, что Грааль счел его недостойным.

«А трое рыцарей — сэр Галахад, сэр Борс и сэр Персиваль все искали Грааль. Однажды прибыли они в замок Корбеник. И сын короля Пелеса принес им сломанный меч, восстановить который мог только чистый душой рыцарь, эту честь они предоставили Галахаду. И точно, обе половины меча сошлись вместе, точно он никогда не был сломан. Но Галахад вручил меч сэру Борсу, поскольку лучшего хозяина мечу подобрать было сложно. И тут вдруг меч поднялся сам собой и воспылал жаром, а потом голос потребовал, чтобы все недостойные тотчас вышли. Когда рыцари остались наедине с мечом, вдруг видят они: входят в двери залы рыцари во всеоружии и снимают они шлемы и доспехи свои и так говорят сэру Галахаду:

— Сир, мы спешили, как могли, чтобы быть с вами вместе за этим столом и вкусить божественной пищи.

И ответил он:

— Добро вам пожаловать! Но откуда вы?

И ответили трое из них, что они из Галлии, другие трое, что они из Ирландии, а последние трое — что из Дании.

Расселись они все, и вдруг из дальнего покоя появилось пред ними деревянное ложе, несомое четырьмя благородными дамами, а на ложе лежал в недуге благородный старец с золотым венцом на голове. Поставили его дамы посреди залы и удалились. И тогда он поднял голову и сказал:

— Сэр Галахад, добрый рыцарь, я рад видеть тебя, ведь я горячо желал твоего прибытия. Ибо я терплю такие муки и страдания, каких ни одни человек не в силах долго переносить. Но теперь я верю, что пришел срок исцеления от моих мук, и я скоро покину этот мир, как было мне обещано.

И с тем раздался голос:

— Среди нас есть двое, не взыскующих Святого Грааля. Пусть же они удалятся!

Тогда удалились король Пелес и его сын. И вот представилось им, будто явился пред ними старец и сопровождении четырех ангелов небесных, и был он словно бы и епископском облачении и в руке держал крест. Четыре ангела несли его сидящим в кресле и опустили и поставили перед серебряным престолом, на котором стоял Святой Грааль. На челе же у него словно бы виднелись буквы, гласившие: «Вы видите пред собою Иосифа, первого епископа христианского, которого Господь наш поддержал и божественном храме в городе Саррасе». И подивились этому рыцари, ибо тот епископ уже триста лет и более как умер.

— Ах, рыцари, — молвил он, — не удивляйтесь, ведь некогда и я жил на земле.

И с тем услышали они, как распахнулись двери дальнего покоя, и внутри увидели они ангелов. Два ангела держали восковые свечи, а третий платок, четвертый же — копье, с которого чудесным образом бежала кровь, и капли крови падали в шкатулку, что держал он в другой руке. Вот поставили они свечи на престол, третий ангел опустил платок свой на священную чашу, а четвертый установил священное копье стоймя на крышке чаши.

И тогда епископ приступил к освящению Даров, и поднял он облатку, наподобие хлебца. В тот же миг явилась фигура наподобие отрока с лицом красным и светлым, как огонь. И она вошла в тот хлебец, так что все видели, что хлебец тот из плоти человеческой. А затем старец поместил его обратно в священную чашу. И он проделал все остальное. что

надлежит священнику во время мессы.

А потом приблизился он к сэру Галахаду и поцеловал его и велел ему поцеловать своих товарищей. Тот так и сделал.

— А теперь, — сказал епископ, — слуги Иисуса, вы вкусите пищу за этим столом и утолите голод сладчайшими блюдами, каких никогда еще не отведывал рыцарь.

И, сказав это, он исчез. Они же сели к столу в великом страхе и прочитали молитвы. И поглядели они и увидели, что выходит к ним из священного сосуда фигура человека, со всеми знаками Страстей Иисуса Христа, открытыми и кровоточащими, и говорит:

— Мои рыцари и слуги и верные Мои дети, от жизни смертной пришедшие к духовной жизни. Я не буду более скрываться от ваших взоров, и вы увидите ныне Мое тайное и сокровенное. Примите же и вкусите пищи, которой вы алчете.

И поднял Он Сам священную чашу и приблизился к сэру Галахаду. И тот преклонил колена и принял причастие. Вслед за ним приняли причастие и все остальные. И нашли они его столь сладким, что никакими словами нельзя передать. И молвил Он сэру Галахаду:

— Сыне, ведомо ли тебе, что держу я меж ладоней?

— Нет, — отвечал, — покуда Ты не сказал мне.

— Это, — сказал Он, — священный сосуд, из которого ел Я агнца на Пасху, и ты видишь теперь то, что видеть желал всего более. Но покуда ты еще видишь это не так ясно и открыто, как предстоит тебе это видеть в городе Саррасе, в храме духовном. И потому надлежит тебе покинуть здешний замок, взявши с собою этот священный сосуд, ибо нынче ночью назначено ему покинуть пределы королевства Логрского, и, больше его здесь никогда не увидят.

А знаешь ли ты, почему? Потому, что ему не служат и не поклоняются в этой стране так, как должно, ибо здесь люди обратились ко злу, и Я лишу их той чести, что некогда Я им оказал. И потому отправляйся завтра поутру к морю, где ты найдешь корабль твой наготове, и с собою захвати Меч-на-Чудесной-Перевязи, и никто более не должен ехать с тобой, кроме сэра Персиваля и сэра Борса. И еще повелеваю вам взять с собою крови с этого копья, дабы натереть ею Увечного Короля, и ноги его и тело, и тогда он будет исцелен.

— Сэр, — сказал Галахад, — а почему бы и остальным тоже не отправиться с нами?

— По той же причине, что рассылаю Я моих апостолов одного сюда, другого туда, также хочу Я и вас разлучить. Двое из вас примут смерть, служа мне, и лишь один возвратится назад и принесет людям вести.

И с тем дал Он им свое благословение и исчез.

А сэр Галахад приблизился к лежавшему на столе копью и омочил пальцы в крови, с него стекавшей, а затем поспешил к Увечному Королю и обмазал кровью его тело и ноги. И в тот же миг поспешил король вновь облачиться к свои одежды и вскочил на ноги из постели, здрав и невредим, и возблагодарил Господа за чудесное свое исцеление. А вскоре он удалился от мира и обосновался в святых местах у белых монахов и жил там жизнью праведной.

Им же раздался в ту самую ночь, незадолго до полуночи, голос, изрекший:

— Сыны Мои, но не самые главные, друзья Мои, но не воины, отправляйтесь же ныне повсюду, где вам лучше вершить дела свои, как Я повелеваю вам.

— Благодарение Тебе, Господи, что Ты признал нас и провозгласил сынами Твоими! Теперь-то мы докажем наделе, что не напрасны труды наши».

В поисках Грааля судьба занесла их в город Саррас, где Галахад после испытании стал королем. И вот однажды во дворце увидели трое рыцарей Священный Грааль, «а пред ним, преклонив колена, молился некто в обличим епископа, и вокруг него — великое воинство ангелов, как если бы то был сам Иисус Христос. Вот поднялся он и начал моление Богородице. Вот совершил он освящение Даров и окончил службу. А потом подозвал к себе сэра Галахада и сказал:

— Ступай сюда, о слуга Иисусов, и ты увидишь то, что горячо желал увидеть.

Тут сильно задрожал сэр Галахад, — это трепетала смертная плоть, которой открывались божественные явления. И воздел он руки к небесам и произнес:

— Господи, благодарю Тебя, ибо вижу я то, что много дней уже стремился увидеть. Теперь, о благий Господи, я не хотел бы более ни дня оставаться в этом жалком мире, если будет на то воля Твоя, Господи.

Тут взял святой старец в ладони Тело Господне и протянул сэру Галахаду, и тот вкусил смиренно и радостно.

— Теперь знаешь ли, кто я? — спросил старец.

— Нет, сэр, — отвечал сэр Галахад.

— Я — Иосиф Аримафейский, которого Господь прислал тебе в сотоварищи. А знаешь ли, почему изо всех Господь прислал к тебе именно меня? Потому, что ты в двух вещах подобен мне: в том, что ты сподобился видеть чудеса Святого Грааля и что ты, как и я, целомудрен и чист.

И когда он так сказал, сэр Галахад приблизился к сэру Персивалю и поцеловал его и поручил его попечению Господню. А затем приблизился он к сэру Борсу, поцеловал его и его тоже поручил Богу, сказавши так:

— Любезный лорд, передай мой привет господину моему сэру Ланселоту, моему отцу, и, когда ни увидите его, напомните ему о непрочности этого мира.

И с тем опустился он на колена перед престолом и стал молиться. И внезапно отлетела душа его к Иисусу Христу, и великое воинство ангелов вознесло ее к небесам прямо на виду у двоих его товарищей.

И видели также двое рыцарей, как с небес протянулась рука, но тела они не видели, и та рука достигла до священного сосуда и подняла его и копье тоже и унесла на небо. С тех пор не было больше на земле человека, который мог бы сказать, что видел Святой Грааль».

Сэр Персиваль скоро принял духовный сан и удалился отшельником от мира, а потом умер. И только рыцарь Борс остался жив. Он вернулся ко двору короля Артура и рассказал там эту историю.

Сама книга на этом не завершается, но завершаются поиски Грааля.

Что же такое Грааль но тексту рыцаря Томаса Мэлори?

Судя по тому, как Грааль проявляет себя, он не чаша евхаристии и не кельтский котел изобилия, гораздо ближе этот Грааль ветхозаветному Ковчегу Завета. Только Ковчег Завета давал иудеям возможность напрямую беседовать с Богом, и только Ковчег Завета поражал тех, кто недостоин, тяжелым недугом и требовал специального ритуала для тех, кто был избран Первосвященником. По преданию, Иосиф Аримафейский происходил из рода первосвященников, из рода Давидова, а сэр Галахад считался последним в этом роду. По большому счету, Ковчег Завета — это и не чаша, и не ваза, и не камень, и не цветок, и не котел, и даже не потир — это совершенно уникальная конструкция, не имеющая аналогов в истории. Вот, очевидно, почему все описания и толкования Грааля оказываются искаженными, и каждый видит то, что более всего готов увидеть. Что, если на протяжении тысячелетий пропавший Ковчег Запета был сбережен верующими и, так сказать, под суровым контролем переходил из рук и руки? И эта священная реликвия формировала вокруг себя сторонников? Возможно ли такое?

Евреи считали, что Ковчег был утрачен во время вавилонского пленения и в дальнейшем уже никто и никогда не смог его обрести. Ковчег был главной реликвией Первого Храма. И мы знаем также, что он не достался захватчикам, поскольку те не преминули бы об этом факте упомянуть. Они скрупулезно перечисляют даже медные зеркала и плошки, но нет даже намека, что они видели этот Ковчег. Когда воины ворвались в Храм, Ковчега там уже не было. Кто-то его унес и спрятал. И во время Второго Храма бытовала надежда, что однажды Ковчег вернется, и тогда в Иерусалим вернутся Слава, Власть, Мир.

Грааль Завета

Но возможно ли, что Ковчег был утаен, а затем не открыт Второму Храму? Кто мог нарушить закон и не вернуть Ковчег после освобождения от вавилонян? А если это произошло, то почему? Известно, что утаить реликвию было весьма проблематично, хотя бы в силу ее особенностей и опасности, которые эта реликвия представляла для его хранителей. Ковчег был не только некоей благой силой, но и мощным оружием, способным убивать. Голос Бога мог быть и сладким, и грозным, и — что хуже — Бог говорил с хранителями языком Света. Что если избранные хранить Ковчег были избраны не случайно, а, так сказать, в силу некоторых генетических особенностей организма и строгой жизни, перестраивающей химические процессы в их телах? Вы, конечно, можете возразить, что генетические особенности и Грааль — вещи несовместимые, но мы бы не были столь категоричны. Что мы знаем о Ковчеге? Библия дает нам его описание, вплоть до инструкций по созданию и инструкций по применению. Когда-то Эрих фон Денникен даже показал в фильме «Воспоминания о будущем», как мог выглядеть сей Ковчег. Получилась мощная аккумуляторная батарея. Денникен считал, что это было еврейское средство связи с теми, кто посетил нашу Землю и создал человечество, то есть с богами. Иными словами, это была древняя рация. Но к чему рации поражать людей ударами непонятной по происхождению силы? Вряд ли электричеством, скорее чем-то более серьезным? Ковчег был и средством связи, и оружием, и в руках диких детей пустыни стал святыней. Постепенно с годами забывалось его предназначение, так технология пришельцев получила статус главной реликвии евреев. Могло ли такое быть?

Давайте посмотрим, как описывает Ковчег сама Библия.

«И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; все сделайте, как Я показывал тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее; так и сделайте. Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя. и высота ему полтора локтя; и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг его золотой венец витый; и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. Сделай из дерева ситтим шесты и обложи их чистым золотом; и вложи шесты в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег; в кольцах ковчега должны быть шесты и не должны отниматься от него. И положи в ковчег откровение, которое Я дам тебе. Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, а ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху, в ковчег же положи откровение, которое Я дам тебе; там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения, о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым».

Главный наполнитель этого ларца — скрижали, как новые, которые были изготовлены после разрушения первой пары записей, так и обломки старых, разбитых после ослушания народа Моисеева.

Кроме Ковчега Моисею было поручено также изготовить светильники, жертвенный стол. Завесу или скнинию, куда помещался Ковчег. «И сделай стол из дерева ситтим, длиною в два локтя, шириною в локоть, и вышиною в полтора локтя, и обложи его золотом чистым, и сделай вокруг него золотой венец витый; и сделай вокруг него стенки в ладонь и у стенок его сделай золотой венец вокруг; и сделай для него четыре кольца золотых и утверди кольца на четырех углах у четырех ножек его; при стенках должны быть кольца, чтобы влагать шесты,

для ношения на них стола; а шесты сделай из дерева ситтим и обложи их чистым золотом, и будут носить на них сей стол; сделай также для него блюдо, кадильницы, чаши и кружки, чтобы возливать ими: из золота чистого сделай их; и полагай на стол хлебы предложения пред лицем Моим постоянно. И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник; стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него; шесть ветвей должны выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его; три чашечки наподобие миндального цветка, с яблоком и цветами, должны быть на одной ветви, и три чашечки наподобие миндального цветка на другой ветви, с яблоком и цветами: так на всех шести ветвях, выходящих из светильника; а на стебле светильника должны быть четыре чашечки наподобие миндального цветка с яблоками и цветами; у шести ветвей, выходящих из стебля светильника, яблоко под двумя ветвями его, и яблоко под другими двумя ветвями, и яблоко под третьими двумя ветвями его и на светильнике четыре чашечки, наподобие миндального цветка; яблоки и ветви их из него должны выходить: он весь должен быть чеканный, цельный, из чистого золота. И сделай к нему семь лампад и поставь на него лампады его, чтобы светили на переднюю сторону его; и щипцы к нему и лотки к нему сделай из чистого золота; из таланта золота чистого пусть сделают его со всеми сими принадлежностями. Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе». Исходя из последней строки текста, был дан и образец, потому что по такому описанию можно собрать все, что угодно, только не то, что требовалось. Особое внимание уделяется шестам и их длине: главное, чтобы руки не соприкасались с ковчегом, и он находился достаточно далеко от несущих его людей.

Для жрецов Ковчега, чтобы они могли без боязни входить в Скинию Завета, требовалась особая одежда, особое питание и особая святая жизнь. Но и то, периодически созерцая Славу Божью, они получали повреждение зрения, либо при неосторожном обращении со святыней попросту умирали. «Когда станет надобно подняться в путь, Аарон и сыны его войдут, и снимут завесу закрывающую, и покроют ею ковчег откровения; и положат на нее покров из кож синего цвета, и сверх его накинут покрывало все из голубой шерсти, и вложат шесты его; …Когда при отправлении в путь стана, Аарон и сыны его покроют все святилище и все вещи святилища, тогда сыны Каафа подойдут, чтобы нести, но не должны они касаться святилища, чтобы не умереть. Но сами они (сыны Каафовы) не должны подходить смотреть святыню, когда покрывают ее, чтобы не умереть».

Так указано в книге «Чисел».

Все описания Грааля говорят нам о Свете, исходящем от него, благостном запахе, видениях — то есть о тех, собственно, явлениях, которыми славился сам ковчег. Грааль способен также и поразить врагов, физически их уничтожить, что использовалось, между прочим, создателями Ковчега для борьбы с теми, кто посягал на народ Израиля. Грааль был некой универсальной святыней, Ковчег — тоже. И если Грааль мог питать страждущих единственной облаткой, то Ковчег посылал народу еврейскому манну с небес — некую белую субстанцию странного вкуса — напоминающую хлеб, о сути которой нам ничего не известно. Исследователь аномальных явлений Г. Хэнкок пишет: «Ковчег же был совершенно уникальным, непревзойденным в том почитании, которое оказывали ему книжники, и не имеющим равных по ужасным делам, приписываемым ему на протяжении долгого времени, когда он превалировал в библейской истории. Больше того, приписываемое ему могущество вовсе не было литературным приукрашиванием. Напротив, со времени его изготовления у подножья горы Синай и до его внезапного исчезновения спустя несколько столетий он продолжал выступать нее с тем же эффектным, хоть и ограниченным репертуаром. Так, он постоянно поднимал себя, своих носильщиков, другие предметы вокруг себя; он излучал свет; его постоянно связывали со странным «облаком», материализовавшимся «между херувимами»; он поражал людей болезнями вроде «проказы» и «наростами»; он постоянно убивал тех, кто случайно дотрагивался до него или открывал его. Примечательно, однако, что он не проявлял ни одного из других чудодейственных свойств, которых можно было бы

ожидать, если бы речь шла о массовой галлюцинации либо о привнесении и описание большой доли фантазии. К примеру, он ни разу не принес дожди, не превращал воду в вино, не воскрешал мертвых, не изгонял дьяволов и не всегда побеждал в битвах, в которые его брали (хотя обычно все же побеждал). Иными словами, на протяжении всей своей истории ковчег вел себя как машина, сконструированная для выполнения определенных, весьма конкретных задач и эффективно функционировавшая только в их рамках, но даже и тогда он — как и всякая машина — давал сбои из-за конструктивных недостатков и влиянии на нее ошибок человека и износа». Рукотворное чудо древности не могло не стать главной святыней еврейского народа. Но… ведь он пропал.

Хорошо, вполне вероятно, что кому-то удалось спасти этот Ковчег. Но почему его не вернули в восстановленный Второй Храм? Вполне возможно, что его спрятали и… потеряли. А спустя долгое время, когда уже народ отвык от использования Ковчега, снова нашли (и такое бывает). И те, кто нашел, считали, что современный ему еврейский мир недостоин иметь столь ценную святыню. Так она оказалась в руках избранных. И один из последних избранных мог увезти ее после полного уничтожения Храма и унижения евреев в далекие новые земли. Например, в Британию. А когда земли Британии стали терзать раздоры, перевезти ее на континент. Куда? Да туда, конечно, где собралось много выходцев из Палестины, которые могли прозреть и последовать за чистой верой. Имя этой чистой веры нам хорошо известно.

И тогда все вопросы, на что ритуальная чаша (или потир) катарам, отпадают сами собой. Ковчег не был чашей в прямом смысле этого слова. Он не был и камнем, он был совокупностью всего этого и даже больше. Интересно, но сосуды или чаши со странными свойствами благополучно дожили и до наших дней. Причем, объяснить, «как это работает», никто не может. Как сообщалось около года назад и прессе, в «Алматы в одном из антикварных музеев хранится уникальный предмет. Когда хозяин раритета демонстрирует его свойства, народ обалдевает и потрясенно говорит: «Этого не может быть. Феноменально». Естественно, все хотят прикоснуться к чуду и попробовать вызвать фонтан из воды легким движением руки. Самые неверующие при этом заглядывают под стол в поисках моторчика или иного устройства, приводящих в движение воду. Эту странную вещь собиратель древностей купил за пять тысяч долларов, но не знал, что с ней делать. Прозвал тазиком: чаша из необычного металла с ручками из золота и впрямь напоминала емкость для мытья посуды. Однажды в антикварную лавку пришел китаец, увидел диковинную штуку и рассказал легенду об исцелении китайской принцессы с помощью такого «тазика», показал, как им пользоваться. С тех пор чудо исправно лечит своего хозяина — князя Азата Акимбека.

Как мусульманин снимает обувь, входя в мечеть, так и монах в китайском монастыре, прежде чем переступить порог святыни, очищается. Подобные «тазики» стояли на пороге храмов. Обряд с «кипящей» водой должен был очистить не только руки верующего (их надо мыть с мылом, прежде чем коснуться золотых ручек), но и тонкое энергетическое тело человека. «Тазик» выступал мерой чистоты. И если в течение обряда вода оставалась спокойной, никак не удавалось ее «замутить», значит, человеку надо было больше молиться, поститься, очищаться. Так повелось с эпохи Джоу — III–II вв. до н. э. При трении ручки из благородного металла издают необычный варганный (глубинный, медитативный) звук, который тоже считается по-своему лечебным, так как «трогает» энергетические чакры человека. Нынешний хозяин емкости говорит, что «тазик» запросто можно использовать еще и для ингаляции. Налить в посудину отвары трав, добиться бурления воды, наклониться пониже над фонтанами и вдыхать в себя лечебные капельки. Он так и делает. Одно «но».

— Тот китаец, который раскрыл секрет «тазика», предупреждал, что больше двух минут натирать ручки нельзя. Можно упасть в обморок, — рассказывает Азат Акимбек. — У меня был случай, когда одни молодой человек увлекся процедурой и потерял сознание.

Если добросовестно вымыть руки, затем опустить их в «тазик» с водой и начать водить ладонями по золотым ручкам, читая про себя молитву, «раздражая» линию жизни, очень

скоро можно почувствовать покалывания в ладонях и прилив энергии, который, точно теплая волна, начинает идти от рук и выше. Можно почувствовать давление на голову, как будто на нее надели плотную теплую шапку.

Азата Акимбека как искусствоведа интересует символика, начертанная на чаше. Показывает на восьмилепестковый цветок в центре дна. Говорит, что это символ вечности, сакральный знак, рядом написано благопожелание китайскими иероглифами. Но самое невероятное — сочетание китайских, мусульманских и греческих орнаментов. Края «тазика» испещрены греческим меандром — символом вечности. У монголов этот же узор символизирует небо. Чуть ниже идет витиеватый ислями — исламский орнамент, в переводе на русский — вьюнок. «Межконфессиональная вещица, — говорит князь… И добавляет: — Таких чаш в мире несколько. Одна из них попала в НАСА. Ее там тщательно исследовали, однако разгадку так и не нашли».

Говорят, что странная чаща сделана из сплава семи металлов, что считалось у алхимиков показателем универсальности изделия. И некоторые ученые считают, что именно в сплаве и нужно искать разгадку странного поведения чаши. Так что, как видите, у Грааля могли быть весьма удивительные свойства, особенно, если он то, что предполагается — то есть Ковчег Завета, обладавший невероятными качествами. Но если Грааль на самом деле спасенный Ковчег, то где он теперь? Снова спрятан? Или уничтожен?

По одной из версий, все, что связано с легендой об Иосифе Аримафейском и его Граале — всего лишь миф. А на самом деле настоящий Ковчег Завета, пли Грааль, нашли тамплиеры. Еще до официального учреждения Ордена они занимались раскопками на Храмовой горе. И основной тайной тамплиеров была как раз находка Ковчега Завета. Не в подземельях дворца Ирода, конечно. Гораздо вернее, что Ковчег был вывезен из Израиля еще при царе Манассии, прославившемся идолопоклонством, что не могло не отвратить от него соплеменников, особенно из иудейского священства. Какие-то странные следы находят в Эфиопии, где, как вы помните, отец Персиваля Гамурет встретил свою любовь — чернокожую красавицу-язычницу. На этих южных землях по времена крестовых походов жило немало европейцев, и они упоминаются как переносчики во время религиозных процессий священного Табота, коптской святыни. Табот в переводе на русский — Ковчег. Кто были эти носильщики Табота? Есть сведения, что рыцари-тамплиеры. Могли ли они доставить святыню из Африки в Европу? В принципе могли. Куда бы в Европе они ее доставили? Скорее всего — в Тулузу.

На ту историческую ситуацию, которая сложилась в Южной Франции, появление святыни могло подействовать только одним способом: укрепить веру. И название этой веры нам тоже известно — катаризм. А название святыни — Грааль. Что ж тогда спасали катары из Монсегюра? Может быть, Ковчег? Ведь из опального замка ушли до начала штурма четверо молодых и крепких катаров. Четверо… именно столько людей необходимо для переноски Ковчега. Четыре шеста — четыре человека.

Но где они его спрятали? По легенде, бытовавшей среди провансальцев, которую записал в свое время потрясенный героизмом этих людей немецкий искатель Грааля Отто Ран, «когда стены Монсегюра еще стояли, катары охраняли Священный Грааль. Но Монсегюр был в опасности. Рати Люцифера уже расположились под его стенами. Им нужен был Грааль, чтобы снова заключить его в корону их властелина, из которой он выпал, когда падший ангел был повержен с небес на землю. В момент наивысшей для Монсегюра опасности с неба явился белый голубь и своим клювом расщепил гору Табор. Эсклармонда, хранительница Грааля, бросила ценную реликвию в недра горы. Гора снова сомкнулась, и так Грааль был спасен. Когда дьяволы ворвались и замок, они поняли, что опоздали. В гневе они предали огню всех Чистых неподалеку от скал, на которых стоял замок, на Camp des Crémats, поле костров… Огню были преданы все Чистые, но не Эсклармонда. Спрятав Грааль, она поднялась на вершину Табора, превратилась в белую голубку и полетела в горы Азии. Итак, Эсклармонда не погибла. И по сей день она живет там, в земном раю».

В поисках Грааля

(Вместо заключения)

Как видите, у Грааля много возможностей, чем оказаться для ищущих его людей. Для одних — это Воплощенное Слово, для других — Алхимическое Великое Делание, для третьих — чистая вера, не испорченная институтом церкви, для четвертых — таинства официальной церкви, для пятых — волшебный камень или волшебная чаша, которые могут все. Но для большинства моих современников Грааль — это сокровище. И они ждут от него либо могущества (ведь Грааль может все), либо богатства, либо подсчитывают в уме, сколько же может стоить такая удачная находка. И этим последним нет дела ни до веры, ни до тайны, их интересует только вес добытого золота, серебра, драгоценных камней.

Грааль, так же как и Ковчег Завета, искало и ищет не одно поколение людей. Но пока что никому не удалось этого сделать. Почему? Может быть, ищут не там? Может, и не там. Вот (по последним сведениям) точный адресок: искать Грааль нужно не то в Риге, не то и Алуксне. Считается, что после разгрома Ордена тамплиеров эти несчастные оклеветанные рыцари погрузили сокровища на телеги, потом на корабли и вышли на своих ногах в Балтийское море, а затем повернули на Восток. И якобы обосновались они с братьями из Ливонского и Тевтонского орденов, спрятав документы Ордена и несметные богатства в подземельях рижского и алукснеского замков. Некоторые особо знающие граждане считают, что где-то там и лежит в земляном плену волшебная чаша Грааль. И стоит только ее найти…

А что, интересно, будет, если кто-нибудь вдруг отыщет Грааль, выкопает его из-под земли и начнет тереть его и мять, призывая совершить чудеса? Да ничего не будет. Если Грааль — предмет волшебный и мистический, то он не подчиняется приказам тех, кто его добыл. Грааль сам является и сам зовет, указывая дорогу, и отдает свою силу только ради лучезарного счастья для всех. Ведь он есть Любовь, как говорили «совершенные» о своем Боге. А если Грааль всего лишь материальная ценность, так и польза от него никакая, разве что в денежном эквиваленте. Но тогда… тогда какой же он Грааль?!

И если кто-то из вас горит желанием отыскать Грааль, то еще раз прочтите эту книгу и задумайтесь. А тот ли вы человек, который достоин стать хранителем Грааля? Достаточно ли вы щедры, благородны, чисты и честны, чтобы владеть символом высшей чистоты и неподкупности — легендарным Граалем?

Литература
(Электронный архив автора)

Аддисон Ч. Дж. История рыцарей-тамплиеров. церкви Темпла и Темпла, написанная Чарльзом Дж. Аддисоном, эсквайром из Внутреннего Темпла/ Пер. с англ. Бергер К. К. — М.: Алетейа, 2004.

Амбелен Р. Драмы и секреты истории.

Байджент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. СПб, 1993.

Барац А. Суровая святость.

Борон, Робер де. Иосиф Аримафейский.

Брайант А. Эпоха рыцарства и истории Англии.
Бреннон А. Ереси в Средние века: «Есть две Церкви».
Бреннон А. Катары: бедняки Христовы или апостолы Сатаны? Перевод Credentes.
Бреннон А. Катары как слуги дьявола: обвинения оппонентов. Перевод Credentes.
Бреннон А. Катары: Христианская церковь на костре.
Бреннон А. Монсегюр.
Брюнель-Лобришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII вв./ Пер. с фр. Е. Морозовой. М., 2001.
Бэкон Ф. Новая Атлантида. Сочинения и 2-х томах, т.2. М… Мысль, 1972.

Венкелеер Т. Церковь Божья. *Гарбар Д.* Загадки Ковчега Завета.

Гарднер Л. Потерянные секреты Священного Копчен».
Гендель М. Космогоническая концепция розенкрейцеров/ Основной курс по прошлой эволюции человека, его нынешней конституции и будущему развитию.
Генон Р. Рождение аватара.
Генон Р. Царь Мира.
Григулевич И. Инквизиция и еретики. М., 1984.
Грин Р. Л. Приключения короля Артура и рыцарей Круглого Стола. Пер. с англ. Льва Паршина. Москва, 1981.
Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация.

Дрюон М. Железный король.
Дювернуа Ж. Религия катаров.

Жеребцов А. Тайны алхимиков и секретных обществ. М., 1999.

Заборов М. Папство и крестовые походы. М., 1960.

История Средних исков (сост. М. М. Стасюлевич), т. 3. СПб. — М… 2001.

Клари, Робер де. Завоевание Константинополя. М., Наука, 1986
Книга премудрости Ииуса, сына Сирахова.
Конвент Великого Востока (1922 г.).
Куглер Б. История крестовых походов. «Феникс», 1995, Ростов-на-Дону.
Кузьмин Е. Триады бардов.

Ладыгина О. Культура мифа: Книга для учащихся. — М.: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2000.
Ланглуа Г. Белибаст, несовершенный катар (Перевод Credentes).
Лионский ритуал катаром. (Перевод Credentes).
Лозинский С. История папства. М., 1961.

Мабиногион.
Майе, Ж. де. Тайный поход тамплиеров (сборник «Тайны тысячелетий»)
Мак Лейн А. Алхимический сосуд как символ души.
Мелвиль М. История ордена тамплиеров/ Пер. с фр. к.и.н. Цыбулько Г.Ф. — СПб: Евразия, 2003.
Михайлова Т. Ирландское предание о Суибне Безумном, или Взгляд из XII века и VII. М… «Энигма», 1999.
Мишо Г. История крестовых походов. — М.: Алетейа. 2003.
Монмутский Г. Жизнь Мерлина.

Монмутский Г. История бриттов.
Монро Д. Утерянные книги Мерлина.
Мудрость древних и тайные общества. Смоленск, «Русич», 1995.
Мэлори Т. Смерть Артура.

Ольденбург З. Костер Монсегюра.
Осокин П. История альбигойцев и их времени. ООО «ФИРМА «ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ», 2000.

Парацельс Т. Магический Архидокс.
Парнов Е. Трон Люцифера: Критические очерки магии и оккультизма — М: Политиздат, 1985.
Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола.
Печников Б. «Рыцари церкви»: кто они? /Очерки об истории и современной деятельности католических орденов.
Платонов О. Тайная история масонства.
Понтанус Я . Философский огонь.
Пуассон А. Теории и символы алхимиков.

Ран О. Крестовый поход против Грааля.
Рене П. Прочтение катарами Евангелия от св. Иоанна.
Рис А. и Д. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе.
Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство/ Пер. с фр. Карачинского А.Ю. — СПб.: Евразия, 2002.
Рокеберт М. Религия катаров и ее мифы.
Рокеберт М. Религия катаров.
Руа. История рыцарства. С.-Петербург, 1858.

Сапрыкин Ю. История Ирландии, «Мысль», Москва, 1980.
Свенцицкая И. Апокрифические евангелия новозаветной традиции.
Свинцовые врата алхимии. СПБ., 2002.
Серрано М. Воскресение Бальдура в Водолее.
Серрано М. Воскрешение героя Ману.
Серрано М. Герда.
Серрано М. Голем.
Серрано М. Люцифер и свет Гнозиса.
Серрано М. Наше мировоззрение.

Тайная книга Богомилов.
Трофимова М. Гностические апокрифы из Наг-Хаммади.
Труа, Кретьен де. Персиваль.

Упахар С. Мистерия Грааля и цикл Кали-Юги Инициация и метаистория.

Фламель Н. Алхимия.
Фламель Н. Иероглифические фигуры.

Шарпантье Л. Тайны тамплиеров/ Пер. с фр. Е. Мурашкинцевой.—М.: КРОН-ПРЕСС, 1998
Шарру Р. Сокровища мира — зарытые, замурованные, затонувшие, — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

Шкунаев С. Община и общество западных кельтов, «Наука», М, 1989.
Штоль Г. Пещера у Мертвого моря. Сокр. пер. с нем. М. А. Туловой. Отв. ред. И. Д. Амусин. М., 1965
Шустер Г. История тайных союзов.

Эвола Ю. Мистерия Грааля.
Эко У. Имя Розы — СПб: Симпозиум, 2002.
Эко У. Маятник Фуко. — СПб: Симпозиум, 2002.
Эшенбах В. Парцифаль.